РЕКА 2021
ВРЕМЕНИ

Река времени. 2021

Уфа – 2021

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)
Р36

Рецензент:

Андрей Витальевич Егоров
(независимый исследователь, Московская область)

Р36 **Река времени. 2021** / составитель и ответственный редактор М. И. Роднов. — Уфа: КнигаПринт, 2021. — 148 с.
ISBN 978-5-6045370-8-4

В очередной сборник «Река времени» вошли материалы по истории Уфы и Башкирии с конца XVI в. и до начала XX в. Как всегда много материалов по Уфе, которая в 2021 году отмечает небольшой юбилей – 435 лет со дня основания в 1586 г. Цикл статей ещё раз неопровержимо подтверждает эту датировку.

Как всегда в сборнике представлены мемуары, впервые публикуются уникальные церковные источники по истории Уфы, цикл статей о военных и купцах показывает удивительно богатую и неповторимую историю нашей земли.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

ISBN 978-5-6045370-8-4 © Коллектив авторов, 2021

Содержание

Введение.....4

Роднов М.И.
От мифа к фейку (фальшивый юбилей, 1574–1974 годы).....5

Асфандияров А.З.
Основание города Уфы.....38

Солодкин Я.Г.
О некоторых спорных вопросах предыстории Уфы
(к интерпретации уникальных свидетельств
Поволжского летописца).....56

Макарова В.Н.
Духовные росписи Спасского храма Уфы.
К вопросу об историческом источнике.....60

Чистяков О.В.
Уфимский губернский предводитель дворянства князь
Александр Александрович Кугушев.....84

Тарасова Т.В.
Ярославцы в рядах уфимского купечества.....91

Чистяков О.В.
Уфимский губернский воинский начальник, герой Кавказской
войны генерал-майор Эдуард Карлович Штанге.....111

Петров Д.В.
Белебей в 1870–1880 годах в воспоминаниях
Георгия Петровича Енишерлова.....121

Зарудная-Фриман М.
Воспоминания (Урал и Уфа, 1917–1918 годы)
(публикация и комментарии А.В. Егорова).....129

Список сокращений.....146

Список авторов.....147

Введение

Если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться
(*закон Майерса*)
Чем меньше фактов, тем красивее схемы
(*из законов Мерфи*)

В 2021 г. наша славная Уфа отмечает небольшой юбилей, прошло 435 лет с того времени, как весной – летом 1586 г. командиры военного отряда Ф.М. Туров и З.Н. Волохов заложили на южной оконечности полуострова Уфимский острог, а в конце года в Уфу прибыл первый воевода М.А. Меньшой Нагой.

Естественно, что большинство статей затрагивают историю города Уфы, судьбы его жителей. Открывают сборник три работы, посвящённые возникновению Уфы, и в их числе великолепное исследование Анвара Закировича Асфандиярова (1934–2014). В его богатейшем научном наследии статья об основании Уфы – подлинный шедевр, выдержавший самое главное для историка испытание – проверку временем. Даже сейчас она читается как новаторская, актуальная работа, блестящий анализ источника, тонкое владение научным инструментарием – урок большого Мастера для последующих поколений.

Известный московский военный историк О.В. Чистяков открывает историко-краеведческому сообществу Уфы и Башкирии целый пласт новой информации – формулярные списки военных, а значительная часть местной элиты начинала карьеру в Российской императорской армии. Впервые показана биография, говоря современным языком, одного из первых «военкомов» Башкирии, героя Кавказской войны генерала Э.К. Штанге.

Как всегда особое внимание уделяется публикации новых источников. В современной отечественной историографии наблюдается стремительный рост интереса к церковной документации, впервые В.Н. Макарова публикует фрагмент исповедных (духовных) росписей одного из самых престижных храмов Уфы – Спасской церкви. А краевед Т.В. Тарасова открывает абсолютно новую страницу уфимской истории – контакты с далёким Ярославским краем.

Увлекательные мемуары, представленные Д.В. Петровым и А.В. Егоровым добавляют ярких красок в данный сборник, напоминают о роли личностного восприятия прошлого.

Благодарю за интерес к моему сборнику и приглашаю открыть его страницы Читателя, который ждал и надеялся на новую встречу с Настоящей Историей.

Составитель и ответственный редактор

М.И. Роднов

От мифа к фейку (фальшивый юбилей, 1574–1974 годы)

Одной из спорных тем в уфимском краеведческом, научном, публицистическом сообществе, современном информационном пространстве остаётся дискуссия о дате основания Уфы (1574 или 1586 год), которая уходит своими корнями в эпоху Российской империи. Разные точки зрения высказывались уже тогда, что приводило в сомнение местных любителей старины. Но в конце концов, опираясь на специальное исследование местного уроженца и первого академика из Уфы П.П. Пекарского[1], ведущие краеведы второй половины XIX в. Р.Г. Игнатьев и Н.А. Гурвич согласились с его точкой зрения и в 1886 г. Уфа торжественно отметила 300-летие своего существования. Тогдашний городской голова Д.С. Волков, сам интересовавшийся историей, принял аргументы и организовал пышный юбилей[2].

Окончательный выбор в пользу 1586 г. был обусловлен единственной научной аргументацией академика П.П. Пекарского, разыскавшего подлинные документы конца XVI в. Все прочие авторы просто излагали собственные предположения, не утруждая себя какими-либо доказательствами.

Тем не менее, в уфимском гуманитарном сообществе попрежнему функционировали обе датировки. Например, в хронологическом указателе официального справочника на 1908 г. наиболее выдающихся событий в Уфимской губернии значилось:

«1574 – Воевода Иван Нагой, по Царскому повелению, прибыл для основания г. Уфы. Боярским детям, стрельцам и пушкарям, прибывшим с Нагим, розданы пустопорожние земли близ Уфы. Здесь – начало русской колонизации.

1575 – Сибирские царевичи Аблай и Тевкель приходили с войском препятствовать строению г. Уфы, но были разбиты и взяты в плен.

1586 – Совершилось окончательное основание г. Уфы, при чём срублен был деревянный, укреплённый острог, как первый в Башкирии сторожевой пункт»[3]. Как видим, здесь использова-

---

[1] *Пекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. X, № 5. СПб., 1872. Его взгляды принимал, к примеру, В.А. Новиков, историк уфимского дворянства.

[2] Подробнее см.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009.

[3] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год.

лись обе даты, якобы в 1574 г.[1] начали, но лишь через двенадцать лет окончательно достроили.

Этот текст перепечатывался в адрес-календарях Уфимской губернии, последний раз в 1911 г. Ошибочные, непроверенные факты о приходе сибирских царевичей (он состоялся в следующем веке), воеводе Иване Нагом и пр. не имели никакого значения для складывавшегося уфимского историко-краеведческого сообщества, где шли вольные дискуссии. Двойственный взгляд на дату основания Уфы отражают единичные издания предреволюционной поры.

Преподаватель истории в уфимской мужской гимназии Венедикт Афанасьевич Ефремов, приводя мнения предыдущих исследователей, сначала отмечал, что «основание города Уфы, как можно с вероятностью полагать, последовало весною 1586 года». Но затем, признав отсутствие достоверных источников, всё же заявил, что «первое укрепление на Уфе строил воевода Иван Нагой в 1574 г.»[2]

В популярном сочинении инспектора классов Епархиального женского училища, священника Александра Александровича Гуляева утверждалось, что «в 1574 г. в Уфу эльдятскую, – так называлась тогда волость, в которой находилась нынешняя Уфа, – прибыли две роты стрельцов под начальством воеводы Ивана Нагого, вместе с боярским сыном Голубцовым.

В этом же году и был построен на "Белой Воложке", т. е. на реке Белой, в той части, где в Белую впадают Уфа, Дёма и Сутолка – Детинец – стратегический пост, который явился продолжением ранее заложенных пограничных крепостей – Елабуги, Мензелинска и Бирска».

Далее любитель старины и автор многочисленных сочинений А.А. Гуляев утверждал, что Уфа недолгое время «была только сторожевым постом Московского государства», но «наиболее вероятным годом основания "города" Уфы следует признать 1586 г.; в этом убеждает нас авторитетное свидетельство покойного

Уфа, 1908. Справочная часть. С. 24.

[1] Одним из пропагандистов даты 1574 г., как начала Оренбургского казачьего войска (сперва Уфимского), был исследователь казачества генерал-майор Н.Г. Лобов, см.: *Матвиевская Г.П.* Николай Григорьевич Лобов (03.10.1842–07.04.1915) // Оренбургская учёная архивная комиссия: её «Труды» и авторы / сост. Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева; Под ред. А.Г. Прокофьевой. Оренбург, 2020. С. 228. На эту тему любят (бездоказательно) порассуждать и современные историки казачества, см.: *Иванов В.А., Кортунов А.И., Косянов В.И., Чугунов С.М.* Оренбургское и Уральское казачьи войска. История и культура. Уфа, 2009. С. 20–21.

[2] *Ефремов В.А.* Из истории Уфимского края. Уфа, 1913. С. 3, 5.

академика П.П. Пекарского»[1].

Никаких «исторических» государственных организаций тогда в Уфе не существовало, «официальной» даты возникновения города не требовалось. В 1916 г. 330-летие Уфы не праздновали.

Новая же советская власть сначала вообще полностью отрицала дореволюционное прошлое, до начала 1930-х гг. российская история даже в школах фактически не преподавалась, лишь с упрочением Советской империи Сталина понадобилось славное, имперское прошлое. Единичные краеведы (П.Ф. Ищериков и др.) в своих газетных статьях изредка вспоминали эпоху проклятого самодержавия и то чаще в виде анекдотов. В редких брошюрах той поры пересказывались краткие сведения: «временем основания города можно считать 1574 год»[2].

Необходимо также подчеркнуть, что в первой половине XX в. наблюдался непрерывный разрыв историографической преемственности. Крохотное гуманитарное сообщество Уфы (преподаватели, любители-краеведы и первые научные сотрудники с конца 1920-х гг.) подвергалось постоянному внешнему давлению. Бегство, репрессии, политические преследования дополнялись отсутствием «площадок» для публикации трудов, за исключением насквозь идеологизированных единичных советских газет, находившихся под пристальным контролем цензуры. Через десятилетия новые поколения любителей старины заново (для себя и читателей) «открывали» прошлое нашего города.

Кроме того, очень слаба была информационная инфраструктура в крае, включавшая единственную республиканскую библиотеку, долгое время вообще закрытые для пользователей архивы, сеть вузовских и ведомственных библиотек. Не случайно до сих пор слабо используются в краеведческих исследованиях материалы главной русскоязычной газеты БАССР «Красная Башкирия» (1925–1951), затем «Советская Башкирия»[3].

В немногочисленной местной литературе доминировал компромиссный вариант «сочетания» двух датировок. В справочнике по Уфе для массового читателя говорилось: «Как крепость и опорный пункт на востоке Русского государства она была основана в 1574 году, а городом официально стала называться с 1586 года»[4]. Вторил школьный учебник: «Местом жительства

---

[1] *Гуляев А.А.* Иллюстрированная Уфа. (Уфа в прошлом и настоящем). Уфа, 1914. С. 14–16.

[2] *Тахаев Х.Я., Пархоменко И.И.* Уфа столица Башкирской АССР. М., 1952. С. 21.

[3] Зарождение советского краеведения, эпоха 1920–1960-х гг. в данной статье не рассматривается. Это отдельная тема исследования.

[4] *Тахаев Х.Я., Фенин Л.Н., Куприянова М.Н.* Уфа. Справочник-путеводитель.

воеводы была Уфа, основанная в 1574 году как крепость и утверждённая через 12 лет городом»[1].

Таким образом, изучение дореволюционной истории Уфы на протяжении долгих десятилетий оставалось исключительно прерогативой краеведов, горячая любовь которых к своему городу «уравновешивалась» неглубоким знанием источников. Почти не использовались материалы даже уфимского архива, не говоря о центральных, они не знали достижений профессиональной (столичной) исторической науки. Основой большинства публикаций уфимских краеведов были доступные дореволюционные издания (главным образом, местные) и различные мемуарные практики (воспоминания, рассказы старожилов и пр.).

Ситуация изменилась в 1969 г. 1 января вышел первый номер новой ежедневной городской газеты «Вечерняя Уфа», которую возглавил молодой талантливый редактор Явдат Бахтиярович Хусаинов (1931–2012)[2]. Уроженец Стерлитамака, прошедший большую школу журналистики в уфимской молодёжной газете «Ленинец» и «Комсомольской правде», он создал принципиально новую для той эпохи газету в Уфе и вообще в Башкирской АССР[3].

«Вечерняя Уфа» под руководством Я.Б. Хусаинова сразу стала популярным изданием. Кроме обязательного официоза и международных новостей (не всегда политических), в «вечёрке» регулярно публиковались художественные произведения (стихи и проза), реклама (в первом номере она заняла целиком последнюю страницу!), новости моды, много фотографий, городская хроника, путевые очерки и даже телевизионная программа с анекдотами. Быстро растущему городу, ведущему промышленному центру Южного Урала, население которого стремительно приближалось к миллиону, была необходима собственная пресса.

Редактор Я.Б. Хусаинов понимал, что сформировавшийся в Уфе советский «средний» класс требует качественной и интерес-

---

Уфа, 1966. С. 7.

[1] История Башкирской АССР. Учебное пособие / Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. Уфа, 1965. С. 11. В следующем учебнике повторили: «В 1574 году была построена крепость Уфа, которая в 1586 году стала городом» (*Ахмадиев Т.Х., Кузыев Р.У., Сираев З.И., Юлдашбаев Б.Х., Якимов В.А.* История Башкирской АССР. Учебное пособие / Под ред. С.М. Васильева, Руст.Г. Кузеева. Уфа, 1968. С. 11).

[2] Биографию Я.Б. Хусаинова изложила в ряде публикаций журналист Р.Г. Краснова. См.: *Краснова Рашида.* Непобедимый // Уфа. 2011. № 4 и 5; др.

[3] У «вечёрки» был предшественник, недолго, с июля 1968 г., выходила малоформатная газета «Два выходных». Она имела успех как «коммерческое» издание для широкой публики. Подшивка газеты «Два выходных» сохранилась в Книжной палате РБ (ныне в системе НА РБ).

ной информации, в том числе по истории своего города. И сразу, со второго номера, начал публиковаться краеведческий материал, включая работы о природе.

Естественно, особое место занимало партийное, историко-революционное краеведение. Уже в третьем номере выходит большая статья Ю.А. Узикова о Ленине, при «вечёрке» сложилась группа «партийных» краеведов (Узиков, Ю. Кизин, Г. Павлюченков и другие), которые непрерывно рассказывали о подпольщиках, персонажах революции 1917 г. и Гражданской войны, понятно, что особое место занимали фигуры Ленина и его жены Крупской, посещавших Уфу. Местные лениниана и революциониана шли постоянно, под них отводилось много газетной площади (№ 6, 7, 8, 9, 20, 23, 26, 29, 32, 34), в номерах 38–41 выходит первый «сериал» краеведа Ю. Кизина «Дело о заложниках», в номере 49 за 1969 г. отмечался юбилей Н.К. Крупской (первая и вся вторая страницы), затем печатались статьи в № 51, 52, 53, 63 и прочая и прочая и прочая[1].

Просто огромный объём историко-партийного краеведения был вызван не только политической необходимостью, из моего личного общения с Я.Б. Хусаиновым могу утверждать о его искренней вере в идеалы коммунизма.

Но при этом он также ясно видел интерес уфимских читателей к дореволюционной истории Уфы, которая, правда, тоже была «нашпигована» революционной тематикой. Первой «ласточкой» стала статья опытного сотрудника Краеведческого музея, прекрасного, душевного, доброго человека Зори Ивановны Бугровой (1924–2002) «Мы идём по улице Сазонова…» в номере 10 за 1969 г., где кратко рассказывалась история данной улицы.

А затем, в № 18 за 21 января 1969 г. появилась особая рубрика «Клуб знатоков Уфы», первой «клубной» статьёй стала публикация С. Волкова-Кривуши «Оперетта в доме воеводы» о театральной постановке польских ссыльных в конце XVIII в. и даже с фото. Более того, в газете придумали эмблему с непременным Салаватом Юлаевым (Я.Б. Хусаинов, из моего личного общения, также свято верил в его светлый образ).

И весь 1969-й год в «Вечерней Уфе» под этой рубрикой выходили различные краеведческие статьи, сложился «костяк» ав-

[1] Анализ «партийного» краеведения и исходивших оттуда фейков требует отдельного исследования. Например, в номере «вечёрки» за 27 мая 1969 г. известили о кончине революционера Бориса Николаевича Нимвицкого, который, как скромно сообщили в газете, родился в Уфе в 1885 г. «в семье служащего». Вообще-то отец будущего большевика лютеранин Николай Осипович Нимвицкий являлся везенбергским купцом (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 26. Л. 580 об. – 581), известным в Уфе предпринимателем.

торов – В. Дильман, В. Деденко, Р. Амантаева, А. Хоменко, Б. Попов, московский историк Н.Ф. Демидова прислала заметку о городском гербе, И. Гальперин, Л. Сухова, Л. Атанова, фотограф В. Яковлев, директор краеведческого музея Р.Б. Ахмеров, знаменитый архивист В.Г. Хазиев, в номере за 15 декабря 1969 г. выходит заметка об архитекторе Гесте авторов Н. Барсова и Г. Гудкова. В Уфу переезжает строитель Георгий Фёдорович Гудков (1916–1995), родом коренной уфимец, ставший затем одним из ведущих краеведов Уфы и Башкирии конца XX в.

Конечно, публикации в «вечёрке» по дореволюционной истории не ограничивались только статьями членов Клуба, кстати, в массе своей небольшими по объёму, в отличие от «партейных». Так, в номере 34 вышла поэма челябинца В.В. Сорокина о Салавате Юлаеве, небольшой фрагмент:

В липняке, за речкой Белой,
Посреди степи,
Жил помещик Неробелов
И кислушку пил.
Ел отборные арбузы
Во большом дворе.
Заставлял он гладить пузо,
Маясь на ковре.
Отмуштрованные слуги
Целою гурьбой,
Розовели от натуги,
Тёрли вперебой.

Надо отдать должное редактору Я.Б. Хусаинову, который в разгар построения «развитого социализма» всячески поддерживал уфимское краеведение, наверняка, защищая от происков цензуры. Впрочем, у редактора была надёжная опора в лице первого секретаря Уфимского горкома КПСС М.З. Шакирова (1916–2004), который как раз в 1969 г. займёт важнейший пост фактического главы республики – станет первым секретарём Башкирского обкома КПСС (с 1969 по 1987 гг.).

И тут сенсация в № 93! 16 апреля 1969 г. «в редакцию были приглашены десятка два "знатоков Уфы" – тех, кто по роду своей профессиональной деятельности, а больше из увлечённости краеведением знают о нашем городе, его истории полнее, чем остальные. Совещание было продолжительным и интересным».

Без сомнения, с согласия высшего руководства провели организационное собрание краеведов при Клубе. Говорили о многом и … среди предложений прозвучало:

«– Стоило бы "вечерке", **в связи с приближающимся 400-летием нашего города**, начать публикацию своего рода газетного фотоальбома "Уфа за 400 лет"» (выделено мною – *авт.*).

А какой такой юбилей мог приближаться в 1969 г.? Только первая дата – 1574-й год. На этом краеведческом совещании было даже избрано руководство – «совет "Клуба знатоков Уфы". Вошли в него краеведы Н.Н. Барсов (председатель совета) и Г.Ф. Павлюченков, зам. председателя секции пропаганды республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Н.И. Волкова, инженер "Башмежколхозстроя" Г.Ф. Гудков и заведующая отделом информации "Вечерней Уфы" А.С. Татарченкова»[1].

Невероятно, но председателем совета Клуба краеведов избрали пенсионера Николая Николаевича Барсова (1901–1981), до 1961 г. трудившегося в структурах Госплана БАССР, человека с непогашенной судимостью (!) по политической (!) статье, его реабилитировали только в 1993 г., посмертно, в местном архиве КГБ лежали дела о бывшем эсере Н.Н. Барсове[2]. По рассказам старожилов, за ним продолжалось негласное наблюдение.

Видимо, не случайно в совет Клуба вошёл один из самых авторитетных и много печатавшихся уфимских партийных краеведов – Георгий Филиппович Павлюченков, автор «Башкирской Ленинианы», наверняка, в качестве «наблюдающего».

Тем временем уфимские краеведы разошлись не на шутку, под эмблемой Клуба беспрерывно в 1969 г. выходили статья за статьёй – в № 20, 23, 30, 33, 37, 43, 56, 65, 66, 67, 74, 79, 83, 92, 93, 100, 114, 118, 130, 144, 162, 172, 176, 210, 220, 221, 230, а в номере 268 «вечёрки» от 14 ноября 1969 г. целую третью страницу впервые отдали краеведам. В № 273 рекламировался Клуб для подписчиков на следующий год и 15 декабря 1969 г. (№ 292) снова целую страницу подарили краеведам. Пиршество прямо… Причём среди «клубных» заметок революционная тематика отнюдь не доминировала, писали о чём угодно. Сама эмблема Клуба изменилась, добавили современность (далее оба варианта).

Без сомнения, такое покровительство уфимским краеведам со стороны редактора Я.Б. Хусаинова опиралось на негласную

---

[1] Вечерняя Уфа. 1969. 18 апреля.

[2] Подробнее см.: *Егоров А.В.* Неизвестные страницы биографии уфимского краеведа Николая Николаевича Барсова // Река времени. 2019 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019. Сохранился немалый личный фонд Н.Н. Барсова (НА РБ. Ф. Р-1943). Его творчество здесь не рассматривается, как и взаимоотношения с местной прессой. Он публиковался и раньше, например: *Барсов Н.* Из прошлого Уфы // Советская Башкирия. 1966. 19 ноября (о народном образовании).

санкцию нового главы Башкирии, первого секретаря обкома Мидхата Закировича Шакирова. Советский режим – это власть номенклатуры, партийной олигархии, которая решала всё.

Это был необычный правитель края, единственный за всю тысячелетнюю историю – сын историка, да ещё вдобавок коренной уфимец. Он родился в семье любителя старины, состоявшего в дореволюционных краеведческих обществах Уфы Закира Шакировича Шакирова (1881–1968), окончившего, помимо медресе, Московский университет Шанявского[1]. Сын, наверняка, хорошо был осведомлён об истории Уфы, о чём свидетельствует, к примеру, строительство нового здания обкома партии на склоне Белой, где отличные панорамные виды, а не внутри города, возможно, лично знал старых краеведов (Барсова и др.).

М.З. Шакиров с 1963 по 1969 гг. был первым секретарём Уфимского горкома КПСС, его сменит С.С. Воронинский. Сам же М.З. Шакиров заменил долго царствовавшего в Башкирии (с 1957 г.) З.Н. Нуриева. Тот пошёл на повышение, перевели в Москву председателем Госкомитета по заготовкам. Новому «первому» в Уфе нужно было укреплять свой авторитет перед Л.И. Брежневым и высшей советской элитой. А что может быть для этого лучше, чем юбилеи с их праздничными мероприятиями, наградами, выбитыми у центра ресурсами и другими приятными мелочами. Тем более, что 1969 и 1970 гг. просто изобиловали торжествами, от с помпой отпразднованного 50-летнего юбилея Советской Башкирии и подвигов чапаевцев в Гражданскую до столетия основоположника Советского государства Ленина. А в Башкирии уже имелся опыт официального празднования дореволюционных событий – добровольного присоединения башкир к Русскому государству в 1957 г., увековечивания памяти Салавата Юлаева – к 1967 г. (установка памятника). Юбилей основания Уфы логично укладывался в традицию.

[1] О нём см.: *Ергин Ю.В.* Портреты. Деятели народного образования Башкирии. Уфа, 2008. С. 153–224; др.

Скорее всего, именно в 1969 г. впервые публично, в одном из ведущих изданий Башкирии, новой «вечёрке», которая пользовалась негласным покровительством самого первого секретаря обкома партии (Я.Б. Хусаинов редактировал свою газету всю эпоху правления Шакирова) была вброшена в информационное пространство мысль о якобы 400-летнем юбилее Уфы в приближавшемся 1974 г. Инициаторами стали краеведы Клуба знатоков под председательством Н.Н. Барсова.

С моей точки зрения, именно Николай Николаевич Барсов явился агитатором и пропагандистом идеи продвижения датировки 1574-го года в массы. Ещё в № 23 «вечёрки» за 1969 г. вышла заметка «Первые обитатели», подписанная загадочным Н. Николаев. По всей видимости, это один из псевдонимов Н.Н. Барсова (по инициалам), в советское время тайна псевдонимов существовала лишь для читателей. Редактору (и цензуре) она была прекрасно известна, иначе бы просто не напечатали.

Поговорив в начале статьи о Чёртовом городище (по Р.Г. Игнатьеву) аноним вдруг круто меняет тему и с нового абзаца: «Дата основания Уфы историками точно не установлена: одни относят это событие к 1574, а другие к 1586 году.

Любители "компромиссов", а также исследователи-неисторики (экономисты, географы и др.), говоря об Уфе, обыкновенно пишут, что Уфа основана в период "между 1574 и 1586 годами" или, ещё больше запутывая дело, утверждают, что она "построена в 1574, а признана городом в 1586 году".

В советских официальных изданиях (например, в справочниках административного деления страны) годом основания Уфы считается 1586 год. Зато в последнее время наши историки всё больше отдают предпочтение 1574 году и уверенно обещают уфимцам через пять лет торжественное празднование 400-летия Уфы. Тут надо сказать, что, с точки зрения простого читателя, и доводы учёных – сторонников 1574 года, и научная аргументация приверженцев 1586 года очень слабы. Первые следуют за членом-корреспондентом Академии наук П.И. Рычковым, который ещё очень давно на основании неизвестных нам документов назвал 1574 год. Вторые идут за академиком П.П. Пекарским, который тоже на основе неизвестно где находящейся теперь дипломатической ноты ногайского феодала Уруса предположил 1586 год. Обидно, но факт: документов нет, и спросить сейчас не с кого (П.И. Рычков умер почти 200, а П.П. Пекарский почти 100 лет тому назад), живые же историки пока не хотят изложить своё мнение».

С одной стороны, Николаев в общем верно отобразил ситуацию, в публикациях полный разнобой, но с обоснованием да-

тировки слукавил, в работе П.П. Пекарского приведены точные фрагменты документации, которую автор «вечёрки», естественно, в глаза не видал, да и не мог повидать. Историки Ногайской орды не оспаривают найденные Пекарским документы[1]. Автор статьи *сфальсифицировал* ситуацию, приравняв научные доказательства П.П. Пекарского, разыскавшего свидетельства за 1586 г. (в работе названы архивные дела и даже приведены номера листов), с предположениями краеведа П.И. Рычкова.

Через несколько месяцев Н. Барсов в заметке уже под своим именем «К истории улиц» снова возвращается к теме: «Уфа как крепость основана по просьбе башкирского народа Московским правительством в 1574 или 1586 г. (о точной дате историки ещё спорят)»[2]. Кроме директора Краеведческого музея Р. Ахмерова, никто из авторов 1969-го года о дате основания Уфы не рассуждал (в статье о происхождении самого названия «Уфа» последний изложил компромиссный вариант)[3].

Зачем Н.Н. Барсову понадобилось отвергать доказательства академика П.П. Пекарского, принятые Р.Г. Игнатьевым, Н.А. Гурвичем, Д.С. Волковым в 1880-е гг., точно мы никогда не узнаем. Кроме примитивного (краеведческого) инстинкта об удревнении всего и всякого, главную роль, скорее, сыграли неудовлетворённые амбиции, желание Барсова, так сказать, войти в пространство исторической науки. Но не забудем, что это желание подозрительно совпало с настроением высокого начальства, советский краевед Барсов разоблачил буржуазную историографию (Рычков жил в далёкую феодальную эпоху, современник Салавата Юлаева).

Н.Н. Барсов во второй заметке чётко реагирует на политическую конъюнктуру, подгоняя основание Уфы к складывавшейся одной из основных мифологем Советской и постсоветской Башкирии: башкиры пришли к Ивану Грозному, добровольно приняли его власть, получив вотчинное право на землю (ещё один фейк), заодно попросив «всем народом» выстроить го-

---

[1] Современный ведущий специалист по истории ногаев, ссылаясь в том числе и на Пекарского, пишет как «три крепости встали на главных ногайских переправах» и разъярённый правитель ногаев Урус требовал снести новые города «(вместе с только что построенной Уфой)» (*Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 598).

[2] Вечерняя Уфа. 1969. 17 апреля.

[3] «Уфа как город была основана, предположительно, в 1574 году. Как свидетельствуют исторические документы, Московское государство при царе Иване Грозном направило в Башкирию, по просьбе самих башкир, стрелецкий отряд во главе с первым воеводой Уфимской провинции [!?] Иваном Нагим. [...] Строительство Уфимского кремля, начатое в 1574 г., в основном было завершено к 1586 году» (Там же. 30 сентября).

род в своей земле. То есть столица будущего суверенного Башкортостана была построена по желанию коренного населения.

А Иван Грозный «отдал душу» в марте 1584 г. По второй же дате Уфу основали, значит, в правление его сына царя Феодора Иоанновича, при коем возвели в эти же годы Воронеж (1585), Самару и Тюмень (1586), прочие многие города и крепости дабы укрепить юго-восточные рубежи Московского царства, следовательно ни о каком челобитии башкирского народа не может быть и речи. И, вдобавок, с Кучумом воевали.

Можно лишь предполагать ход рассуждений Н.Н. Барсова, одно очевидно, он увидел возможность выйти из забытья, вместо упрашивания в редакциях взять малюсенькую заметочку на публикацию, стать во главе краеведческого движения (кроме партийного), получить статус официального исследователя, поддерживаемого высшей властью региона. Не станем упрекать бывшего эсера, прозябавшего в Госплане.

В 1969 г. главной газетой, органом обкома и совета министров оставалась «Советская Башкирия»[1], редактором которой работал Г.Г. Михеев. Это была тоже неплохая газета, много помещавшая художественной литературы и краеведения, но почти исключительно партийного. Регулярно выходили статьи Ю. Кизина, Г. Павлюченкова и других о Ленине, революционерах, Гражданской войне, часто весьма крупные по объёму. Например, начальник отдела использования ЦГА БАССР И. Гвоздикова в № 17 поместила материал «Новые документы о ходоках» (из села Бекетова к Ленину), затем журналист Н. Наймушин в № 77 продолжит тему в большой статье «Ленинский сход в Бекетово» и даже с фотографией. Среди революционного краеведения есть немало интересной информации мемуарного характера. Например, о чекисте Ткачёве в № 63 рассказали «ветераны Уфимского ЧК» И. Шобухов и В. Деденко. Есть статьи об уфимцах – кучере Чапаева и охраннике Ленина.

Обычное краеведение встречалось изредка, хотя попадались настоящие шедевры, как из-под пера журналиста и майора запаса Г. Булатова, в мае в Уфе состоялась краеведческая конференция, на которую съехались представители 50 районов и городов Башкирии (№ 123), а с номера за 7 мая в «Советской

[1] В Уфе выходила и третья массовая газета, орган Башкирского обкома ВЛКСМ «Ленинец» (редактор М.А. Гафуров). На её страницах дореволюционное краеведение практически отсутствовало. Лишь в № 11 раскритиковали работу ВООПИК (в сентябре 1968 г. сняли с должности председателя президиума совета Кировского районного отделения общества Г.Ф. Гудкова), было ещё несколько заметок, обсуждалась аксаковская тема, даже лениниана публиковалась в «Ленинце» скромно.

Башкирии» появился Н. Барсов со статьёй «Семья Жуковских». Он в 1969 г. печатался почти всегда на «революционные» сюжеты. С мая в «Советской Башкирии» началась фоторубрика «Знаете ли вы свой город», публиковались снимки старинных и современных зданий. Явно сказывалось влияние нового конкурента – «вечёрки».

Но ни в одной статье в «Советской Башкирии» за 1969 г. даже намёком не поднимался вопрос об основании Уфы. Эта тема официоз абсолютно не волновала, здесь Н.Н. Барсов никаких версий о возникновении города не высказывал. Впрочем, даже в «вечёрке» преобладали туманные рассуждения (продолжала бытовать компромиссная версия сразу о двух датах), идею предстоящего юбилея, мифического 400-летия Уфы только начинали «внедрять» в массовое сознание.

Краеведы во главе с советом Клуба знатоков выдвинули (вероятно, требовалось от имени народа) идею юбилея 400-летия Уфы. Но, естественно, в обкоме партии понимали, что важное мероприятие должны готовить не какие-то любители, а профессионалы советской исторической науки.

Но они как раз энтузиазма не проявляли. И в № 39 «Вечерней Уфы» за 1970 г. выходит дерзкая, если не нахальная статья Н. Барсова, который не забыл подписаться как председатель совета «Клуба знатоков Уфы», под заголовком «Долг историков». Привожу полный текст заметки: «Приближается знаменательная историческая дата: 400-летие со времени возникновения Уфы. Но когда, в каком точно году основан наш город?

Бесспорно, что возникновение Уфы было прямым следствием добровольного присоединения башкир к Русскому государству: тут сыграло роль желание самих башкир иметь в центре края крепость – защиту башкирского народа от воинственных степных соседей, а, с другой стороны, навстречу этому желанию башкир шло стремление царизма создать здесь новую опору для продвижения дальше, к юго-востоку. Однако эти признаваемые всеми соображения не решают ещё вопроса о годе основания города». «Подкованный» краевед сразу чётко расставил политические ориентиры. Читаем дальше:

«В 1573 году, как сообщил ещё самый старинный историк нашего края П.И. Рычков, "башкирцы о построении Уфы челобитье свое имели" и в 1574 году основана Уфимская крепость (город)». Прямо передовики «феодалистического» соревнования тут же выполнили задание партии и правительства, но: «Документальные источники сведений П.И. Рычкова не известны, и не все историки согласились с ним. Наш же уфимец (уроженец деревни Базилевки под Уфой) академик П.П. Пекарский уже сто

лет тому назад возражал П.И. Рычкову: основываясь на найденном им в архиве дипломатическом протесте против строительства Уфимской крепости, направленном царю Фёдору в 1586 году ногайским ханом Урусом. П.П. Пекарский относил основание Уфы к этому году. Большинство дореволюционных историков приняли эту точку зрения, и в 1886 году Уфа торжественно отмечала 300-летие города. Во всех советских официальных изданиях (например, в справочниках административного деления) и до сих пор годом основания Уфы также указывается 1586 год. Правда, документ, который использовал П.П. Пекарский, находится сейчас неизвестно где, и цитированные им отрывки ногайского дипломатического протеста не для всех убедительны».

Н.Н. Барсов «сквозь зубы» признаёт, что у Пекарского есть цитаты из оригинала, повторяя затем свой фейк про неизвестно где находящийся документ. Интересно, как он затем читал статью А.З. Асфандиярова, который найдёт эти документы и укажет в сносках их точное местонахождение, дотошный библиофил Барсов не мог пропустить публикацию. А в 1970 г. Н.Н. Барсов категоричен: «Но сомнения ещё не доказательство. Почти 100 лет прошло после выступления П.П. Пекарского, но и за этот период историки в спор его с П.И. Рычковым ничего нового не внесли. Попеременно большинство их склоняется то к той, то к другой точке зрения, а некоторые периодически меняют свои позиции по этому вопросу», ехидно отметил бывший принципиальный сторонник идей партии эсеров.

«Специалист по феодальному периоду истории Башкирии А.Н. Усманов, книги которого заслуженно пользуются большим успехом у читателей, в 1949 году в работе "Присоединение Башкирии к Московскому государству" писал: "...Приход Ивана Нагого со стрельцами для основания Уфы по всем данным относится к 1574 году". В той же работе А.Н. Усмановым приводится ещё ряд соображений в пользу этой даты. Но в 1960 году во втором, дополненном и переработанном издании своего труда А.Н. Усманов, не ссылаясь ни на какие-либо вновь открытые документы или факты, сообщает: "В 1586 году... был построен г. Тюмень... в этом же году возник г. Уфа"».

Обвиняя других в непоследовательности, Барсов сам скатывается к откровенной лжи. Да, в работе А.Н. Усманова на странице 121 приводится этот текст, но там речь шла о сибирской истории, где Уфа упомянута мимоходом. Зато на следующей странице (122) автор говорит об основании Уфы в 1586 г., ссылаясь на С.В. Бахрушина, затем соглашается с Пекарским, а на странице 157-й А.Н. Усманов отметил, что дата основания в 1586 г. «подтверждается и летописными данными», ссылаясь на

«Сибирские летописи»[1]. Самым бессовестным образом Барсов почему-то не сообщил читателям «вечёрки» об этом, он постоянно всё сводил к спору между Рычковым и Пекарским, хотя имелись другие источники.

Снова Н.Н. Барсов: «Наконец, в 1965 году в "Исторической справке" к "Путеводителю по Башкирии" А.Н. Усманов утверждает: "В 1574 году началась постройка крепости Уфа, с 1586 года она превращается в город и становится административным центром".

Соединение этих двух дат (1574 и 1586) вообще стало "модным приёмом" в нашей литературе. Наиболее осторожные авторы относят основание Уфы "к промежутку между 1573–1586 гг." (Н. Лермонтов, М. Сахаутдинова. "Город Уфа", М. 1948). Географы выходят из положения на свой манер: Х.Я. Тахаев и И.И. Пархоменко ("Уфа". 1961) говорят, что Уфимская крепость начата строительством в 1574 г., а закончена в 1586 году. В литературе более популярной (только что изданная Агентством печати Новости брошюра "Уфа. Краткий путеводитель") соединение двух дат простое: "...в 1574 г. возник город-крепость Уфа... Уже с 1586 года Уфа представляла собою естественную и неприступную для того времени крепость". Примеров такого же духа можно привести ещё множество. Иные, ища выход из положения, заявляют даже, что возникла Уфа в 1574 году, но "утверждена городом в 1586 г."

Всё это не выдерживает даже самой поверхностной критики. Говорить, что Уфа построена в 1574 г., а с 1586 г. превращается в город и становится административным центром, нельзя, ибо Уфа с первых дней существования была городом (укреплённое место) и административным центром (пункт управления краем и сбора ясака). Определять продолжительность строительства Уфимской крепости именно в 12 лет, при абсолютном отсутствии об этом каких-либо документальных данных, тоже рискованно. Заявлять об утверждении в 1586 году Уфы городом – неправильно, ибо в XVI веке не было такого, чтобы поселения утверждались законодательно, как сейчас, или хотя бы административным актом в ранге города.

Значит, историки у нас, уфимцев, в долгу. Пусть не удастся найти новые документы об основании Уфы – через четыре века этого нельзя требовать. Но оценить известные уже архивные и литературные источники, прийти к общей для всех обоснованной точке зрения, убедительно объяснить её уфимцам – они

[1] *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960. С. 121, 122, 156, 157.

должны».

Эмоциональная заметка Н.Н. Барсова, да ещё с какими-то претензиями к историкам, появилась не случайно. Научное сообщество уверенно склонялось к окончательному признанию основания Уфы именно в 1586 г.

Сначала ведущими специалистами по периоду XVI–XVII вв. были столичные исследователи. Ещё перед войной Александр Петрович Чулошников (1894–1941) из Ленинградского отделения главного в стране Института истории АН СССР выпускает первую часть материалов по истории Башкирской АССР, где проводит мысль о военном завоевании края Московским царством.

После описания споров с ногаями (по Пекарскому), не называя прямо дату основания города Уфы, А.П. Чулошников проводит параллели с возникновением Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.), «устраивая Уфу у дороги, пролегавшей в то время из Казани в Сибирь, Москва думала всерьёз начать покорение всей Башкирии»[1].

В послевоенные годы была подготовлена первая обобщающая история края, где автором раздела стал известный историк Николай Владимирович Устюгов (1896–1963) из того же московского института истории СССР. Авторитетнейший специалист разобрал споры о двух датах основания Уфы, сделав категоричный вывод: «Мнение П.П. Пекарского, основанное на точных указаниях источников, и должно быть принято». Он также привёл данные академика М.Н. Тихомирова, который нашёл летописные сведения об основании Уфы в 1586 г.[2]

Казалось бы спорить не о чем, что отразил в своём уже упоминавшемся труде 1960 г. уфимский историк, сотрудник ИИЯЛ БФАН СССР Абубакир Нурианович Усманов (1910–1982): «в 1586 г. появляется первый русский город в Башкирии»[3].

В единственном в Башкирской АССР гуманитарном научно-исследовательском учреждении – Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР понимали необходимость заняться изучением истории столицы республики. И, по воспоминаниям многолетнего учёного секретаря ИИЯЛ Виктора Петровича Чемериса (умер в 2013 г.), «в 1967 г. с разного рода организационных проблем начиналась работа по истории г.

---

[1] *Чулошников А.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л., 1936. С. 25.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 1. Уфа, 1956. С. 84–85.

[3] *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 157.

Уфы. Первоначально научным руководителем был назначен А.Н. Усманов. Но уже к концу года стало ясно, что он не сможет организовать, сплотить авторский коллектив. Учёный совет назначает второго руководителя кандидата исторических наук Р.Г. Ганеева, а вскоре он становится единственным на этом посту».

Ревмир Галеевич Ганеев (1929–2007) после окончания истфака МГУ и преподавания в партшколе при обкоме в 1956 г. поступил в очную аспирантуру ИИЯЛ, в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию по Гражданской войне. В 1967 г. он возвращается в ИИЯЛ и возглавляет созданный сектор истории города Уфы, который существовал до 1976 г. По отзыву В.П. Чемериса, «настойчивость, такт во взаимоотношениях с авторами, тщательность в проверке всех данных и событий в истории города – так шаг за шагом Р.Г. Ганеев двигался к конечной цели»[1].

При этом, основной объём книги отводился под славное советское настоящее и дата основания Уфы являлась не то что не основным, а вообще сколько-нибудь значимым сюжетом. И тут, как снег на голову… Обком партии доводит свои требования до сведения директора ИИЯЛ Х.С. Сайранова (руководил с 1964 по 1980 гг.)[2], бывшего журналиста и секретаря Башкирского обкома партии по идеологии[3]. Погружённые в глобальные проблемы коммунистической теории руководители ИИЯЛ были, видимо, озадачены этим всплывшим неожиданно пустячком и поручают разобраться с возникшей проблемой молодого научного сотрудника А.З. Асфандиярова, который как раз готовил к защите кандидатскую диссертацию по кантонной эпохе[4].

Анвар Закирович Асфандияров (1934–2014) тогда много времени проводил в Москве (диссертация защищена в МГУ в 1969 г.) и Ленинграде, имел возможность поработать в архивах и библиотеках. И он не просто успешно поработал, ему удалось впервые после П.П. Пекарского привлечь старинные документы, собрать исчерпывающий для той эпохи объём источников и создать одно из своих лучших научных исследований.

Статья А.З. Асфандиярова «Основание города Уфы» (1972 г.) полностью перепечатывается в данном сборнике далее. Автор сразу связал постройку Уфы с войной против Кучума и строи-

---

[1] *Чемерис В.П.* Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук: пройденный путь (1952–1967 гг.). Уфа, 2012. С. 137; ресурсы интернета.

[2] Институт истории, языка и литературы. Время, открытия, люди. К 75-летнему юбилею. Уфа, 2007. С. 19.

[3] *Чемерис В.П.* Указ. соч. С. 122 и др.

[4] Здесь и далее см.: Асфандияров Анвар Закирович. Библиографический указатель / Сост. К.М. Асфандиярова. Уфа, 2017.

тельством Самары (угроза ногаев), он не просто пересказывал П.П. Пекарского, как все его предшественники, а творчески проанализировал оригинал, опровергнув фальсификации Барсова. Более того, возникновение Уфы дано в широком контексте, большое внимание уделено «западным» (казанским) источникам, показано влияние черемисских войн.

Свои наблюдения А.З. Асфандияров сделал после обработки обширного массива источников, включавших оба основных архива в столицах (совр. РГАДА и РГИА), а также (недоступные уфимским краеведам) единственную газету «Оренбургские губернские ведомости» и редкие книги.

Материал Асфандиярова показывает бурные военные действия в крае в 1580-е гг., фактически отрицающие задекларированную в начале статьи добровольность присоединения. Автор мастерски провёл критический анализ источников и убедительно опроверг легендарную датировку 1573/1574 гг., как и персонаж Ивана Нагого, жёстко отметив, что нельзя буквально воспринимать летописные краеведческие сочинения. Он даже позволил себе намёк, что целью мифотворчества (в далёком прошлом, конечно) было – «чтобы в ближайшие годы отметить юбилей города», просто высмеивая юбилейщиков!

И главное. Историк убедительно и на неопровержимых фактах доказал основание Уфы именно в 1586 г. Более того, А.З. Асфандияров поставил под сомнение миф о возведении Уфы по просьбе башкир, в конце приведя свидетельства участия в постройке города не только башкир, но даже татар.

После такого научного шедевра всякие споры о мнимом основании Уфы и юбилейных торжествах в предстоящем 1974 г. нужно было просто выкинуть. Только власть считала по-другому. Анвар Закирович проявил недюжинную смелость настоящего учёного, но идти против обкома партии в те времена было самоубийством. И в статье два раза А.З. Асфандияров без всяких доказательств вынужден был заявить: «с 1574 г. на полуострове между рр. Белой и Уфой был учреждён сторожевой пост для наблюдения в летние месяцы за передвижениями соседних кочевников. На этом самом месте и образовалось русское поселение, о чём свидетельствует существование церкви, основанной в 1579 или 1584 гг.», и в конце: «Таким образом, город был построен русскими служилыми людьми, башкирами и мишарями в 1586 г. на месте русского поселения, возникшего в 1574 г.»

Смысл реверансов Асфандиярова в сторону обкома партии заключался в следующем: на уфимском полуострове уже к 1574 г. якобы существовал какой-то сторожевой пост (не обязательно русский, возможно из татар-мишарей) или анонимное поселе-

ние, додумаем, купцов или рыбаков. Последнее, кстати, вполне возможно, русские давным-давно знали долину реки Белой.

Но эти жалкие экивоки[1], естественно, не могли удовлетворить институтское и обкомовское начальство. Текст статьи А.З. Асфандиярова просто кричал: Уфу основали в 1586 г., смешную легенду про избушки с церковкой (поставить сруб с крестом в деревне можно за один день) всерьёз невозможно принять.

Скромный и плохо отпечатанный сборник «Очерки истории дореволюционной России» со статьёй А.З. Асфандиярова вышел в Башгосуниверситете с датировкой на обложке – 1972 г. Но подписан к печати он был только 14 декабря 1973 г. Следовательно, в реальности увидел свет в 1974 г.[2] Аккурат к юбилею!

А в отделе истории города Уфы в ИИЯЛ корпели научные сотрудники. Об их достижениях в «Клубе знатоков» отчитался кандидат исторических наук и первый зав. А.Н. Усманов. Сначала в статье под символичным заголовком «Поиск» он расставил приоритеты: «Столица Советской Башкирии имеет долголетнюю историю. Скоро ей исполнится четыреста лет». Бывший секретарь обкома партии по идеологии Усманов снова поменял взгляды, Барсов не даром его высмеивал.

Поиск дал хорошие результаты. «Так, в сентябре 1968 года в отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве я обнаружил новый материал, представляющий собой рукописную книгу, озаглавленную "Краткое описание губернского города Уфы с начала его построения и до сего 1808 года"» неизвестного автора объёмом в 130 страниц, сообщал А.Н. Усманов. Впоследствии ГИМовская рукопись станет объектом пристального внимания.

Затем автор приводит крайне интересные сведения о московском историке Н.Ф. Демидовой, сотрудничавшей с ИИЯЛ. «Когда встал вопрос о создании "Очерков по истории города Уфы" [первоначальное название проекта – *авт.*], Наталья Фёдоровна приступила к розыску и выявлению материалов. В ЦГАДА в Москве она обнаружила "Отводную книгу по Уфе"», сейчас готовит её к печати. Усманов обещал читателям серию «бесед» по истории города[3].

Действительно, под рубрикой «Клуба знатоков» А.Н. Усманов в номерах 59, 69, 71 и 72 «вечёрки» за 1970 г. публикует статьи «По страницам "отводной книги"». Где под своей фамили-

---

[1] Книжное, двусмысленные намёки, увёртки, из французского языка: équivoque (двусмысленный, сомнительный).

[2] В 1974 г. А.З. Асфандияров меняет место работы, из ИИЯЛ уходит в БГУ (при этом ещё в 1973 г. его выводят из состава партбюро института).

[3] Вечерняя Уфа. 1970. 6 марта.

ей [!?] пересказывал чужой [!?] материал (даже не взяв Демидову в соавторы), но даты основания Уфы ни разу не коснувшись.

В следующем (1971) году выпустили шикарный сборник, где и был опубликован бесценный источник по ранней истории Уфы – «отводная книга». Вообще нельзя говорить об изучении истории Уфы, не упоминая выдающегося московского исследователя Наталью Фёдоровну Демидову (1920–2015), защитившую кандидатскую диссертацию по башкирскому восстанию середины XVIII в., а в послевоенные годы выпустившую четыре тома «Материалов по истории Башкирской АССР». Обнаруженная ею отводная книга, где фиксировалось наделение землёй уфимских служилых людей, однозначно указывала на позднее (в 1586 г.) основание Уфы[1]. Самые ранние отводы земли датируются с 1591 г., для пропитания угодья давали сразу при закладке нового города. Снабжать продовольствием немалое население за сотни вёрст было невозможно. Хотя Наталья Фёдоровна старательно обходила тему датировки основания Уфы, однажды всё же проговорилась: «Поселение служилых людей началось непосредственно после постройки в 1586 г. Уфы и острожков и сопровождалось наделением землёй»[2].

А краеведческий бум в «Вечерней Уфе» «Яши» Хусаинова продолжался недолго. Весной (можно даже точно сказать – в апреле) 1971 г. публикация материалов по дореволюционной истории города внезапно оборвалась, сократилась до минимума. Наступил «застой», отшумел XXIV съезд КПСС. Если в 1969 г. в «вечёрке» статьи «Клуба знатоков Уфы» публиковались в 30 номерах (два раза целые страницы отводились, то есть самих статей было больше), а в 1970 г. под эмблемой клуба вышли 22 статьи, то в 1971 г. – 8, в 1972 г. – 4, в 1973 г. – 3 и 9 января 1974 г. «Вечерняя Уфа» поместила под клубным знаком заметку Р. Курбангалеевой «Чика, Иван Зарубин» о пугачёвском боевике, осаждавшем Уфу. Вообще революционная тематика заполонила «клубные» страницы. Так, в 1973 г. от «Клуба знатоков» выступили В. Дильман со статьёй «Комиссар Семён Седов» (№ 13), В.В. Сидоров из ИИЯЛ поведал о найденной дате смерти Салавата Юлаева (№ 14) и А. Никитин в номере 18-м рассказал о машинисте-революционере А.В. Ухтомском.

Не пощадили и Н.Н. Барсова. Всего в 1969 г. в «Вечерней

---

[1] См.: *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

[2] *Демидова Н.Ф.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. / отв. ред. В.К. Яцунский. Минск, 1964. С. 268.

Уфе» Николай Николаевич смог опубликовать 6 статей, в 1970 г. – аж 10 (ещё три в «Советской Башкирии»), но в 1971 г. всего две, в 1972 г. одну на символичную тему «Поджигатель – губернатор» (№ 86, о Наврозове из дневника Ребелинского), и всё! В 1973 и 1974 гг. «вечёрка» не взяла ни одной заметки краеведа. Юбилей отмечали без инициатора. Ну не мог же обком партии посадить бывшего эсера в президиум. При этом, после недостойной статьи в № 39 за 1970 г. с критикой историков, Н.Н. Барсов *ни разу* не поднимал вопрос о дате основания Уфы! Можно предположить, сказалось знакомство с публикациями Н.Ф. Демидовой и А.З. Асфандиярова (или опала).

Фальшивый юбилей

В сентябре 1974 г. город окрасился транспарантами, началась подготовка к обещанному празднеству. «Вечерняя Уфа» с 20 сентября почти в каждом номере публикует материалы к юбилею, исполком горсовета рассмотрел вопрос «О работе горжилуправления по подготовке к 400-летию Уфы». Город приводили в порядок, труженики предприятий Уфы выступили с инициативой «по развёртыванию социалистического соревнования за достойную встречу 57-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и 400-летия Уфы»[1]. Так сказать, Ленин и грозный царь оказались в одной упряжке, буквально накануне, в конце 1973 г. вышел знаменитый фильм «Иван Васильевич меняет профессию». Под специальной эмблемой публиковались в «вечёрке» самые разнообразные материалы.

Старший преподаватель БГУ М. Салихов выдал эссе «Я люблю этот город» (№ 226), в своих фотоновеллах В. Стрижевский отображал расцвет социалистической столицы (с № 228), секретарь Калининского райкома КПСС А. Хусаинова поведала о партийных буднях (№ 230). Но главным оставался трудовой энтузиазм. Мебельщики и строители, рабочие завода синтеспирта и резинщики, девушки-швеи с фабрики 8 марта и даже плавучий

[1] Вечерняя Уфа. 1974. 9 октября.

кран, все желали вспомнить воеводу Нагого. Председатель исполкома горсовета А.Х. Валеев дал большое интервью, где ещё раз чётко озвучил партийный наказ: «Основание Уфы непосредственно связано с добровольным присоединением Башкирии к русскому [с маленькой буквы – *авт.*] государству, сыгравшему важную роль в исторических судьбах башкирского народа. По просьбе башкир на удобном высоком берегу реки Белой в 1574 году основан укреплённый пункт, получивший название Уфа».

Всех перещеголяла Черниковка. В воскресенье созвали самодеятельность Калининского района, более 500 человек в красочных национальных костюмах собрались в полдень у ДК машиностроителей, где сели в автобусы. Огромная колонна украшенных лозунгами машин двинулась в сторону проспекта. Во время движения гиды повествовали артистам о славной истории Уфы. На площади Ленина перед горсоветом состоялся митинг и возложение цветов «боярину» с протянутой рукой. Проехав через весь город, на площадке у памятника Салавату Юлаеву дали концерт, затем отбыли к Монументу, где делали селфи. А вечером в ДК машиностроителей состоялся смотр художественной самодеятельности, показывали кино (уж не про Ивана ли Васильевича?), затем игры, танцы[1]. Красота!

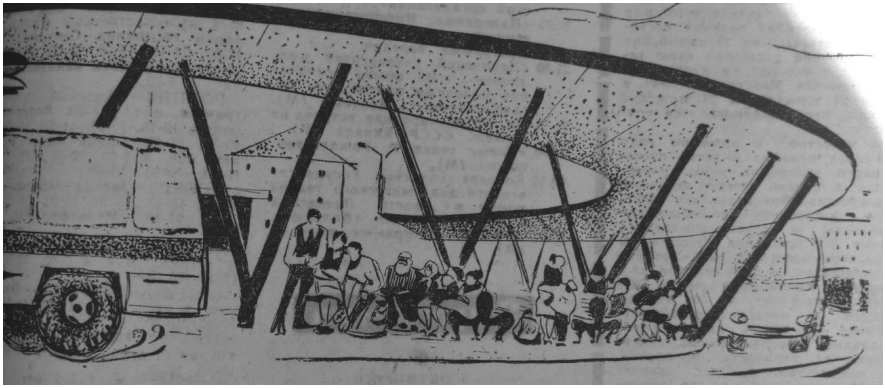
Мероприятий состоялось не счесть, в 107-й школе провели юбилейный вечер, были уч-почмак, А. Филиппов и Р. Паль, а ветеран музейного дела Эльмира Давыдовна Терегулова рассказывала школьникам о первой крепости и первых улицах[2]. Редакция «вечёрки» особое внимание уделила оформлению юбилея. С № 231 за 2 октября 1974 г. на страницах газеты стали выходить чудесные зарисовки журналиста и краеведа Тамары Ивановны Рыбченко, далее автовокзал.

Журналист И. Тихонов сообщил, что 25 октября 1974 г. исполком горсовета постановил создать сквер имени 400-летия Уфы у подножия Монумента. Тремя уступами спуск к Белой выложили плитами, установили изящные светильники. «А в будущем… Широкая гранитная лестница, спускающаяся от монумента Дружбы, уйдёт под шоссейную дорогу в подземный переход. Она будет вести вас с террасы на террасу мимо цветов, беседок, оазисов зелени»[3]. Какое предвиденье!

А как же историки? Мелькали статьи о революционерах и только 1 ноября публикуются первые собственно исторические заметки о старой Уфе. Географ Х. Тахаев выдал материал «Далё-

[1] Там же. 17 октября.
[2] Там же. 25 октября.
[3] Там же. 28 октября.

кий провинциальный город» о численности населения и экономике досоветской Уфы. А рядом стояла публикация А. Асфандиярова. Главный специалист по возникновению Уфы поведал о… состоянии просвещения в первой половине XIX в.?! В последующем вышло несколько статей снова о революционерах, мелькнула заметочка про 1812 г.[1] И всё. О датах появления Уфы, причинах строительства крепости и прочем – ни звука. Исторический юбилей проводился без истории.



Т.И. Рыбченко. Южный автовокзал

Это подтвердила научно-теоретическая конференция, посвящённая 400-летию Уфы, состоявшаяся 21 ноября 1974 г. Главный доклад сделал тогдашний «генерал» местной историографии Р.Г. Кузеев, естественно связавший добровольное присоединение и основание Уфы. Все остальные доклады были посвящены революционной тематике и современным успехам. А в канун самих торжеств «вечёрка» выдала на гора огромный сериал «Дорогие сердцу имена» (№ 275–280). Авторы – Х. Усманов, Ю. Узиков и Г. Павлюченков подробно рассказали о визите в Уфу Ленина и его боевых соратниках.

В других уфимских газетах тоже отмечали юбилей Уфы. Если «Ленинец» (редактор В.Х. Мустафин) поместил лишь несколько заметок о революционном прошлом, то «Советская Башкирия» (редактор по-прежнему Г.Г. Михеев) подошла более основательно. Здесь мелькали статьи по дореволюционной истории, даже Н.Н. Барсов 22 августа рассказал о создании при республиканской библиотеке общества книголюбов. А юбилейный ряд открыли 7 сентября 1974 г. А.З. Асфандияров и Р.Г. Ганеев с

[1] Там же. 18 ноября.

большой статьёй «Основание города»[1]. Авторы впечатлили неожиданными подробностями, сообщив о возведении в 1574 г. укреплённого поселения, «гарнизон которого был оснащён новейшим для того времени вооружением» пушками и пищалями (!?). Даже П.И. Рычков не позволял себе таких деталей. Дальше больше, оказывается поселение «быстро росло» (!?), хотя ни про одного жителя не известно, и в 1586 г. получило статут города Уфы. Первым воеводой был М.А. Нагой.

Потом в «Советской Башкирии» опубликовали пару материалов к юбилею, затем – длинный список уфимцев, награждённых почётными грамотами президиумов Верховных Советов РСФСР и БАССР. Их получили Дом-музей Ленина, Русский драмтеатр, скульптор Т.П. Нечкина, организации и труженики города. Только ни одного историка грамотой не удостоили[2].

Наконец, грянул праздник. Увы, «Самого» не было. Леонид Ильич Брежнев в эти дни находился не в Башкирии, а в Монголии, в Улан-Баторе отмечали 50-летие Монгольской народной республики[3]. С монгольским размахом нам не сравниться…

Само же пресловутое 400-летие, празднование псевдооснования Уфы прошло 28 ноября 1974 г. буднично, как обычный «партейный» форум. Торжественное заседание состоялось в театре оперы и балета. «На сцене большой портрет В.И. Ленина. Цифры "1574–1974" отражают возраст города-юбиляра». Открыл председатель последнего Валеев, затем шлифовщик Уфимского моторостроительного завода предложил избрать почётный президиум во главе… с кем бы вы думали? Привет из монгольских степей. Вообще в Уфу не приехал никто из руководства КПСС, СССР и даже РСФСР, присутствовали лишь местные депутаты верховных советов. Из гостей прибыли руководители городов Оренбурга, Казани, Кировограда и Галле.

Выступил первый секретарь башобкома М.З. Шакиров: «и в 1574 году город был основан». Зачитал указ о награждении города Уфы орденом Октябрьской революции, прикрепил к знамени. Уставших от тоскливых речей участников развлекли пионеры, составившие слова «Уфа – 400» и декламировавшие стихи, фрагмент юбилейной поэзии:

Уфа моя, республики столица,
Среди твоих проспектов и садов

---

[1] Вместе с Р.Г. Ганеевым «они» выпустили также: Славный юбилей (К 400-летию основания Уфы) // Блокнот агитатора (Уфа). 1974. № 19; Возникновение города: Уфе 400 лет // Агидель (Уфа). 1974 (башк. яз.).

[2] Советская Башкирия. 1974. 27 ноября.

[3] Между прочим, Л.И. Брежнев улетел из Улан-Батора 27 ноября (Советская Башкирия. 1974. 28 ноября), мог бы на обратном пути посетить Уфу.

Нам до сих пор ещё так живо снится
Лихой галоп чапаевских полков.

История в зале почти отсутствовала, за исключением оскомины (от Рычкова) про просьбу башкир в 1573 г. Главными были иные слова: «Мы гордимся и восхищаемся, дорогой Леонид Ильич, тем, с какой настойчивостью, большевистской принципиальностью, революционной смелостью и прозорливостью проводите Вы в жизнь мудрый ленинский курс нашей партии»[1].

Главный республиканский официоз – «Советская Башкирия» в двух номерах за 28 и 29 ноября 1974 г. также подробно освещала торжества, исторических материалов не было вовсе, зато поэт Александр Филиппов приоткрыл, видимо, общие взгляды на прошлое Уфы. Это был юбилей нелюбимого города, курсивом я выделил эмоциональные оценки:

…Уфа, провинция России,
Глухая ссылка,
Злая тишь,
Где вечно *слёзы* моросили
С покатых деревянных крыш.
На все житейские метели,
На то, как властвует зима,
Угрюмо окнами глядели
Подслеповатые дома.
Тогда казалось,
Что веками
Нести ей *жалкий* жребий свой.
Но вот повеяло ветрами
Октябрьской бури грозовой[2]…

Отрапортовали и забыли[3], кроме учёных из ИИЯЛ, которым

[1] Вечерняя Уфа. 1974. 28, 29 ноября; Уфе – 400 лет. Совместное торжественное заседание Уфимского городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся. Уфа, 1975. С. 5, 7, 17, 57, 60; Советская Башкирия. 1974. 29 ноября.

[2] Советская Башкирия. 1974. 28 ноября.

[3] Две небольших заметки с фотографиями о праздновании в Уфе 400-летия вышли в главных газетах СССР. «История Уфы связана с именами Емельяна Пугачёва и его сподвижника Салавата Юлаева, с М.В. Фрунзе и легендарной Чапаевской дивизией» (Правда. 1974. 28 ноября). Журналист А. Удалов рядом с фотографией маляра поведал, что «Короткое название этого города не переводится ни на один язык… К холму, где теперь стоит величественный монумент дружбы, приплыли на стругах в 1574 году русские стрельцы, чтобы помочь башкирам воздвигнуть Уфимскую крепость» (Известия. 1974. 29 ноября). «Комсомолка» проигнорировала псевдо-юбилей.

нужно было ещё сдать работу – сочинить первую историю города Уфы. Отмучились лишь через два года (и сразу же распустили сектор в ИИЯЛ). Почти за десять лет труда получилась небольшого формата (почти карманного) книжечка, но толстенькая. Книга, после появления в уфимских магазинах в 1976 г., моментально исчезла из продажи. Раскупали на ура, таков был интерес жителей к истории своего города. В 1981 г. выпустили второе издание, которое также быстро разошлось. В 1983 г. история Уфы вышла на башкирском языке.

И вот тут «пустячок» про год основания Уфы вырос в глобальную проблему. Убеждённый марксист Р.Г. Ганеев с редколлегией прекрасно понимали, что для читателей уфимская древность самый интересный раздел в книге, а про 1586-й год уже столько понаписано, что просто игнорировать проблему нельзя. Читатель – не участник партсобрания, он не примет на веру речь первого секретаря, его нужно убеждать.

Изворачиваться пришлось неоднократно. Уже во введении, похвалив дореволюционную литературу и рассказав о работе академика П.П. Пекарского, сочинили первый фейк, что будто бы тот «ошибочно принял дату возведения Уфы в статут города за его основание»[1]. В статье Пекарского вообще ни слова не говорится про какие-то статуты, которых в ту эпоху не существовало (его работа сейчас доступна в интернете).

Редколлегия, видимо, посчитала этого недостаточным и через страницу снова вбивает в сознание читателей свой фейк: «широкий, комплексный подход к проблеме, привлечение новых источников, как опубликованных, так и архивных, позволили авторам сделать вывод о том, что датой основания города Уфы является 1574 год»[2]. Напомнили о мнимой дате дважды!

И это уже был не миф, сказочные представления, рождённые в толще народной жизни, а фейк (англ. fake – подделка, фальшивка, обман, мошенничество), фальсификация, ложная информация, сочинённая с корыстными целями.

Подробно о возникновении Уфы говорилось во втором параграфе первой главы. Автором указан А.З. Асфандияров, действительно единственный специалист в то время, но… в соавторстве (или под надзором?) с ответственным редактором, знатоком Гражданской войны Р.Г. Ганеевым.

На странице 22 говорится: «В 1574 г. отрядом русских стрельцов на высоком правом берегу р. Белой недалеко от устья р. Уфы сооружается небольшой укреплённый пункт». И даётся

[1] История Уфы. Краткий очерк / отв. ред. Р.Г. Ганеев. Уфа, 1976. С. 6.
[2] Там же. С. 8.

сноска аж на три дела из военно-исторического архива (совр. РГВИА), фонд военно-учёного архива. Но там находятся описания эпохи Российской империи, это не первоисточник, а вторичная информация.

На следующей странице 23 приводится свидетельство дьяка П. Сухарева, утверждавшего в конце XIX в., что в 1579 г. была «освящена каменная [даже! – *авт.*] церковь во имя Смоленской божьей матери». И даётся сноска на Оренбургский архив.

Мудрое партийное руководство никак не могло принять асфандияровские экивоки, как в статье 1972 г., где Анвар Закирович без всяких сносок просто вставил требуемый текст, мол, читатель и так всё поймёт. В «солидной» истории Уфы нужно подтвердить фейковую информацию научно-справочным аппаратом. И пусть ссылки даются на вторичные или даже сомнительные сведения, массовый читатель не разберётся.

Но шило в мешке не утаишь и далее автор (А.З. Асфандияров), указав на выгодное географическое положение, пишет: «Вот почему безвестная до того Уфа в 1586 г. получает статут города и с этого времени начинает упоминаться в официальных документах русского правительства». В разрядных книгах лишь за декабрь 1586 г. «впервые и упоминается "новый город на Уфе"». Привыкшие читать между строк советские люди понимали, до 1586 г. про Уфу никто слыхом не слыхал.

Отметим, что на страницах 24–25 в «Истории Уфы» не упоминается Пекарский, сноска даётся на Карамзина и других авторов. Академик Пётр Петрович Пекарский не пользовался любовью, на странице 25 опровергается миф про Ивана Нагого, первым уфимским воеводой был Михаил Нагой.

Появление первой (до сих пор единственной) и в общем научной истории Уфы стало крупным событием. При всех мифах и фейках жители получили представление об истории своего любимого города. При создании книги помогали краеведы, их отметили: Н.Н. Барсов, З.Ш. Латыпов, В.А. Скачилов, В.П. Яковлев, В.Д. Таич и другие. Любопытно, но материалы одного из самых «писучих» авторов той эпохи, А.Н. Усманова, лишь использовали в пятой главе[1].

Параллельные миры

В 1976 г. в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР вздохнули с облегчением, выпустили «историю Уфы», ликвидировали сектор, редактор

[1] История Уфы. С. 10.

коего Р.Г. Ганеев сразу уходит из института. Жизнь продолжается и с той поры сформировалась параллельная реальность, дожившая до начала следующего тысячелетия.

Уфимские чиновники с большей или меньшей ретивостью отмечают в день города (летом) мифический юбилей, отсчитывая часы жизни Уфы с сомнительной даты 1574 года. Краеведы также с разной регулярностью вспоминают про основание Уфы, пересказывая фейки старинных времён, которые ныне широко тиражируются в интернете. Но в профессиональной науке ситуация сложилась другая.

Московский историк Н.Ф. Демидова вообще перестала заниматься тематикой, связанной с Башкирией и Уфой. У А.Н. Усманова вышло в 1982 г. последнее (посмертное) издание его книги, где автор не забыл отметить награду города орденом Октябрьской революции и подробно рассмотрел вопрос об основании Уфы. Он снова вернулся к версии о «разных этапах истории города», в 1574 г. начали сооружать «стратегический пост, или по-тогдашнему Детинец», а в 1586 г. Уфа приобретает статут города, ссылаясь… на «Историю Уфы». Усманов отрицал строительство каменного собора в 1579 г., а вывод был полностью в духе времени: «Таким образом, в центре Башкирии в 1574 г. появляется первый город – Уфа»[1]. Н.Н. Барсов скончался накануне, смеяться над волатильным историком было некому.

Ранней историей края стал заниматься сотрудник ИИЯЛ Урал Хамитович Рахматуллин, защитивший в 1975 г. кандидатскую диссертацию по XVIII в. В 1988 г. под редакцией известного московского историка Н.И. Павленко вышла монография У.Х. Рахматуллина, посвящённая населению края. Автор коротко и ясно, сославшись на разрядную книгу, заявил: «Первые стрелецкие сотни вместе с детьми боярскими и воеводой Михаилом Нагим были отправлены в Башкирию на службу в 1586 г.»[2]

Анвар Закирович Асфандияров сделал выдающуюся научную карьеру. В одной из своих обобщающих монографий он также категорично отметил: «С основанием города Уфы в 1586 г. учреждается Уфимский уезд во главе с воеводами»[3].

Историей городов края начала заниматься Роза Гафаровна Буканова (кандидатская диссертация по Закамской черте защищена в 1981 г. под руководством выдающегося воронежского

---

[1] *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 208, 213, 224 и др.

[2] *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 48.

[3] *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.). Уфа, 2006. С. 72.

историка В.П. Загоровского, докторская – в 1997 г. в МГУ). В своей основной монографии Р.Г. Буканова даже не стала уделять внимание дискуссиям: город Уфа «был основан в 1586 г. на берегу р. Белой недалеко от устья р. Уфы»[1].

В 1991 г. в Уфе (БГУ) защищает кандидатскую диссертацию В.Н. Муратова по управлению Башкирией со второй половины XVI в., научный руководитель И.Г. Акманов. Начало воеводского правления она также отнесла к 1580-м гг., первый уфимский воевода – М. Нагой[2].

Затем, в 1992 г. в МГУ кандидатскую диссертацию по уфимскому дворянству с конца XVI в. защищает Б.А. Азнабаев, научный руководитель профессор Л.В. Милов. В автореферате Азнабаев чётко заявил, что «появление в 1586 году в центре Башкирии русского города вызвало военное противодействие бывших властителей края – ногайских и сибирских феодалов»[3]. В изданной на основе кандидатской монографии позиция автора более расплывчатая, но изложение идёт вокруг 1580-х гг.[4]

Исчезнувший к концу 1980-х гг. партийный диктат, вовлечение в научный оборот названными исследователями новых архивных материалов, независимость от политики местных властей, тем более муниципальных, избавило историков от необходимости заниматься политической эквилибристикой. Большинство авторов даже перестали тратить листаж на пересказ споров о дате основания Уфы, город построен в 1586 г. Но укоренившиеся за десятилетия традиции оставались в силе.

Тем более, что бывшей официальной, партийной датировки упрямо придерживались набравшие силу уфимские краеведы, продолжавшие твердить про 1574 г. и Ивана Нагого[5]. И в начале 1990-х гг. возобновляется выпуск обобщающих историй Баш-

---

[1] *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 50. Автор сохранила свой взгляд об основании Уфы в 1586 г. (*Буканова Р.Г.* Роль строительства укреплённых линий и новых городов в формировании юго-восточных границ России в XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 163).

[2] *Муратова В.Н.* Воеводский аппарат управления в Башкирии во второй половине XVI – начале XVIII в. // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992. С. 4–5.

[3] *Азнабаев Б.А.* Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII в. (землевладение, состав, служба). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1992. С. 8.

[4] *Азнабаев Б.А.* Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999. С. 36–38.

[5] *Гудкова З.И.* Иван Григорьевич Нагой – основатель города Уфы // Культурное наследие славянских народов Башкортостана. Уфа, 1996.

кортостана. И.Г. Акманов в первой университетской истории просто проигнорировал дату основания Уфы, отметив лишь, что «не случайно город Уфа – первая русская крепость – была основана с согласия коренных жителей»[1]. Начинала формироваться националистическая историография. В местной энциклопедии коллектив авторов в лице В.В. Болтушкина, А.Х. Сатаевой и Г.Т. Хусаиновой вообще заявили, что Уфа «основана как крепость в 1574 на месте баш. укрепления Туратау… С 1586 город»[2].

В академической истории края, которую в ИИЯЛ начали готовить ещё с 1980-х гг., авторы раздела У.Х. Рахматуллин и И.М. Гвоздикова сохранили традиционную версию, элементарно сославшись на «Историю Уфы», фейк кочевал из книжки в книжку. «В 1574 г. на Уфимском полуострове было возведено укреплённое поселение, которое в 1586 г. получило статус города под названием Уфа»[3].

Неожиданную поддержку фейк про 1574-й год получил от историков православия. Кандидат наук Ю.Н. Сергеев, ссылаясь всё на ту же «Историю Уфы», в 1988 г. заявил, что «в период строительства Уфы была основана деревянная церковь Смоленской божьей матери, заменённая в 1579 г. каменной»[4]. А в 1996 г., сославшись запросто на… самого себя из 1988 г., огорошил: «Говорить о начале православия в Башкирии можно лишь с 1574 г., когда был основан Уфимский острог и в нём построена первая, ещё деревянная церковь. Она стала действовать в 1579 году и получила название Казанской божьей матери»[5].

В честь которой Божьей матери и из какого материала возвели первый храм, почему он пять лет стоял пустой, ничего не понятно, фейк множился и пускал побеги. Историк Уфимской епархии представил просто эпическую картину: «Город на Белой Воложке основан воеводой Иваном Григорьевичем Нагим по Указу царя Иоанна IV. В июне 1574 г. в день Святой Троицы близ устья р. Сутолоки "со стругов и насадов высадилась московская рать" [нет происхождения цитаты – *авт.*]. После соот-

---

[1] История Башкортостана с древнейших времён до 1917 г. / отв. ред. И.Г. Акманов. Уфа, 1911. С. 78.

[2] Башкортостан: Краткая энциклопедия / гл. ред. З.Г. Ураксин. Уфа, 1996. С. 591. Эволюцию «башкирской» историографии не рассматриваю.

[3] История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века / отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996. С. 179.

[4] *Сергеев Ю.Н.* Церковно-монастырское землевладение в Башкирии (конец XVI – середина XVIII в.) // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. С. 12. Он также использовал материалы П.Ф. Ищерикова, чьё творчество осталось за пределами статьи.

[5] *Сергеев Ю.Н.* Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI – середина XIX века). Уфа, 1996. С. 6.

ветствующего молебна и окропления святой водой прибывших стрельцов и казаков на месте высадки была построена деревянная Троицкая церковь, а на холме начали возводиться стены и башни Уфимского Кремля-детинца»[1]. Не ясно, чего ж сии люди добрые так поздно приплыли, до холодов не управиться. И во имя чего храм освятили – три варианта сразу!

Короче, кто в лес, кто по дрова. Противоречивость ситуации отразил сборник, специально заказанный администрацией города Уфы. Дело в том, что в 1999 г. снова юбилействовали, насчитали 425 годков. Как тогда обстояло дело, даже не стал изучать, читатель сам может покопаться в этом… «белье». Указ о праздновании подписал первый президент Башкортостана М.Г. Рахимов, снова вмешалась политика (требовалось переизбираться на новый срок).

Сборник был целиком посвящён истории города, а открыла его статья Р.Г. Букановой, которая, объяснив обстановку в те времена, изумила: «возникновение новых городов-крепостей в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, в частности Самары, Уфы, Тюмени и других, построенных в 1586 г., происходило в аналогичных условиях»[2]. Что же тогда праздновали?

В сборнике всплыл конкурирующий фейк. Известный археолог Н.А. Мажитов, рассказав о древних памятниках на территории Уфимского полуострова, пригвоздил: «вызывают недоумение разговоры о том, что г. Уфа возник 425 лет тому назад. Мне, историку-археологу, многократно приходилось писать, что на территории г. Уфы в ранге раннесредневековых городов-крепостей Евразии и Восточной Европы в VI–XV–XVI вв. непрерывно существовало городище Уфа II»[3].

Видимо, на первую православную церковную службу в Уфе сбежались многочисленные аборигены, восхищённо наблюдавшие за обрядом. А перед началом постройки острога бравые стрельцы и казаки разошлись по трактирам града Башкорта, дабы подкрепиться с устатку. Самое интересное, что заказчику (городской администрации) все эти споры были… до лампочки. Демократия!

Распад историографического пространства в Башкирии к началу XXI в. стал свершившимся фактом, одновременно пуб-

---

[1] *Егоров П.В.* Уфа: краткий историко-архитектурный очерк // Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель / [авт.-сост. Егоров П.В., Рудин Л.Г.]. М., 2005. С. 662.

[2] *Буканова Р.Г.* Юго-восточная политика Российского государства во второй половине XVI века и основание г. Уфы // Уфа: прошлое, настоящее, будущее. Уфа, 2000. С. 7.

[3] *Мажитов Н.А.* Дорусский период истории г. Уфы // Там же. С. 19.

ликовались диаметрально противоположные фейки. Конкурирующие авторы просто не читали друг друга, даже не вступая в дискуссии, кто во что верил, той точки зрения и придерживался. В первую очередь это отразилось в популярных сочинениях и интернете, который забит всяким хламом. А в современном информационном обществе на первое место выходит медийный успех, труды профессиональных историков плохо цифруются, доступны только в библиотеках в бумажном виде. И сайты малограмотных популяризаторов, пересказывающих мифы и фейки, имеют несравненно большее влияние на рядовое население. В сознание масс вбиваются архаичные представления.

Научных же исследований вышло немного. Колебания между научными фактами и соблюдением политеса отразила, к примеру, монография А.З. Азнабаева (одним из рецензентов книги был я). С одной стороны, автор определённо заявил, что «первые упоминания Уфы в актовых источниках относятся только к 1586 году», упомянув материалы П.П. Пекарского, но из русских летописей сослался только на статью Корецкого[1].

Зато неожиданно много Азнабаев уделил место мифическому 1574-му году. Говоря о бездоказательной версии Рычкова, он справедливо отметил: «Все сторонники этой даты основания города посчитали излишним подтвердить свою информацию какими-либо ссылками на источник». Но затем сам присоединился к этим «сторонникам».

Анализируя войны Московского государства с ногаями, которые продолжались до 1575 г., Азнабаев с лёгкостью предполагает, что «и полковой острожек вполне *мог* быть построен на месте Уфы ещё в 1574 году». Не имея ни малейших доказательств, он лишь сообщил о древнем пути в Сибирь, на котором стоял город. Далее пошла реконструкция, не уступающая православным краеведам, курсив мой.

«Небольшой стрелецкий отряд вполне *мог* воспрепятствовать бегству разгромленных ногайских отрядов в Зауралье.

Строительству русской крепости в Башкирии в 1574 году благоприятствовала и политическая обстановка»[2]. Ногайцы поссорились с крымцами, «шёл четвёртый год перемирия в Ливон-

---

[1] *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 54, 59, 63.

[2] Как и многие местные авторы, Б.А. Азнабаев «забыл» про битву при Молодях (июль – август 1572 г.), когда было разгромлено войско Крымского хана, собиравшегося полностью завоевать Московское царство. Битву при Молодях не случайно называют второй Куликовской битвой. Решалась судьба России, страна только что перенесла тяжёлые потрясения.

ской войне и царское правительство *могло* себе позволить наступательные действия в войне с степняками».

Далее гипотетическая беллетристика принимает утвердительную форму. «Однако не следует считать городом полковой острожек, не имеющий постоянного гарнизона». Б.А. Азнабаев не привёл ни единого доказательства наличия какого-либо острожка с постоянным или непостоянным гарнизоном. Классический образец фейковых новостей, сначала их выдумывают, потом начинают анализировать.

И, ссылаясь на Рычкова (на кого же ещё?), Азнабаев резюмирует: «По этой причине дату основания Уфы, выведённую из неизвестных источников П.И. Рычковым [а не просто тот сочинил? – *авт.*], можно принять только с подобными оговорками»[1]. То есть, фейковые юбилеи проводить *можно*[2].

Уверен, рубежным событием в дискуссиях стала публикация в 2019–2021 гг. работ историка Я.Г. Солодкина[3], воспитанника, кстати, воронежской научной школы. В своих публикациях, в том числе и в данном сборнике, он поставил точку в политиканствующей дискуссии о дате возникновения Уфы. **Город Уфа был основан в 1586 г.**

Правду об основании Уфы в 1586 г. читайте у П.П. Пекарского, А.З. Асфандиярова, Я.Г. Солодкина. Дату основания Уфы в 1586 г. безоговорочно принимают исследователи соседних регионов. Так, в новейшем труде по истории Среднего Поволжья говорится о плане «глубокого охвата русскими крепостями ногайских летних кочевий в междуречье Волги, Камы и Белой» в 1584–1585 гг. И на первом этапе его исполнения «в 1586 г. были построены два города – Самара и Уфа»[4].

---

[1] Там же. С. 59, 61.

[2] В последней монографии автор ограничился ссылкой на наиболее авторитетного специалиста Р.Г. Буканову, которая «полагает, что город Уфа был основан только в 1586 г.», приведя, правда, карту с Уфой и датой 1574 г. (*Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой половине XVIII в. Уфа, 2016. С. 57, 218, электронный вариант).

[3] *Солодкин Я.Г.* Сообщения о предыстории основания и возникновения Уфы в Поволжском летописце начала XVII в.: происхождение и степень достоверности // Река времени. 2019 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019; *Он же.* К истории основания Уфы: цели, хронология, руководители строительства // Источник. Историк. Политика: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа Александра Петровича Чулошникова. Уфа, 2019; *Он же.* Начало Уфы: к истории основания города и становления воеводского управления // Река времени. 2020 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2020; *Он же.* Входило ли противодействие Сибирскому ханству в задачи основания Уфы? // Там же; данный сборник.

[4] История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней: в 2

«Жить в обществе и быть свободным от общества» (как выражались классики марксизма) обычно плохо получается, и поныне краеведение, включая «уфаведение», является ареной общественных баталий, политического угодничества, к которым добавилась власть денег, прямые коммерческие заказы. В общем, всё как всегда…

Но, с другой стороны, под «крышей» Шакирова и под редакторской опекой Хусаинова с конца 1960-х гг. начало расцветать уфимское краеведение. Увидели свет сотни статей по самым разным сюжетам истории Уфы и края, уфимцы узнали удивительную, интересную, уникальную историю своего любимого города. Мнимый юбилей основания Уфы способствовал настоящему расцвету краеведения, супруги Гудковы выпустят свои труды по истории горных заводов, вернётся из забвения светлый образ Сергея Тимофеевича Аксакова, начнёт издаваться знаменитая серия художественных произведений прошлого «Золотые родники», интерес к истории любимого города прольётся в сердца молодёжи и следующие поколения уфимских краеведов продолжат бесконечную уфимскую летопись…

т. Т. 1. Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. / [ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.; науч. ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов]. Самара, 2020. С. 67.

А.З. Асфандияров

Основание города Уфы

В течение нескольких столетий Башкирия находилась под тяжёлым гнётом Золотой орды, затем появившихся на её развалинах Казанского, Сибирского ханств и Большой Ногайской орды. Башкирский народ освободился от чужеземного ига лишь в результате добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству.

Это событие имело глубоко прогрессивное значение. «Россия, – писал Ф. Энгельс К. Марксу, – действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку… господство России играет цивилизаторскую роль для Чёрного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[1]. Присоединение Башкирии к России положило конец многовековому гнёту Ногайской орды, Казанского и Сибирского ханств, оно покончило также с раздробленностью, феодальными войнами и способствовало объединению башкирских земель. Этим актом башкирский народ навеки связал свою судьбу с великим русским народом, общение с которым благотворно сказалось на развитии его экономики и культуры.

Управление Башкирским краем было сосредоточено в Московском Приказе Казанского дворца, созданном после присоединения к Русскому государству восточных земель. В административном отношении вся территория Башкирия составляла уезд. Она делилась на четыре «дороги» (области): Казанскую, Ногайскую, Сибирскую и Осинскую. Дороги свидетельствовали о былой раздробленности Башкирии и соответствовали прежним владениям Казанского, Сибирского ханств и Ногайской орды.

Отдалённость Казани вызывала ряд трудностей и неудобств не только для самих башкир, свозивших туда собираемый в их волостях ясак. Она затрудняла, главным образом, управление обширным Башкирским краем и его защиту от набегов соседних кочевников. Отсутствие городов с постоянными военными гарнизонами в Башкирии открывала широкую возможность частым набегам и вторжениям сибирского хана Кучума и ногайских феодалов.

Соседство враждебного Сибирского ханства было чрезвычайно опасно для России. Кучум подстрекал башкирских феода-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2-е изд., т. 27, стр. 241 [в оригинале сноски приведены концевые в примечании, здесь сноски переведены в постраничные, но с полным сохранением авторского оформления – *отв. ред.* Также проставлена пропущенная пунктуация, сборник плохо отпечатан].

лов против России, обещая им всяческую помощь и поддержку. Он претендовал к тому же на власть над всей северо-восточной Башкирией.

Политика Кучума убедила русское правительство в необходимости более активной борьбы с Сибирским ханством. В 1582 г. ему был нанесён первый удар, когда волжские казаки во главе с Ермаком заняли его столицу Искер. Дальнейшая борьба Русского государства за обладание Сибирью связана с созданием за Уралом ряда укреплённых опорных пунктом. С разгромом Кучума в 1598 г. Сибирское ханство перестало существовать, Западная Сибирь была присоединена к России. Однако Кучумовичи, кочевавшие за пределами присоединённой западно-сибирской земли, ещё долгое время продолжали безуспешную борьбу.

Опасными соседями для России и её восточной окраины – Башкирии – являлись не только сибирские кочевники, но и ногайские феодалы. После смерти князя Исмаила, присягнувшего русскому царю Ивану Грозному в 50-х годах XVI в., Большая Ногайская орда вышла из подчинения Москве и снова надолго превратилась в её ожесточённого врага. При князьях Тинехмате (1563–1578 гг.) и Урусе (1578–1590 гг.) возникает открытая вражда с Русским государством и почти непрерывно ногайцы совершают набеги либо с крымцами и татарами других улусов, либо самостоятельно. Князь Урус пытался не только отстоять независимость орды, но и боролся за восстановление своей власти в Поволжье и Приуралье.

Ногайцы часто проникали в Казанскую землю и Башкирию, доходя вплоть до рр. Камы и Белой. В 1582 г. в Казанском уезде против них развернулись крупные операции. Два полка из Казани были посланы на Каму «по ногайским вестям», что доказывает глубокое проникновение ногайцев в Казанскую землю[1]. Кочевники Уруса организовывали набеги и на бассейн р. Белой, угоняя скот и уводя пленных. «Ногаи ходили к Белой воложке и взяли русских людей человек с тридцати», – писал царю астраханский воевода В. Лобанов-Ростовский в августе 1586 г.[2]

Закрепляя положение в Поволжье и предупреждая повторные попытки ногайцев проникнуть в Казанскую землю и Пермский край, русское правительство построило города Самару (1586 г.), Царицын (1589 г.), Саратов (1590 г.). Нанося последовательные удары и строя новые города, царское правительство доказало князю Урусу всю тщетность его попыток проникнуть

---

[1] *А.А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948, стр. 15, 27, 28, 34, 35.

[2] Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем – ЦГАДА) СССР, ф. 127 (Ногайские дела), 1586, оп. 1, д. 1, л. 17.

на окраины России. Тем не менее он продолжал претендовать на власть над юго-восточной Башкирией и в 80-х годах XVI в. В своей грамоте царю Фёдору Ивановичу князь Урус писал о своей претензии в июне 1586 г.: «Да писал сеи ко мне чтобы мне с башкурдов и с остяков дани никакие не имати, и тои … дани пошлю своего человека данщика дани имати с башкурдов и ты тех моих данщиков велишь побить. Отец твой так ли делал?»[1]. Это ещё раз напомнило правительству Фёдора Ивановича о необходимости постройки в Башкирии города-крепости с военным гарнизоном, способным положить конец претензиям и предупредить попытки ногайских феодалов проникнуть на восточные окраины России.

Стремление русского правительства к упрочению своего положения в Башкирии вызывалось не только внешнеполитической обстановкой края. Причиной тому послужили и начавшиеся первые «шатости» башкир. Известно, что в 70–80-х годах XVI в. в Поволжье и Пермском крае происходили восстания марийцев, чувашей, татар, удмуртов, остяков и манси, направленные против социального и колониального гнёта. В их числе были и башкиры. Об этом повествует следующий документ. В 1572 г. марийцы Казанской земли, «изменив царю, ясаков не платили и побили сборщиков». Отряды восставших подошли к Арску и расположились на высокой горе. Казанский воевода направил против них отряды казаков и стрельцов, которые были полностью уничтожены восставшими. Затем марийцы и прибывшие на помощь «башкирцы» в районе р. Меши «соорудили в 70 верстах от Казани деревянный и землею насыпанный город». Таким путём они пытались обороняться, а затем перейти в наступление. Их совместное действие продолжалось до 1584–1585 гг.[2] Тогда же башкиры участвовали с пелымским князем Кихеком, сибирским мурзой, сылвинскими и иренскими татарами, манси, удмуртами в нападении на владения Строгановых по р. Каме и в осаде г. Чердыни[3].

С целью овладения положением царские власти строили города. Так появились, например, на земле чувашей, марийцев, татар и удмуртов города: Кокшайск (1574 г.), Козьмодемьянск (1578 г.), Царевгород (1584 г.), Алать (1574 г.) и др.[4] Это показы-

---

[1] ЦГАДА, ф. 127, 1586 г., оп. 1, д. 9, л. 9.

[2] *Арцыбашев.* Повествование о России, т. 1, кн. IV, М., 1838, стр. 213; «Пермская летопись», первый период, составил Василий Шишонко. Пермь, 1880, стр. 68.

[3] «Пермская летопись», пятый период, часть вторая, Пермь, 1887, стр. 98.

[4] «Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских до истории, географии и генеологии российския касаю-

вает, что выполнение задачи по закреплению своей позиции в недавно присоединённых землях путём сооружения городов-крепостей проводилось русским правительством планомерно и постепенно. Решив такую задачу в Поволжье, оно перешло теперь в Башкирию, где не было ещё ни одного военного опорного пункта, способного отразить набеги соседних кочевников и предупредить волнение местного населения.

В последней четверти XVI в. на территории Башкирии был построен первый город – Уфа. Расположение его в стратегическом отношении было очень выгодным. Город находился на стыке четырёх дорог в самом центре края на правом берегу р. Белой недалеко от устья р. Уфы. С севера на юг протекала речка Сутолока, защищавшая город с восточной стороны, с юго-запада был крутой подъём, а р. Белая представляла для степняков почти непреодолимую преграду. Открытая же сторона этого места была защищена особым земляным валом, остатки которого сохранялись вплоть до конца XIX в. Исключительная выгодность расположения города в смысле его защиты способствовала впоследствии успешному отражению всех нападений сибирских, ногайских, калмыцких степняков, а также башкир. В этом отношении знаменателен тот факт, что на протяжении всей истории города ни один из противников русских властей не мог захватить его.

В районе города Уфы, по мнению некоторых историков, раньше находилась ставка ногайского хана, владевшего частью Башкирии. В подтверждение этого авторы приводят сведения, говорящие о том, что в начале XVI в. имелись «уфимские князья», что даже был «главный ханский город Уфа»[1].

По мнению историка-краеведа Р.Г. Игнатьева, ссылавшегося на «Татарскую хронику», город, построенный русскими на горе, носил название этой же горы – Тура-тау. А когда он был обнесён дубовой стеной, то местное население и казахи именовали его Имэн-кала (дубовый городок)[2].

щихся, изданная Николаем Новиковым, изд. второе (в дальнейшем – ДРВ), ч. XIII, М., 1790, стр. 445; ч. XIV, стр. 440–441; *М.Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. – «Исторические записки», кн. 10, М., 1941, стр. 93, 94.

[1] *Н.М. Карамзин.* История государства Российского, т. 6, СПб., 1817, стр. 318; *М.В. Лоссиевский.* Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. – «Справочная книжка Уфимской губернии», Уфа, 1883, отд. 5, стр. 379.

[2] Р.Г. Игнатьев. О древних памятниках в Уфимском уезде. – «Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разобранных в течение 1866 и 1867 гг.», Уфа, 1868, стр. 29–30 [ошибка в названии и ав-

В исторической литературе нет единого мнения о дате основания города Уфы. Одним из первых историков, коснувшихся этой проблемы, был П.И. Рычков, мнению которого придерживались очень долго. В первое время у него не было ещё твёрдого убеждения по этому вопросу. Так в 1759 г. он утверждал, что Уфа построена «в кратком времени по взятии Казани»[1]. Через три года, 26 мая 1762 г., он известил историка Г.Ф. Миллера о новом своём предположении: «А город Уфа после Казанского взятья спустя года три или четыре застроен». При этом он сомневался в точности своего сообщения по причине того, что «к сохранению их (т. е. документов) никакого тщения никогда не имелось…»[2] Спустя 6 месяцев, он пишет уже с большей определённостью, не приведя, однако, никаких доказательств о постройке города. «По достоверным выправкам нашлось, – писал он, – что башкирцы о построении г. Уфы челобитье своё имели в 7081 (т. е. 1573 от р. х.) г. не только для одного, чтобы им положенный на них ясак тут, как внутри их жилищ платить было льготнее, но и от неприятелей бы иметь им здесь убежище и защиту»[3].

Несмотря на то, что в данном высказывании П.И. Рычкова мы не находим ответ на вопрос, был ли построен город в год подачи башкирами прошения, которое, кстати, до сих пор никому обнаружить не удалось, последующие историки, ссылаясь на него, указывают уже конкретную дату основания Уфы – 1573 или 1574 гг. Так, составитель «Географического лексикона Российского государства»… Ф. Полунин в 1773 г. писал, что город был «построен в государствовании царя и великого князя Иоанна Васильевича спустя лет с 20 после взятия Казани…»[4] 1573 г.

тор статьи Игнатович. А.В. Игнатович, умер между 1890 и 1895 гг., автор статей по оренбургской старине (См.: *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Т. II. Гоголцкая – Карамзин. СПб., 1910. С. 474; *Матвиевская Г.П.* Александр Васильевич Игнатович // Оренбургская учёная архивная комиссия: её «Труды» и авторы / сост. Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева; Под ред. А.Г. Прокофьевой. Оренбург, 2020. С. 193–194) – *отв. ред.*].

[1] *П. Рычков.* История Оренбургская в сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих, 1759, февраль, стр. 113–114.

[2] *П.П. Пекарский.* Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. В кн. «Сборник статей, читанных в отделении Русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. 2, СПб., 1868, стр. 85.

[3] *П. Рычков.* Топография Оренбургская в сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих. 1762, ноябрь, стр. 388.

[4] «Географический лексикон Российского государства или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера и т. д. обширной Российской империи, собранный коллежским асессором и города Вереи воеводою Федором Полуниным и изданный Г.Ф. Миллером». М., 1773, стр. 425.

признали годом постройки Уфы также крупные историки России начала XIX в. Е. Зябловский и А. Щекатов[1]. Эта дата (1574 г.) проникла и в архивные материалы. В одном деле под названием «Топографическое описание Оренбургской губернии», а также в легенде плана г. Уфы, относящихся к 1800 г., указано, что г. Уфа построен в 1574 г., «чему нынешний год 226 лет»[2].

Этого же мнения придерживались почти все местные историки-краеведы, как И. Дебу, И. Казанцев, А. Пекер, В. Шевич и др.[3]

Датой основания г. Уфы интересовалась и местная газета «Оренбургские губернские ведомости». На её страницах часто появлялись статьи анонимных авторов, удивляющих друг друга новыми «открытиями». Цель их заключалась в том, чтобы в ближайшие годы отметить юбилей города. Причём они ссылались на «Уфимские летописи», достоверность сведений которых очень сомнительна. «Известно, – пишет один из этих авторов, – что с 1571 года город Уфа был значителен и крепок воинскими людьми»[4]. А второй, явно искажая исторические события, утверждает, что «по соизволению государя Михаила Федоровича построен в г. Уфе Успенский мужской монастырь деревянного строения от р. х. 1564 года». «Сие, – убеждает он читателей, – явствует в монастырской грамоте»[5]. По мнению автора, выходит, что, во-первых, г. Уфа был построен задолго до 1564 г.; во-вторых, Михаил Фёдорович якобы царствовал в XVI, а не в XVII в., как это было на самом деле. А через несколько номеров та же газета уверяла читателей, что Уфа была основана в 1573 г.[6] Таким образом, губернская газета вводила в заблуждение уфимцев, печатая через каждые 2–3 номера статьи, указывающие разные даты постройки города.

---

[1] *Е. Зябловский.* Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. 4, СПб., 1810, стр. 321; *А. Щекатов.* Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем виде, ч. 6–7, СПб., 1808, стр. 653.

[2] Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем – ЦГВИА) СССР, ф. ВУА, ед. хр. 18895, лл. 12, 50; ед. хр. 18896, л. 2; ед. хр. 22723 (план г. Уфы 1800 г.).

[3] *И. Дебу.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837, стр. 42; *А. Пекер.* Очерки Уфы. – «Вестник Императорского Русского географического общества», 1860, ч. 29, отд. 2, стр. 174; *В.С. Шевич.* Уфа. – «Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год», Уфа, 1865, стр. 24.

[4] «Оренбургские губернские ведомости» (в дальнейшем – ОГВ), 1852, № 14–15 [Текст летописца см.: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / составитель М.И. Роднов. Уфа, 2012].

[5] ОГВ, 1852, № 18.

[6] ОГВ, 1852, № 25.

И в последующие десятилетия XIX в. не было единого мнения среди историков по вопросу о времени основания г. Уфы. Но в отличие от предыдущих исследователей они первыми выдвинули новое в освещении этого вопроса. Так, например, В.С. Юматов в 1847 г. (значит за 25 лет до П.П. Пекарского) в статье «Мысли об истории Оренбургской губернии» считал 1586 г. датой основания главного города Башкирии – Уфы[1]. Но через два года и, очевидно, не без критики других он встаёт на точку зрения П.И. Рычкова[2]. Взгляды другого известного краеведа – Р.Г. Игнатьева – время от времени тоже менялись. Сначала он полагал, что Уфа была основана между 1574–1586 гг., затем – в 1574 г., позже временем основания г. Уфы считал 1574–1586 гг.[3] Почти на такой же позиции стоял Н.А. Гурвич, но с тем лишь отличием, что к 1574 году о[н] относил создание крепости, а к 1586 г. – города[4]. Из вышеизложенного видно, что все три автора называют годом основания Уфы 1574 или 1586 гг., не приведя, однако, никаких новых доказательств. К тому же влияние авторитета П.И. Рычкова было так сильно, что даже после выхода книги П.П. Пекарского в 1872 г. упомянутые краеведы продолжали поддерживать его точку зрения. Вместе с тем с их стороны была предпринята попытка, как видели, объединить мнения Рычкова и Пекарского в одно, предполагающее, что сначала возникла крепость (1574 г.), а затем – город (1586 г.). Оно бытует среди историков и поныне.

В самом деле могло ли русское правительство воздвигнуть крепость на Уфимском полуострове в 70-х годах XVI в. Такая возможность не исключалась. Причём, города-крепости управлялись воеводами, назначаемыми Разрядным приказом или непосредственно царём. Такие оборонительные сооружения во всех концах Рос[с]ии того времени были известны не только самому правительству, но и соседям Русского государства – сибирским татарам, ногайцам и казахам, кочевавшим в северо-

---

[1] ОГВ, 1847, № 16.

[2] *В.С. Юматов.* Краткий исторический взгляд на первобытных жителей Оренбургского края. – ОГВ, 1849, № 17.

[3] Р.Г. Игнатьев. О древних памятниках в Уфимском уезде. – «Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разобранных в течении 1866 и 67 гг.». Уфа, 1868, стр. 4; его же. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. – «Справочная книжка Уфимской губернии», отд. 2, Уфа, 1883, стр. 4; его же. – Город Уфа. – «Памятная книжка Уфимской губернии». – «Записки Императорского русского географического общества. По отделению статистики», т. 6, СПб., 1889, стр. 112.

[4] Доклад Н. Гурвича. – «Уфимский юбилейный сборник в память празднования трехсотлетнего юбилея города Уфы», Уфа, 1887, стр. 1–10.

восточной, южной, юго-восточной Башкирии и Заволжье. В официальных документах XVI в. – Разрядных книгах – перечислялись фамилии всех воевод, ежегодно назначаемых в тот или иной город. Однако среди них вплоть до 1586 г. ни разу не упоминались ни Уфимская крепость, ни её воеводы. Её не знали также сибирские татары и ногайцы. Хотя, по мнению Р.Г. Игнатьева, в 1575 г. сибирские татары во главе с царевичами Аблаем и Тевкелем приходили мешать строению г. Уфы, в окрестностях которого, потерпев поражение, были взяты в плен[1]. Сам факт их прихода исторически достоверен, но он произошёл не в 1575 г., а в 1635 г.[2] Что касается ногайцев, то они, по Р.Г. Игнатьеву, в 1576 г. послали протест в Москву о том, чтобы в Башкирии «русским городам не быть»[3]. Всё это действительно имело место, но ровно 10 лет спустя. Кроме того, состоящий с П.И. Рычковым в постоянной переписке крупный историк XVIII в. Г.Ф. Миллер, знавший мнение первого, сомневался в существовании города около 1574 г. Отсутс[т]вие г. Уфы среди перечисленных городов в завещании Ивана Грозного, составленном между 1572–1578 гг., послужило ему основой для такого сомнения[4]. Заслуживает внимания также мнение А.Н. Усманова по данному вопросу. Отсутствие городов-крепостей в 70-х годах XVI в. автор объясняет тем, что добровольный характер присоединения Башкирии к России не вызывал необходимости немедленной их постройки[5].

Русское правительство, занятое долгой и изнурительной борьбой как внутри (опричнина), так и вне страны (Ливонская война), не могло в то время построить город в Башкирии, минуя Поволжье, где закрепление русской позиции являлось главной задачей. А пока с 1574 г. на полуострове между рр. Белой и Уфой был учреждён сторожевой пост для наблюдения в летние месяцы за передвижениями соседних кочевников. На этом самом месте и образовалось русское поселение, о чём свидетельствует существование церкви, основанной в 1579 или 1584 гг.

Только в 80-х годах XVI в. возникла настоятельная необходимость создания города в центре Башкирии. Русское прави-

---

[1] *Р.Г. Игнатьев.* Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. – «Уфимский юбилейный сборник в память празднования трехсотлетнего юбилея города Уфы», Уфа, 1887, стр. 236.

[2] ЦГАДА, ф. 119, 1639 г., д. 2 (пленный Аблай находился в ссылке в Каргополе).

[3] «Справочная книжка Уфимской губернии», Уфа, 1883, стр. 5.

[4] *Г.Ф. Миллер.* Описание Сибирского царства. СПб., 1750, стр. 81, 87–90; «Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссией», т. 1, СПб., 1846, стр. 384.

[5] *А.Н. Усманов.* Присоединение Башкирии к Русскому государству, Уфа, 1960, стр. 154.

тельство, закрепив свою позицию в Поволжье и укрепив тыл, в указанное время перешло к решению такой же задачи в Башкирии. Причём оно не могло не считаться с пограничным положением этого края, который был окружён почти со всех сторон воинственными кочевниками. Им принималось во внимание и то, что некоторая часть башкирских феодалов была враждебно настроена по отношению к Русскому государству. Наконец, в 80-е годы началось активное наступление русских на Сибирское ханство, продолжалась борьба с Кучумом. Через Башкирию шла дорога из Казани в Сибирь, которая приобретала в связи с продвижением русских за Урал всё большее значение[1].

В такой необходимости было заинтересовано прежде всего русское правительство, стремившееся закрепить свою власть в обширном крае. По мнению П.И. Рычкова, город был построен по просьбе и в интересах башкир. О такой же просьбе говорится и в родословной дворян Артемьевых, родоначальник которых – воевода Иван Васильевич – после 1569 г. был послан из г. Казани «для обчерчевания и построения города Уфы»[2]. И если Артемьевым в то время не было приступлено к устройству города из-за ранее указанных причин, то, по крайней мере, было уже намечено место, где впоследствии и был построен город. Просьба о постройке города на земле башкир мотивируется тем, чтобы им было удобнее платить ясак и иметь надёжную защиту от врагов. Мотивы, приведённые в прошении башкир, не лишены реальности. Однако как их прошение, так и само распоряжение правительства о посылке И.В. Артемьева в Башкирию пока никем не обнаружены. Поэтому единственным источником по этому вопросу остаются башкирские шежере. В родословной юго-восточных башкир племени бурзян, кыпсак, усерган и тамьян подчёркивается о согласии башкир на постройку города, а не об их просьбе. «А затем, – написано в ней, – по причине того, что доставлять ясак в Казанскую крепость из-за дальности (расстояния) далеко, для того, чтобы управитель казны был близко с нашего согласия, на наших землях великий царь построил Уфу»[3]. Между прочим, мнение о том, что просьба башкир была главной причиной постройки города, подвергалась сомнению исследователем прошлого столетия Н.А. Гурвичем, который писал: «Так гласит (только) народное предание, но едва ли это было главным мотивом основания Уфы, а скорее должно полагать, что основа-

---

[1] *А.Н. Усманов.* Указ. соч., стр. 155–156.

[2] Центральный государственный исторический архив (в дальнейшем – ЦГИА) СССР, ф. 1343, оп. 16, д. 789, л. 198.

[3] «Башкирские шежере», составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева, Уфа, 1960, стр. 79.

ние города имело на первом плане стратегическую цель: он должен был служить оплотом для удержания и обеспечения покорности самих башкир и защиты от набегов киргиз и сибирских татар»[1]. Нельзя не согласиться с ним, ибо его высказывание подтверждается всей последующей историей края; причём башкиры в ходе восстания не раз осаждали город с целью его уничтожения, видя в нём опасного противника для себя.

Согласием башкир воспользовалось правительство, воздвигнув в 1586 г. г. Уфу. Эту дату обосновал академик П.П. Пекарский. В 1871 г., когда встал вопрос о праздновании трёхсотлетия со дня основания Уфы, общественность города в лице секретаря уфимского губернского статистического комитета Н.А. Гурвича обратилась к своему земляку П.П. Пекарскому с просьбой помочь родному ему городу в установлении точной даты его постройки. Он охотно взялся за выполнение просьбы своих земляков. В результате появилась его работа «Когда и для чего основаны города Уфа и Самара»[2]? Вот что пишет об этом Н.А. Гурвич: «Почему то, чисто традиционным путем, полагали, что Уфа основана или построена в 1573 году. Вследствие этого местные любители всяких юбилеев предполагали к этому времени (т. е. 1873 г. – А.А.) воздвигнуть в городском парке в Уфе памятник Ивану Грозному. Но все эти мечты рассеялись, когда акад. П.П. Пекарский вследствие обращения моего к нему после долгих поисков уведомил меня, что в столбцах московских архивов нашлось положительное и несомненное известие, что Уфа и Самара основаны в 1586 году»[3].

Архивные материалы, относящиеся к дипломатическим отношениям России с Большой Ногайской ордой, послужили академику П.П. Пекарскому основанием для уточнения даты постройки города. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов СССР в Москве[4].

Весной 1586 г. ногайский князь Урус узнал от русского толмача служилого татарина Бахтияра Тойталычева первое известие о намерении царя Фёдора Ивановича построить четыре города. «Ажно в те поры приехал от тебя толмач Бахтияр с досадными словами. Таких слов от отца твоего от белово царя отец мой Исмаил князь да язь не слыхал. А приказал еси с ним, что

---

[1] *Н.А. Гурвич.* Описание Уфы по однодневной переписи 17 июня 1879 г. – «Справочная книжка Уфимской губернии», Уфа, 1883, стр. 8.

[2] «Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук», т. 10, № 5, СПб., 1872, стр. 1–29.

[3] Н.А. Гурвич. Описание Уфы по однодневной переписи 17 июня 1879 г. – «Справочная книжка Уфимской губернии», Уфа, 1883, отд. 4, стр. 7.

[4] ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, дд. 8, 9, 10, 12.

ты на четырех местех хочешь городы ставити: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой воложке. А теми местами твои деды и отцы владели ли?»[1]

Ногайцы, до сих пор безнаказанно совершавшие свои набеги на русские окраины, с негодованием встретили известие о намерении построить города на рр. Волге и Белой. Если раньше им почти никто не оказывал сопротивление, то не то должно было произойти теперь: появились города с постоянным военным гарнизоном, который узнав о вторжении ногайцев, мог выйти навстречу им со страшными для степняков пушками и пищалями. Таким образом, вторжения и грабежи русских окраин, бывшие для ногайских феодалов делом очень лёгким, с появлением городов на рр. Белой и Волге чрезвычайно затруднялись.

Вот почему появление этих городов вызвало бурные протесты со стороны ногайских мурз во главе с князем Урусом, ярым противником Русского государства. Астраханский воевода Ф. Лобанов-Ростовский в сентябре 1586 г. сообщил об этом царю Фёдору Ивановичу: «Пишет, государь, Урус князь … чтоб твоим государевым городом на Уфе и на Самаре вперед не быти»[2].

Чтобы уладить конфликт, умерить пыл ногайских феодалов, была придумана версия о том, что эти города построены якобы в интересах самих же ногайцев. Для этого из Москвы в Большую Ногайскую орду каждому из мурз-владетелей улусов и князю Урусу были посланы с наказом царя русские послы (гонцы). В сентябре же 1586 г. были направлены в орду Фёдор Гурьев, Ратай Норов, Иван Страхов, служилые татары Байсукозин, Янгильдей Дашков и Акишев.

В наказе каждому из послов перечислялись причины, вынудившие русское правительство построить новые города на Волге и Белой. Ответ должен быть таков: князь Урус неоднократно жаловался на казаков, разорявших его улусы, поэтому царь Фёдор Иванович для защиты их повелел основать эти города. Ратай Норов, например, вручил царскую грамоту мурзе Арасланy, должен был говорить ему следующее: «…на Белой воложке город есьмя того для поставили, чтоб вам от казаков не было воровства… Для того есьмя город на Волге и на Белой воложке велел устроити, чтоб вам и вашим улусом от воров от казаков никакова убытка не было». В наказе Фёдору Гурьеву добавлены ещё новые мотивы: «А на Уфе на Белой воложке Государь велел город поставити, что беглой из Сибири Кучюм царь,

[1] *П. Пекарский.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. – «Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. 10, № 5, СПб., 1872, стр. 8; ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, лл. 9, 10.
[2] *Н.[М]. Карамзин.* История государства Российского, т. 10, 1849, стр. 17.

пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцев, почел был имати и ныне государь на Уфе велел город поставити и людей своих в нем устроити для обереганья Казанского уезда башкирцов, и для того, что государевы люди городы многие поставили в Сибирской земле. И из того города з Белой воложки Казанским людем многим ходить на Сибирь. А тот город стал на дороге, да и потому, чтобы казаки беглые с Волги на Белую воложку не ходили и вашим улусом убытков никаких не чинили»[1].

Однако ногайские феодалы не поверили словам русских послов, произнесённым в оправдание появления новых городов. Они продолжали настаивать, чтобы русские сами снесли эти города. 2 ноября князь Урус повторил свой протест, угрожая разорением новопостроенных городов[2].

Для дальнейших переговоров с ногайцами, чтобы убедить их в необходимости этих городов, была выбрана кандидатура царевича Мурат Гирея, изгнанного из Крыма в результате дворцового переворота. Мурат Гирей явился в Москву, был принят царём, а затем отпущен в Астрахань, где должен был служить царю Фёдору Ивановичу. Ближайшей целью водворения в Астрахани Мурат Гирея было приведение к покорности орды ногайцев. Сам Мурат находился под строжайшим надзором астраханских воевод и не мог сделать самостоятельно буквально ни одного шага: все приёмы его ногайских мурз, все переговоры с ними, вопросы об их награждении, выезды его за пределы города, даже посещение им мечети происходили в присутствии, в сопровождении и с разрешения воевод[3]. 5 ноября 1586 г. ногайские послы князя Уруса были приглашены на обед к Мурату, который говорил им во время обеда о власти, представленной ему от русского государя над Волгой, Яиком, Доном и Тереком. Затем перешёл к вновь основанным городам и сказал, что они построены якобы «по его к государю челобитью». Он убеждал послов, что города воздвигнуты в интересах самих же ногайцев. В заключении он подчеркнул: «да и вперед государю город ставити… где ему надобе»[4]. Послы Уруса согласились с доводами Мурат Гирея и, получив «царево жалованье» (шубы, поставы сукон),

---

[1] *П.П. Пекарский.* Указ. соч., стр. 19–20; ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, лл. 36, 41.

[2] *П.П. Пекарский.* Указ. соч., стр. 24; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 568 (Пекарский), д. 96, л. 13 об.

[3] *А.А. Новосельский.* Указ. соч., М.-Л., 1948, стр. 35.

[4] *Г.И. Перетяткович.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877, стр. 315, 316.

уехали к себе в улусы. Перед отъездом в самой резкой форме им было приказано, чтобы они «людей своих на государевы украины не посылали и послов государевых не бесчестили»[1]. В том же году Мурат Гиреем был достигнут тот положительный результат, что князь Урус, скрепя сердце, должен был подчиниться московской власти, дать клятву верности и заложников[2]. Тем самым навсегда прекратились протесты с их стороны по поводу новопостроенных городов.

Таким образом, самое первое известие о новом городе Уфе относится к весне 1586 г. По мнению П.П. Пекарского, постройка города была закончена в течение весны и лета. Другие авторы, как Н.М. Карамзин и Г.И. Перетяткович, полагают, что как Самара, так и Уфа были основаны весной 1586 г. По-видимому, здесь Пекарский прав, ибо М.А. Нагой, назначенный царём на 1586 г. воеводой в Уфу и ставший им, в начале года находился ещё в Царевгороде (Поволжье) в качестве воеводы[3]. Чтобы прибыть на место назначения, нужно было определённое время. Поэтому выводы [Пекарского] более близки к истине, чем у других. В сентябре месяце уже существовали как Самара, так и Уфа; Самара, например, называлась «новым городом», через который тогда уже шли русские послы в Ногайскую орду[4].

Мнение П.П. Пекарского относительно этой даты подтверждается данными разнообразных источников. Это, в первую очередь, официальные документы – «Разрядная книга», представляющая из себя книгу записей распоряжений русского правительства о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу. Ввиду того, что огромная часть документации Разрядного приказа за этот период не сохранилась, значение разрядных книг как исторического источника неизмеримо возрастает[5]. Большую часть этих книг занимают ежегодные росписи городовых воевод. К концу XVI в. определились списки городов по отдельным районам. Вот здесь в числе понизовских городов за декабрь 7095 (–5509=1586) г. впервые и упоминается наряду с Самарой «новый город на Уфе». Затем ещё за 1590, 1594, 1595, 1596, 1597 гг. в числе других понизовских городов упомянута Уфа[6]. Думается, что здесь уместно отметить и то, что все вновь возникшие города в течение трёх-четырёх лет называ-

---

[1] Там же, стр. 316.
[2] ЦГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 20.
[3] «Разрядная книга, 1475–1598»: М., 1966, под ред. В.И. Буганова, стр. 378.
[4] ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 49.
[5] *В.И. Буганов.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962, стр. 5.
[6] «Разрядная книга, 1475–1598», М., 1966, стр. 390, 436, 486, 504, 513.

лись «новыми», затем – просто своими именами.

В летописях же г. Уфа не только упоминается первый раз в 1586 г., но и находим там прямое указание об основании его именно в этом году. В 1941 г. академик М.Н. Тихомиров опубликовал работу «Малоизвестные летописные памятники XVI в.» и среди них «Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве», в котором под 1586 г. значится запись: «в 94 году (т. е. 7094–5508=1586 г.) поставили на Волге город Самару. Того же года поставили город Уфинской и город на Юмени (Тюмени) в Сибири»[1]. В двух списках (Спасский и Толстовский) Строгановской летописи также под 1586 г. впервые упоминается Уфа, как один из городов, предназначенных для сбора ясака с сибирских и пермских народностей. «И потом, – говорится в ней, – повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всея России с тоя Сибирския земли с ясашных людей с татар, остяков, вотяков, вогулич по всем осторожкам и по улусам, где те погании языти живяху, в разных местех в г. Чердыни и на Уфе и на Верхотуры и по иным городам и улусом по великим рекам и по озерам и по малым заполным речкам начаша ясак забирати неизменно»[2].

Эта дата подтверждается также и данными родословной уфимских дворян. В актах дворян Сокуровых видно, что их родоначальник толмач новокрещённый Кондратий Кузмич прибыл в Уфу «при самом основании ея в 1586 году»[3]. О том, что он действительно в то время был в Уфе, говорит другой документ. В 1592–1594 гг. К.К. Сокуров при наделении служилых людей получил 7 четей (1 четь = ½ десятины) пашни[4]. Из генеалогии других уфимских дворян – Голубцовых – явствует, что сын боярский Константин Степанович в 1586 г. находился с воеводой при постройке города Уфы, где в числе прочих детей боярских был пожалован поместьем. Его земля, повидимому, находилась в 18 верстах от города, близ села Касимова, где луговая поляна до конца XIX в. называлась «Голубцовским лугом»[5].

---

[1] *М.Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. – «Исторические записки», кн. 10, М., 1941, стр. 94.

[2] «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 44–45, 91–92.

[3] *Р.Г. Игнатьев.* Город Уфа. – «Памятная книжка Уфимской губернии», Уфа, 1876; *Н.В. Ремезов.* Землевладение в Уфимской губернии. – «Записки Императорского русского географического общества. По отделению статистики», т. 6, СПб., 1889, стр. 112. Дело дворян Сокуровых выбыло неизвестно куда из архива департамента герольдии ЦГИА СССР.

[4] *В.А. Новиков.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. СПб., 1878, стр. 27–28.

[5] *В.В. Руммель и В.В. Голубцов.* Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1, СПб., 1886, стр. 206.

Теперь обратимся к трудам историков, занимавшихся историей русских городов. Одним из первых, кто указал 1586 г., как время основания г. Уфы, был К.А. Неволин; ещё в 1844 г. в статье «Общий список русских городов» дату постройки как Самары, так и Уфы он относил к 1586 г.[1] В 1847 г. местный краевед, уфимский судья, В.С. Юматов, ссылаясь, очевидно, на статью К.А. Неволина, тоже считал, как выше упоминалось, 1586 г. годом основания первого города в Башкирии[2]. Независимо от Пекарского эту же дату указали в своих работах Г.И. Перетяткович и Н.Д. Чечулин[3]. Кроме того, в «Записке исторических сведений о городах», составленной в Уфе в 1855 г. и хранящейся в ЦГА БАССР, говорится, что «город Уфа основан по просьбе башкирцев в 1586 г.»[4] И, наконец, возникновение города в 80-х годах XVI в. подтверждается тем фактом, что отвод земель уфимским дворянам производился не в 70-х годах, а в 1592–1594 гг., т. е. спустя 5–6 лет после основания города. Такое важное мероприятие, как вознаграждение дворян за их службу, не оттягивалось бы на десятилетия, если бы возник город в 1574 г.

Таким образом, имеются разнообразные источники подтверждающие вывод о том, что Уфа становится городом в 1586 г.

Не совсем выясненным остаётся также вопрос о воеводе и строителях города. Начиная с П.И. Рычкова все исследователи считали Ивана Нагого основателем и первым воеводой г. Уфы. Это утверждение основывалось на народной легенде, донесшей до нас события давно прошедшего исторического прошлого, но без сохранения его деталей. Память народа действительно сохранила историческую личность по фамилии Нагой. Но в самом деле его звали не Иваном, хотя и он являлся реальной личностью, а Михаилом. В упомянутой «Разрядной книге» под 1586 г. воеводой «нового города [на] Уфе» указан Михаил Александрович Нагой. Он же воеводствовал в Уфе в 1590, 1594, 1595, 1596, 1597 годах (хотя в скобках отметим, что в данном случае мы видим нарушение принципа политики «кормления», по которому воеводство поручалось обычно в одном городе одному и тому же лицу только на один год, а Нагой же был воеводой в Уфе подряд несколько лет)[5]. И в 1601–1602 гг. он находился в Уфе, а с 1614

---

[1] «Журнал Министерства Внутренних дел», 1844, № 11–12; См. также *К.А. Неволин.* Полное собрание сочинений, т. 6, СПб., 1859, стр. 90.

[2] ОГВ, 1847, № 16.

[3] *Г.И. Перетяткович.* Указ. соч., стр. 314; *Н.Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 20.

[4] ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 127.

[5] «Разрядная книга, 1475–1598», М., 1966, стр. 390, 436, 486, 504, 513.

г. в чине боярина воеводствовал в г. Устюге Великом, где и умер в 1618 г.[1] Что касается Ивана Григорьевича Нагого, то он известен с 1577 г., а в 1586 г. он стоял «на годованье» в «новом Цареве городе на Санчюре озере». С 1589 г. он находился в почётной ссылке в Сибири, где управлял городами (Берёзов, Тюмень, Верхотурье) и строил город на р. Лозьве (1594 г.)[2].

Из уфимских воевод конца XVI в., кроме М.А. Нагого, известен только один – Б.В. Ладыгин, который воеводствовал в Уфе в 1593 г.[3]

В литературе распространено мнение, по которому первыми строителями города были московские служилые люди. Однако с этим можно согласиться с оговоркой, ибо среди этих людей было очень много новокрещёных (например, Вавиловы, Сокуровы)[4], иноземцев (Каловские, Киржацкие)[5], полоцкой шляхты (Бурцовы, Курчеевы)[6]. Они прибыли, очевидно, из Казани, которая к тому времени стала твердыней русского правительства и находилась достаточно близко от р. Белой. К тому же воевода прибыл в Уфу не из Москвы, а из Царевогорода на р. Кокшаге через Казань. С ним прибыли казанцы; из уфимских дворян конца XVI в. москвичей всего 2 человека, а казанцев – десятки[7].

Служилые люди по прибору: стрельцы, затинщики и др. – являлись строителями города в центре Башкирии. Впоследствии Уфа, окрепнув, сама стал участницей в постройке сибирских городов.

Кроме русских служилых людей, в строительстве города принимали непосредственное участие и представители коренного населения края. Это подтверждается следующим документом. В выписке, сделанной Василием Шишонко из архивных дел Пермской палаты государственного имущества, приводится челобитье башкир Улукатайской и Салзаутской волостей Сибирской дороги Алигулы Кузева, Акимнаметки Кирданова… Анчукова с товарищами, в котором говорится «…О службах дедов и отцов их… И о строении дедом их Шугуром Девлет… города Уфы… за то де пожаловали его Шугура княжьем именем»[8]. Мало

[1] «Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия», составил А. Барсуков. СПб., 1902, стр. 260, 263; «Симбирский сборник», т. 1, М., 1844, стр. 148; «Русский биографический словарь», СПб., 1914, стр. 15; ДРВ, ч. 15, М., 1790, стр. 445, 460.
[2] «Русский биографический словарь», СПб., 1914, стр. 15.
[3] «Российская родословная книга», ч. 4, СПб., 1857, стр. 152.
[4] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 18, д. 4, л. 5.
[5] Там же, оп. 23, д. 3163, л. 50 об.; д. 1779, л. 2.
[6] Там же, оп. 17, д. 7157; оп. 23, д. 10975, л. 72 об.
[7] Там же, оп. 23, д. 5460, л. 7; оп. 17, д. 6854, л. 2 об.
[8] «Пермская летопись», пятый период, часть вторая с 1695 по 1701 г.

того, как свидетельствует шежере, башкиры, кроме личного участия в постройке города, вынуждены были нести на эту же цель большие материальные затраты. «Ясак возили 2 раза, – говорится в одном из шежере, – в 1567 г. и в 1586 г. Но так как возить ясак (в Казань) было опасно, то была построена Уфа на деньги самих башкир»[1].

О причастности мишарей к строительству города в одной из «Исторических записок об инородцах, обитающих Пермское наместничество[2] (1784 г.)» со слов мишарей записано, что «мещеряки застроили город и назвали его Уфой на р. Белой, затем перешли на то место, где обитают»[3]. Таким образом, город был построен русскими служилыми людьми, башкирами и мишарями в 1586 г. на месте русского поселения, возникшего в 1574 г.

Появление первого города в Башкирии имело большое значение. Уфа становится пунктом оседлости, откуда началось заселение русскими Башкирского края. Оседлое и земледельческое русское население оказало большое влияние в постепенном переходе башкир к оседлости и земледельческому хозяйству.

Уфа становится также административным центром уезда, четырёх дорог (областей) края. Уфимский воевода, подчинённый казанским наместнику и воеводе, заведовал всем управлением города и являлся главным военным начальником Уфимского уезда.

Со дня основания г. Уфа выступает как центр сбора ясака не только с башкирского населения, но и близнаселённых к нему народностей Пермского края и Западной Сибири.

С появлением г. Уфы русское правительство получило опорный пункт в Башкирии, что имело большое значение не только для укрепления в новом крае позиций Русского государства, но и для расширения его влияния за пределы её – на восток. С этого времени был положен конец претензиям ногайских и сибирских феодалов на Башкирию. Новый город значительно облегчил оборону южных и восточных границ России. Уфа посылала свои воинские части на помощь в Пермский край, в верховья Камы, в остроги Строгановых, теснимых народами Сибири и Урала.

Город Уфа стал важным связующим звеном между Казанью и Сибирью. «Сибирской дороги башкирцев»[4] он был связан с Си-

---

Пермь, 1887, стр. 45.

[1] *Д.Н. Соколов.* Опыт разбора одной башкирской летописи. – «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 4, Оренбург, 1898, стр. 48.

[2] Так в оригинале – *ред.*

[3] Государственный архив Пермской области, ф. 316, оп. 1, д. 78, л. 26 об.

[4] *А.А. Дмитриев.* Исторический очерк Пермского края. Пермь, 1896, стр.

бирью, где уфимцы строили города. В 1594 г. для строительства г. Тары и для борьбы с Кучумом были направлены в Сибирь воеводе А.В. Елецкому отряд в составе 145 стрельцов из Казани и Уфы, 100 казанских и свияжских татар и 300 башкир[1]. Кроме того, в 1600 г. для такой же цели был послан боярский сын, уфимец Г. Артемьев «с товарищами»[2].

Уфа становится посредником между европейскими и сибирскими городами и в области торговли. Сибирские торговые люди ездили в Уфу, Казань и др. города. Ещё в 90-х годах XVI в. тюменские служилые и торговые татары «со всяким товары» часто бывали в Уфе, но и башкиры ездили к ним «с товары и лошадьми». Из Тюмени в Уфу пр[и]бывали и бухарские торговые люди. Следовательно, этот путь связывал Уфу не только с сибирскими городами, но через них с Бухарой[3]. Торговая связь, однако, только возникала, поэтому нельзя преувеличивать её значение в этот период. К тому же Уфа являлась военно-административным, а не торгово-ремесленным центром.

(*Асфандияров А.З.* Основание города Уфы // Очерки истории дореволюционной России. Вып. 1 / Учёные записки [Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября]. Вып. 70. Серия исторических наук № 14 / отв. ред. Р.В. Филиппов. Уфа, 1972. С. 107–124)

31.

[1] *Г.Ф. Миллер.* Описание Сибирского царства. Книга первая, СПб., 1787, стр. 207, 213, 215.

[2] *А. Дмитриев.* Пермская старина, вып. 7, Перм[ь], 1897, стр. 28–29.

[3] *Г.Ф. Миллер.* Описание Сибирского царства, т. 2, М.-Л., 1941, стр. 159–160.

Я.Г. Солодкин

О некоторых спорных вопросах предыстории Уфы (к интерпретации уникальных свидетельств Поволжского летописца)

В дошедших до нас нескольких источниках, сохранивших сведения об основании Уфы, лишь констатируется факт её «поставления» в 1586 г., и только в Поволжском летописце (далее – ПЛ) начала XVII в. раскрывается, хотя и весьма скупо, предыстория сооружения первой русской крепости в Башкирии.

Согласно этому летописцу, уцелевшему в двух поздних списках, точнее, продолжению его основной части, являющейся главным образом сокращением Никоновского свода[1], в 7093 (1584/85) г. новый царь Фёдор Иванович послал из Казани татарских голов Фёдора Турова и Залешенина Волохова, «выбрав лутчих людей» Костромы, Суздаля, Ярославля, Владимира, Арзамаса «и изо многих городов поволских. И оне ходили до соленых озер, и бився с башкирцы, возвратишася назад»[2]. Напомним, что в 1585 г., скорее всего весной, за Урал двинулся воевода И.А. Мансуров, поздней осенью того же года, не отважившись подступить к Искеру, «срубивший» Обский городок. Под 7094 (1585/86) г. в ПЛ говорится о начале похода Ермака в Сибирь (с Волги и Камы по Тагилу в Туру[3]), трёх боях, в которых боярин князь А.В. Трубецкой, князь С. Звенигородский «с товарыщи» на Солове, Плаве и близ «Княинина (Кияннина)» разбили крымских

---

[1] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 192, 193. Далее ссылки на ПЛ приводятся в тексте статьи с указанием страниц.

Изложение событий в летописце, автор которого принадлежал к числу служилых людей какого-то города Поволжья (С. 187, 191–193), доведено до весны 1610 г., но интересующая нас часть этого произведения, думается, сложилась до наступления московской Смуты, поскольку об «угличском деле» тут умалчивается.

[2] В 1586 г. русские дипломаты уверяли ногаев, что Уфа была построена для их защиты от казаков, причем на территории Казанского уезда. См.: *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 40, 93; История татар с древнейших времён: в семи томах. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 241; и др.

Напомним, что в «Казанской истории» мы читаем о башкирских улусах, расположенных вдали от Казани. См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 186.

[3] В некоторых кратких летописцах к 7094 г. отнесено «Ермаково взятие» Сибирского ханства (*Мусихин А.* Вятка: символы и смыслы. Нижний Новгород, 2019. С. 597, 618. Сравни: С. 585. Примеч. 210; и др.), хотя «ратоборный» атаман погиб ещё в августе 7092 (1584) г.

татар, взяв 374 пленных[1], и новой «посылке» Ф. Турова и З. Волохова[2] «да воинских людей», прежде бывших «с ними в сибирских улусах»; эти головы «з башкирцы и з сибиряны билися», а «на Уве острог поставили» (с. 214)[3], т. е. Уфу. Упомянутые в процитированных строках «сибирские улусы», оказавшиеся ареной боев русских с башкирами, – это, вероятно, земли Ногайской Орды, где обосновались выходцы из «Тайбугидской страны», ранее подвластной Кучуму[4].

В ПЛ отнюдь не говорится о том, как утверждал А.Г. Бахтин, будто лишь Ф. Туров возглавлял отряд, направленный против башкир из Казани, под началом же З. Волохова состояли служилые люди Костромы, Суздаля, Ярославля, Владимира, Арзамаса

---

[1] Оригинальное известие видимо восходит к разрядной записи. См.: *Солодкин Я.Г.* Земские соборы Московской Руси конца XVI века: Спорные проблемы истории и историографии. Нижневартовск, 2010. С. 51.

Князю А.В. Трубецкому было «сказано» боярство по случаю коронации Бориса Фёдоровича в сентябре 1598 г. (*Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 198. Примеч. 15; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 232; и др.), так что соответствующая летописная заметка появилась не ранее того времени.

[2] Кстати, в «ругодивском» походе зимы 1589–1590 гг. Ф.М. Туров (выборный дворянин по Владимиру) участвовал вместе с казанскими татарами, З.Н. Волохов же (принадлежавший к суздальскому «выбору») накануне посылался в Муром собирать «корма» для татар (Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М., 1979. С. 129, 278, 279). Аналогичные поручения выполняло и немало других видных провинциальных дворян. См.: Там же. С. 130, 131, 133, 148, 173, 175, 278, 280, 281, 283, 286, 292, 294.

[3] К тому же году, а не 7096 (в отличие от других летописцев), создатель ПЛ приурочил закладку «каменного града» в Астрахани. Скорее всего, допустив анахронизм, провинциальный книжник почерпнул это известие из какого-то нарративного сочинения.

[4] См.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 324, 325, 372 – 374; *Он же.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 41, 43; История татар с древнейших времён. Т. IV. С. 239; Тюменское и Сибирское ханства (далее – ТСХ). Казань, 2018. С. 74, 78, 112–114, 260, 261; и др.

Кстати, в грамоте митрополита Ростовского, Ярославского и Устюжского Филарета от 30 ноября 1606 г., где излагается содержание богомольной грамоты патриарха Гермогена, сказано, что царю Василию присягнули «киижде по своей вере» черемиса, ногаи, чуваши, отяки (т. е. вотяки), мордва, сибирцы, остяки (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Императорской Академией Наук: Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. Т. II. СПб., 1836. С. 131. Сравни: С. 279, 282, 312, 318; и др.). Не исключено, что под сибирцами и здесь имеются в виду ранее подвластные Тайбугидам переселенцы из «Кучумова юрта» в Ногайскую Орду.

и ряда городов Поволжья[1]. Тот же историк напрасно посчитал целью этих голов в 1585 г., если следовать ПЛ, подавление восстания не только башкир, но и татар, восточных марийцев, ханты и манси[2], – восстания на «казанской украйне», о котором безвестный «слогатель» прямо не сообщил.

Судя по ПЛ, в ходе экспедиции 1584/85 г. русским не удалось разгромить башкир, отряд из «лутчих людей» (видимо, дворян и детей боярских, о которых дважды идёт речь в дальнейшем, см.: с. 215, сравни: с. 213) многих уездов, достигнув соляных озер, вынужден был повернуть назад, и только год спустя Ф. Туров и З. Волохов смогли добиться успеха и «срубили» острог «на Уве», иначе говоря, Уфимскую крепость.

В других источниках она представлена городом уже при основании[3]. Не исключено, однако, что крепость на мысу, образованном рекой Белой (Белой Воложкой) и её правым притоком Сутолокой (Суколакой), подобно, например, «русской» Тюмени, Тобольску и Мангазее вначале являлась острогом и сделалась городом (с сооружением рубленых стен) спустя какое-то время[4].

Оказавшаяся последней «Черемисская война» прекратилась в 1585 г., видимо, весной[5], и прямо с этим восстанием, думает-

---

[1] *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 578; История татар с древнейших времён. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань, 2014. С. 102.

[2] *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 578.

[3] См.: *Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 40, 61, 66, 67, 74, 89–91, 100; *Она же.* Город Уфа в контексте сибирской истории // «Тобольск научный-2012»: IX Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция Тобольск, 2012. С. 261; *Дубман Э.Л.* Поволжский фронтир в середине XVI–XVII вв.: очерки истории. Самара, 2012. С. 60 (Юго-Восток Европейской России. Ч. I); ТСХ. С. 400; *Солодкин Я.Г.* Сообщения о предыстории основания и возникновении Уфы в Поволжском летописце начала XVII в.: происхождение и степень достоверности // Река времени. 2019. Уфа, 2019. С. 12; *Курмаев В.Н.* Из истории землевладения Богоявленского завода // Там же. С. 23, 26.

Думается, «научную версию основания г. Уфы впервые выдвинул» не П.П. Пекарский (*Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 65), а Н.М. Карамзин (Сравни: Там же. С. 60–61, 79).

[4] В ПЛ сказано о сооружении острога в Тушине на реке Взвозе (Сравни: *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 85; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 390), городов на Трысе, Цивили и каменного кремля в Астрахани (С. 190, 213, 214, 217).

Высказывавшиеся многими историками мнения о том, что «поставленным» в 1593 г. в «Сибирской земле» городам Берёзову и Пелыму предшествовали остроги, лишены должных оснований.

[5] См.: *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 539, 578, 611, 619, 655; История татар с

ся, не стоит связывать сопровождавшуюся боями предпринятую русскими год спустя экспедицию к Белой Воложке. Однако, как находил ещё официальный летописец конца патриаршества Филарета, широкое градостроительство, развернувшееся следом в Казанском крае, должно было исключить возможность новых выступлений против «белого царя»[1].

В том году, что Уфа, были основаны Воронеж и Ливны (вероятно, в течение первых недель), Самара, Тюмень, московское правительство, тем более в условиях внутриполитической нестабильности (на 1586 г. приходится «дело Шуйских»), вряд ли могло выделить для похода в Приуралье более крупные силы, чем во «второе лето» царствования «освятованного» Фёдора Ивановича.

Рассмотренные известия ПЛ, уникальность которых давно отмечалась[2], противоречат широко распространённому убеждению[3], будто Уфа возникла по просьбе самих башкир.

Вышедшие скорее всего из-под пера участника её основания летописные свидетельства[4] подтверждают заключение Р.Г. Букановой о том, что первостроители Уфимской крепости (впрочем, это были далеко не только стрельцы[5]) добрались до места, где она встала, «сухим путем по старому Сибирскому тракту, со стороны р. Уфы, а не на судах вверх по течению р. Белой»[6].

Как мы видим, обращение к ПЛ дает возможность иначе, нежели прежде, ответить на некоторые вопросы предыстории Уфы либо их поставить, что немаловажно для дальнейшего осмысления процесса вхождения Башкирии в состав Российского государства в конце XVI в.

древнейших времён. Т. V. С. 102.

[1] ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. М., 1965. С. 36. Мнение о существовании Уфы зимой 1585/86 г., если не накануне (История татар с древнейших времён. Т. IV. С. 240) должно считаться ошибочным.

[2] *Солодкин Я.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 104.

[3] См.: *Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 54–60, 65, 81, 82, 104, 246; и др.

[4] См.: *Солодкин Я.Г.* Сообщения о предыстории основания и возникновении Уфы. С. 14; *Он же.* Входило ли противодействие Сибирскому ханству в задачи основания Уфы? // Река времени. 2020. Уфа, 2020. С. 17.

[5] Стрельцы упомянуты в летописных статьях о «ругодивском» походе 1589–1590 гг. и движении «царевича Петра» (С. 215, 217).

ПЛ, да и другие известные нам источники, не позволяют, вопреки представлению Д.М. Исхакова, включать в число участников основания Уфы татар-мишарей, позднее служивших там в казаках (*Исхаков Д.М.* Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 273).

[6] *Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 105. Обеспечение контроля над Казанской дорогой по Каме иногда называется целью сооружения Уфы. См.: ТСХ. С. 170.

В.Н. Макарова

Духовные росписи Спасского храма Уфы. К вопросу об историческом источнике

В последние десятилетия в отечественной историографии наблюдается усиленный интерес к церковной документации Российской империи, когда православное духовенство исполняло важнейшую государственную функцию регистрации населения, которая в XX в. перешла к системе ЗАГСов.

Привлечение текущей церковной отчётности (метрических книг и др.) началось ещё в советскую эпоху[1], происходил критический анализ данного вида источников, они использовались во многих монографических трудах. Сейчас, вслед за краеведами, которые выбирают генеалогическую информацию, историки активно привлекают фонды духовных ведомств как массовый источник в первую очередь при изучении демографических процессов[2]. Помимо сельского населения, по метрикам изучается состав городских жителей[3].

Исследователи начинают анализировать отдельные виды церковной документации, в частности исповедные росписи, которые привлекаются ещё в несравненно меньшей степени, чем метрические книги. Информационный потенциал исповедных росписей высоко оценивается историками[4].

---

[1] *Палли Х.Э.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1; *Елпатьевский А.В.* К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение. М., 1979; мн. др.

[2] *Шустрова И.Ю.* Русская крестьянская семья Верхневолжья XIX – начала XX века: источники и методы изучения. Ярославль, 2013; др.

[3] *Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е.* Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.). Барнаул, 2013; др.

[4] *Миронов Б.Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XX. Л., 1989; *Он же.* Исповедный и метрический учёт в имперской России // Материалы церковно-приходского учёта населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007; *Дитрих И.И.* Исповедные росписи и метрические книги как источники по исторической демографии г. Пскова // Макарьевские чтения: Материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск, 2004; *Постников А.Б.* Исповедные росписи как источник по истории Псковской Церкви и духовенства в 1727–1762 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73); *Федорец А.И.* Проблема информационной ценности исповедных ведо-

Исповедные росписи имели важное значение как в церковном, так и в гражданском отношении. Исповедные ведомости при отсутствии метрических книг имели юридическую силу при определении возраста, доказательствах законности и самого события брака, в других обстоятельствах. Справка об исповеди была обязательна при вступлении в брак в другом приходе.

Исповедные ведомости – источник, обладающий большим потенциалом. Его можно использовать в генеалогических изысканиях при изучении родословной населения: статских, военных, купцов, крестьян и мещан, а также, в случае отсутствия клировых ведомостей, духовенства. Преимущество этого источника по сравнению с ревизскими сказками состоит в регулярности их составления, в меньшем объёме и чёткой структуре.

Данная документация была введена в Российской империи указом Петра I от 17 февраля 1718 г. с целью выявления раскольников для их налогообложения[1]. Форма была окончательно утверждена при Анне Иоанновне, далее происходило некоторое совершенствование формуляра. Вначале шла информация о священниках прихода. Но основную часть документа составляла роспись сведений по каждому двору. Указывался владелец двора и его семейство (с указанием родства), дворовые люди, квартиранты, наёмные работники, люди, жившие при дворе по милости, солдатские жёны и вдовы. Записывалось сословие, род занятий, пол, возраст. В одной из колонок ставилась отметка – был ли на исповеди, в другой – причащался ли. Сразу после росписи следовала итоговая таблица. Во второй и третьей графах учитывались причастившиеся и непричащавшиеся, раскольники и иноверцы.

Священники должны были посылать копии исповедных росписей в духовную консисторию не позже Фоминой недели, то есть в апреле, оригиналы хранились в церковных архивах. Формуляр исповедных росписей просуществовал до 1917 г., когда они были официально запрещены. В течение столетия он несколько изменялся. В 1861 г. была исключена группа «дворо-

---

мостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 1; *Чернякова И.А.* Ревизские сказки и исповедные ведомости – сравнительный анализ содержания с точки зрения достоверности и полноты информации // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002; *Шустрова И.Ю.* Информационный потенциал приходских документов Ярославской епархии XIX – начала XX века // Книжная культура Ярославского края – 2018. Ярославль, 2019; др.

[1] См.: *Марков Н.Ф.* Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия / под ред. А.П. Лопухина. Т. V. СПб., 1904. Стб. 1119 (приложение к журналу «Странник» за 1904 г.).

вых», но появляется группа «постояльцев».

Списки имеют большую полноту описаний, которая зависела от масштабов миграции, и дают возможность восстановить посемейный состав православных прихожан, бывших на исповеди и уклонившихся от неё. Недостатком исповедных росписей является то, что в них не содержатся сведения об умерших, а также о том, куда перемещается прихожанин или семья, что очень важно в изучении родословных.

Исповедные росписи дают информацию о численности, половозрастном и социальном составе населения. В них фиксируются лица обоего пола и всех возрастов, включая годовалых младенцев. Исповедные ведомости составлялись погодно, что позволяет проследить изменение родственной и поколенной структуры, общего состава населения.

В местной литературе лишь отдельные краеведы в небольшой степени привлекали материалы исповедных росписей, научного анализа и публикации данного источника ещё не производилось. Хотя в фондах Национального архива Республики Башкортостан сохранилась большая часть делопроизводственного архива Спасского храма Уфы[1]. И, среди метрических, приходно-расходных книг, описей имущества, клировых ведомостей, брачных, обыскных документов, книги поминаний, особое место занимает коллекция исповедных ведомостей, иногда называемых духовными росписями, в которых указаны имена священников и прихожан, бывших у исповеди. Всего до наших дней сохранилось восемь томов за период с 1820 по 1925 гг. и объём документации весьма значительный[2].

Для исповедных записей Спасского храма характерна полнота записей населения прихода, который бывал в храме и у исповеди и даже тех, кто на ней не бывал. Фактически сохранились сведения за 100 лет, с небольшими изъятиями. А также имеется роспись о духовных служителях, их происхождении, образовании, службе, наградах, семейном положении.

Церковная статистика не самый простой источник. Количество исповедовавшихся часто не совпадает с количеством причащавшихся. Но они объединяются в единую итоговую

---

[1] НА РБ. Ф. И-290. Оп. 1; И-294. Оп. 7. Д. 69–78, 80, 81.

[2] В фонде И-290, Спасской церкви, за 1820–1831 гг. имеются исповедные росписи в 235 стр., за 1831–1836 гг. – 219 стр., за 1837–1841 гг. – 159 стр.; за 1848 г. – 116 стр., за 1852–1865 гг. – 405 стр., за 1863–1875 гг. – 513 стр., за 1886–1897 гг. – 198 стр. Нет данных за отдельные годы. Отдельной подшивкой представлены сведения за 1884 г. Ещё сохранились рабочие, может быть предварительные, списки причащавшихся за 1852 г., 1860 г., 1873–1878 гг., 1884–1889 гг. и 1890–1900 гг.

цифру, в разные годы от 200 до 2500 человек.

По исповедным росписям, как и метрикам, можно проследить состав причта Спасского храма. Качество записей, несмотря на стандартизированный формуляр, всё же во многом зависело от кадрового состава духовенства. В начале XIX в. настоятелем храма был Григорий Андреев. Наиболее известными из протоиереев Спасской церкви являлись Иоанн Григорьевич Несмелов (1823–1859), Владимир Терентьевич Аманацкий (десять лет), Николай Павлович Левитский (1872–1876), Николай П. Геллертов (около 1888 – около 1897), Михаил Афанасьевич Шестаков (около 1898 – около 1919), Николай Георгиевич Алексеев (около 1923–1924), Дмитрий Разумов (около 1924 – около 1928). Есть упоминания о внештатном или младшем священнике Ипполите Никитовиче Подбельском, встречаются фамилии Николая Соколова, Якова Цервицкого, Петра Прокофьева, Тихановского, Георгиевского. В приходе проживала вдова священника Фрагранского, возможно он в какой-то период имел отношение к службе в храме. Но это предварительный список, история духовенства этой церкви ещё ждёт своего исследователя.

Уфимский Спасский храм не случайно избран объектом изучения. Сохранившаяся и поныне, это одна из самых красивых церквей города, воплотившая в своём облике традиции петербургской архитектуры. В XIX в. это была одна, если не самая, престижная церковь Уфы, тем более, что Спасский храм стоит на важнейшей Большой Казанской улице, уфимском «Невском проспекте», одной из главных транспортных артерий города, вокруг которой селилась губернская элита.

В отдельном томе статистических описаний сохранилась справочная информация о Спасском храме, который заложен был 20 мая 1824 г. Первый придел его во имя Рождества Христова освящён 28 ноября 1825 г., второй – во имя Св. Николая Чудотворца – 2 июня 1826 г., третий во имя Спаса Нерукотворного – 27 октября 1829 г. Из воспоминаний коллежского советника и кавалера Василия Андреевича Ребелинского извлечены предания о постройке на этом месте, где была городская окраина, самых первых Спасской холодной и Благовещенской тёплой деревянных церквей. Написано, что строительство этих храмов осуществлялось радением и под надзором праправнука известного Афанасия Ивановича Власьева. Из древних реликвий этих двух церквей после пожара сохранился только антиминс, освящённый в 1773 г. преосвященным епископом Вятским и Великопермским Варфоломеем[1].

[1] НА РБ. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4 об.

В духовных росписях находим массу интересных сведений о населении этого района Уфы. В Спасскую церковь на службу ходили все первые лица губернии, хотя бы потому, что дом губернатора находился в приходе Спасского храма (на ул. Голубиной, напротив нынешней поликлиники по ул. Пушкина). В исповедных росписях встречаем губернаторов и их домочадцев (упоминаются Иосиф Львович Дебу, Матвей Андреевич Навзоров, Авксентий Павлович Гевлич, Иван Дмитриевич Талызин).

В рядах прихожан статские и военные, купеческие фамилии, городские головы, известные в своё время уфимцы Першины, Большаковы, Блохины, Деевы, Нестеровы, Скриповы, Чижовы, Кадкины, Поповы, Коротковы, Кожевниковы, Полетаевы, Подъячевы, Мамины, Гирбасовы, Глазырины, Хасабовы, Пенно, Уткины. Встречаются фамилии Ушковых, Комаровых, Грунского, Колотовых, Девятияровых и Эварестовых, Веригиных, Куроедовых, Нагаткиных, Топорниных, Мисайловых. Чиновники, врачи, землемеры, аптекари, банкиры, люди, имевшие большое значение для развития края, все они ходили на службы, исповедовались, причащались, крестились, венчались, их отпевали в этом православном храме. Многие жертвовали на его строительство и развитие немалые средства.

Духовные росписи, а именно так официально называется документ, позволяют представить и проследить не только историю прихода, но также историю каждой уфимской семьи, приписанной к церкви. Исповедные ведомости Спасского храма имеют непреходящее значение как источник по истории Уфы.

Исповедная роспись (ведомость) составлялась по следующей схеме: в первой графе обозначался порядковый номер домов или дворов, во второй – число в них людей, раздельно мужчин и женщин. В отдельных графах представлялась информация об исповедовавшихся, причащавшихся и не бывших у причастия, указывалась причина. Если семья была полной, то фамилия чаще всего записывалась один раз для всех членов, для супругов указывались имя и отчество (по-старинному, без вича), а для их детей – только имя. В случае смерти одного из супругов, показывалось вдовство. Отдельно для мужчин и женщин фиксировался возраст членов семьи на данный год.

В данной публикации исключены графы о бывших на исповеди и причащавшихся. Особые сведения и указание возраста объединили со списком фамилий, также дан единый порядковый номер (но без крепостных дворовых). Для удобства поиска и использования сохранена общая структура и нумерация документа. Из таблицы исключена информация о крепостных более десятка пригородных деревень, исповедовавшихся в этом

храме. В первой половине XIX в. жители многих окрестных селений, в первую очередь небольших, были приписаны к городским церквям.

Далее в таблице представлен подворный список всех бывавших на службе в Спасском храме: духовных лиц с домочадцами, статских, военных, дворян, купцов, мещан, крестьян, дворовых, квартирантов, постояльцев. Публикуются сведения только за 1820 и 1830 гг. Обширный архив Спасской церкви Уфы требует специального труда и данную статью можно считать первым опытом подобного исследования.

Роспись прихожан Оренбургской Епархии Градоуфимской Спасской церкви, исповедовавшихся и причащавшихся в 1820 г.

№	Лица, бывшие на исповеди, возраст
	Духовные и их домашние
1	Священник Григорий Андреев, вдов, 58. У него дочь Прасковья, 19 Дьякон онаго священника сын Петр Несмелов, 26. Жена его Наталия Иоаннова, 22. У них дочь – Анна, 2
2	Дьякон Яков Иоанн Колмогорцев, 34. Жена его Афанасия Петрова, 31. У них дочери Наталья, 8, Евдокия, 3
3	Пономарь Андрей Никитин Виноградов, 24. Жена его Елизавета Егорова, 21. У них сын Николай, 3. Вдова дьяконица Мария Степанова, 38. У ней дочь Александра Васильева, 14
	Статские
4	Гражданский губернатор Матвей Андреев Навзоров, 43. Жена его Варвара Николаевна, 43
5	Вдова генеральша Елена Яковлева Шишадская, 63 У неё дочь Александра Петрова, 29
6	Обер-фордшмейстер [лесничий] князь Федор Васильев Мустафин, вдов, 43. У него сын Александр, 12; дочь Надежда 11
7	Коллежский советник Евграф Леонидович Благушин, вдов, 51. У него дочь Варвара, 14
8	Коллежский советник Петр Степан Евтюгин, 52. Жена его Анна Ефимова, 51. У них сын Губернский регистратор Павел, холост, 22
9	Надворный советник Иоанн Егорович Жилин, 64. Жена его Ирина Алексеева, 48
10	Надворный советник Михаил Степанов Угличинов, 44. Жена его Прасковья Васильевна. У них дети: Петр, 9, Наталья, 8, Любовь, 7, Дмитрий, 2
11	Коллежский асессор Никита Андреевич Гриденко, 56. Жена его Мария Васильева, 46. У них дети: Александр 22, Марья, 14, Варвара, 13
12	Коллежский асессор Аким Игнатьев Быстринский, 64. Жена его Ульяна Агафонова, 52. У них дочь Пелагея, 26, Александра, 24, Агрипина 13. Их же губернский регистратор Андрей, 21
13	Титулярный советник Петр Эраст Калмацкий [возраст не указан]. Жена его Анна Петрова. У них дети: сын Константин
14	Титулярный советник Степан Александрович Сплендаринский, 39. Жена его Елисавета Васильева, 34. У них дети: Михаил, 13, Агриппина, 15,

	Александра, 12, Ольга 11, Мария, 4, Александра 6, Петр 3. У Елизаветы сестра девица Ольга Васильева Попова, 24
15	Титулярный советник Никита Федоров Мысовцев, 55. Жена его Ксения Сидорова, 55
16	Титулярный советник Николай Ильин Протопопов, 59. Жена его Матрена Михайлова, 54. Внука регистратора дочь Елена Николаева, 4
17	Титулярный советник Филипп Иоанн Земляницын, 34. Жена его Авдотья Федорова, 31. У них сын Михаил, 6
18	Титулярный советник Фома Семенов Вершков, 45. Жена его Феодора Иоанова, 47. У них дети: Николай 11, Пелагея, 12
19	Титулярный советник Николай Федорович Ангурашев, 52. Жена его Афимия Петрова, 50. У них сын губернский регистратор Василий, 18; дочь Пелагея 14
20	Коллежский секретарь Иоанн Иоаннов Ляхович, 46. Жена его Матрена Васильева, 46. У них дети: Василий, 16, Пелагея, 22, Татьяна, 18, Агриппина 14, Петр 9
21	Коллежский секретарь Петр Степанов Воронов, 35. Жена его Мария Федорова, 30. Теща его, вдова Мария Васильева, мещанка, 55
22	Титулярный советник Петр Васильев Марков, 31. Жена его Капитолина Николаева, 24. У них сын Николай, 5, сын Александр, 4
23	Губернский секретарь Михаил Григорьев Привалов, 53, жена его Меланья Леонидова Привалова, 53. У них дочь Акилина, 16
24	Титулярный советник Петр Михайлов Протопопов, 55. Катерина Степанова Протопопова, 52. У них сын титулярный советник Василий, 34, Жена его Елена Степанова, 24. У них дочь Александра, 6, дочь Анна, 3
25	Губернская секретарша Антонина Михайлова Шергина, 56. У неё сын губернский регистратор Владимир, 16. Зять ее губернский регистратор Иван Дмитриев Артемьев, 26. Жена его Анна Петрова, 24. У них дочь Анна, 6. дочь Раиса, 3. У них внучка, секретаршия дочь Любовь Павлова, 11. Титулярная советница Анна Васильева Шильникова, 42
26	Вдова титулярная советница Ирина Осиповна Иванова, 61. У ней сын коллежский секретарь Дмитрий Алексеев, 34. Жена его Пелагея Васильева, 18. Вдова секретарша Федосья Петрова Шешминцева, 47.
27	Вдова титулярная советница Наталья Федоровна Шепкина, 42. Сын его Андрей Игнатьев, 19. Сестра её вдова капитанша Мария Федорова Нафанова, 36. У неё дети Нафанаила, 36. У неё дети Алексей, 11, Василий, 8, Пелагея, 13, Петровы
28	Вдова коллежского коллежского секретаря Матрена Андреевна Сипайлова, 44. Племянница ее девица секретаршия дочь Александра Васильева, 19
29	Вдова коллежская секретарша Наталия Васильева Ульянова, 55. У неё сын губернский секретарь Николай Васильев, холост, 28. Сын коллежский секретарь Александр Васильев, 30. Жена его Ксения Александрова, 22. У неё сын за коллежского секретаря Иван Савельев сын Савельев, 39. Жена его Татьяна Васильева, 34. У них дочь Татьяна Васильева, 34. У них дочь Александра 13, дочь Надежда, 12
30	Вдова губернская секретарша Ирина Михайловна Попова, 50. У ней сын коллежский секретарь Иван, 25. Жена его Ольга Михайлова. Сын губернский регистратор Александр, холост, 20. Дочь Мария Григорьева, 18. Зять их коллежский регистратор Василий Степанов Стогорода,

	28. Жена его Анна Григорьева, 29
31	Вдова регистраторша Авдотья Александрова Дьякова, 50. У нее сын канцелярист Петр Дмитриев, 20 Жена его Анна Семенова, 20. У нее сестра Васса, 10. Унтер-офицерша Ирина Григорьева Кузмина, 56
	Отставные и служилые штабс и обер-офицеры и солдаты
32	Полицмейстер капитан Сергей Степанов Сергеев, 42. Жена его Устинья Елисеева, 39. Племянник и губернский регистратор Иван Гаврилов Погостин, 19
33	Поручик Петр Иванов Калинин, холост, 54. Сестра его девица Федора Никитина 49. Воспитанница их девица Степанида Петрова, 19
34	Прапорщик Алексей Степанов, 54 (помер). Жена его Дарья Кириллова, 52. У них дети: Андрей 15, Марья 21, Александра 19. Унтер-офицер Федор Иванов Христофоров, 56. Жена его Матрена Кондратьева, 35. у них дети: Татьяна 16, Петр 11, Пелагея, 7, Мария, 4
35	Унтер-офицер Михаил Григорьев Бранд, 53. Жена его Пелагея Афонасьева, 53. У них дети: Евгений, 21, Мария, 19, Василий 13, Степанида, 14, Наталия, 11, Варвара,11, Агрипина, 9, Анна, 6
36	Унтер-офицер Пантелей Григорьев Скрипкин, 46. Жена его Матрена Егорова, 35. Жена его Матрена Егорова, 35. У них дети Василий, 12, Наталья, 8, Димитрий, 5
37	Унтер-офицер Николай Ильин Киржацкой, 57. Жена его Авдотья Иванова, 46. У них дети: Семион, 16, Степан, 11, Агрипина, 10, Елизавета, 6, Павел Петров, 74. Жена его Дарья Петрова, 52
38	Иван Иванов Михайлов, 72. Жена его отставная прапорщица Афонасьева, 61. Племянница их, вдова дворянка Надежда Тимофеева Леманова, 34. У нее дочь Лукерья Федорова, 16
39	Панкратий Васильев Колосов, 63. Жена его Саламанида Родионова, 42. У них дочери Татиана, 16, Василиса 10
40	Яков Михайлов Каловский, 59 (помре). Жена его Фекла Львова, 47. У ней первого мужа сын регистратор Иван Евстафьевич Суханов, холост, 21
41	Семен Алексеев, 30. Жена его Прасковья Иванова, 54. У них дети: Николай, 14, Надежда, 16. Сын почтальон Александр, 28. Жена его Пелагея Тимофеева, 29. У них дочь Анна, 9, сын Василий, 3
42	Филипп Николаев Глазырин, 46. Жена его Ксения Михайлова, 44. Мать его вдова солдатка Авдотья Артемьева, 65. У ней дочь солдатка Пелагея Николаева Кузнецова, 40
43	Михайло Лукинов Нарбышев, 77. Жена его Авдотья Серафимова,66. У них дети Ефим, 27, Татьяна, 23, Николай, 15
44	Дмитрий Тимофеев Буслаева, 54. Жена его Прасковья Васильева, 39. У них сын коллежский регистратор Ефим, холост, 24. У них живет коллежский секретарь Павел Иванов Курочкин, 27. Осип Федорович Рыбкин, 43. Жена его Анна Васильева, 38. У них дети: Михаил, 16, Федор, 13, Татиана, 12, Константин, 8. У них мать вдова казачка Пелагея Никитова Обухова, 66
45	Иван Кузьмин Шутов, 36. Жена его Параскева Елистратова, 32. У них сын Михаил, 7, сын Василий, 4. Ивановой сестры девица Авдотья, 26. Вдова унтер-офицерша Афимия Кузьмина Круглова, 49. У ней дочь девица Авдотья Григорьева, 20. Вуко Борис Фомин, 45. Жена его Матрена Степанова, 37. У них дети. Первого мужа дочь Агафья, 11. Второго мужа – Иван, 10, Тимофей, 6, Филипп, 4

46	Иван Иванов Останков, вдов, 80. У него дочь, вдова солдатка Афимья, 54. Сын отставной почтальон Николай, 57. Жена его Афимья Иванова, 46. У них сын Александр, 19.
47	Василий Иванов, 63. Жена его Авдотья Григорьева, 46. Зять их врачебной управы письмоводитель Никифор Иванов Васильев, 32. Жена его Агрофена Васильева, 25. У них дочь Наталия, 3, дочь Евдокия, 2
48	Почтальон Иван Иванов Плеханов, 44. Жена его Наталья Иванова, 34. У них дети: Анна, 16, Пелагея, 13, Авдотья, 9, Марфа, 8. Также мать вдова солдатка Татьяна Степанова, 69
49	Уфимских козаков начальник Майор Василий Матфеев Ветошников, 52. Жена его Акилина Петрова, 57. У них дети: Мария, 26, Харитина, 19, Анна, 10, Алексей, 14, Димитрий, 15, Василий, 13. Нянька их вдова солдатка Афимья Петрова, 70
	Отставные и служащие казаки
50	Андрей Дмитриев Осминин, вдов, 66. У него дочь Васса, 26. Сын Василий, 9, дочь Авдотья, 10. Сын служащий казак Иван, 30. Жена его Татьяна Михайлова, 25. У нее дочь Татьяна
51	Петр Максимович Елистратов, 65. Жена его Дарья Прокофьева, 42. У ней от 1 мужа солдатский сын Степан Иванов – 9, Сноха их казачья жена Васса Александрова, 28. У ней сын Андрей, 9, дочь Татиана Васильева, 5
52	Петр Григорьев Быков, 59. Жена его Пелагея Егорова, 54. У них дочь Анна, 27. Сноха их есаулова вдова Лукерья Тимофеева Быкова, 60. У ней дочь Наталья, 20, сын Гаврила Андреев, 18
53	Иван Андреев Мальханов, 54. Жена его Дарья Васильева, 55. У них козаки: Иаков, 25. Жена его Степанида Васильева, 25. Федор, 21. Жена его Анна Родионова, 22
54	Николай Осипов Киржацкий, 43, Жена Татьяны Степанова, 41. У них дети Степан 19, Алексей, 16, Василий, 9, Прохор, 6
55	Василий Федоров Артемьев, 50. Жена его Параскева Степанова, 50. У них Ирина, 23, Василий, 10, Матрона, 5
56	Живущий в деревне Кодырметева Отставной казак Илья Афанасьев Башков, 58. Жена его Федосья Иванова, 46. У них дети: Надежда, 21, Михаил, 15, Василий, 10, Петр, 11, Марфа, 6, Хиония, 6, Анна, 5
57	Живущий в деревне Киржацковой отставной казак Андрей Лукинов Киржацкий, 35. Жена его Авдотья Афанасьева, 36. У них дети: Ефим, 12, Николай, 4, Михаил, 6, Марья, 3. Авдотьина мать вдова крестьянка Февронья Родионова Перминова, 65
58	Иван Степанов Герасимов, 41. Жена его Анна Дмитриева, 29. У них сын Елисей
59	Иван Исаков Петров, 38. Жена его Наталья Артемьева, 30. У него первой жены дочь Олимпиада, 7. Теща его вдова солдатка Агафья Осипова, 61
	Вдовы офицерские и солдатские жены
60	Майорща Варвара Андреева Мажерина, 34. пасынок ее Ювеналий, 16. Падчерица Надежда Игнатьева, 15, примак ее прапорщицы дочь девица Мария Петрова Каминская, 14
61	Капитанская дочь девица Мария Никитовна Юматова, 61. Племянница ее дворянская дочь девица Александра Николаевна Каловская, 40

62	Порутчица Анна Леонтьева Радионова, 43. У ней сын коллежский регистратор Андрей, 24. Сын коллежский секретарь Григорий, холост, 26. Дочь девица Мария Яковлева, 16
63	Поручица Ирина Федорова Шильникова, 67, дочь ее губернская регистраторша Марфа Артемьева Львова, 30. У ней сын Кожинов Василий, 15, дочь Иванова, 14. У Арины сестра вдова унтерофицерша Матрена Федорова Долбичева, 70
64	Прапорщица Васса Петрова Савинова, 58. У ней 1 мужа сын губернский регистратор Василий Петрович Глушков, 22; 2 мужа сын Иван Иванов Савин, 14, дочь Марфа, 13
65	Прапорщица Анна Федорова Колокольникова, 60. У ней дочери: Марья, 30. Лука Дементьев, 26
66	Дворянка Пелагея Афанасьева Смирнова, 53. У ней дети: Иван, 23, Елена, 21, Семен Петров, 20
67	Унтер-офицерша Васса Иванова Мартьянова, 64. Дочь ее вдова унтер-офицерша Мария Степана Желтова, 33. У ней сын Александр Федоров, 7. У них вдова унтер-офицерша Настасья Ивановна Захарова, 37
68	Унтер-офицерша Анна Иоанновна Лаврентьева, 40. У неё дети: Агафья, 19, Екатерина, 15, Пелагея, 12, Илья, 4. Зять её коллежский регистратор Алексей Иванов Мохнаткин, 39. Жена его Авдотья Иванова, 30. У них дочь Анисья, 11
69	Солдатка Прасковья Михайловна Кольцова, 69. Внук ее регистратор дворянин Константин Михайлов 13. Авдотья Кузьмина. У ней живет вдова почтальонша Авдотья Семенова Толстикова, 35. У ней дочь Агриппина Иванова, 10
70	Пелагея Петрова Сорокина, 40. У ней проживает вдова солдатка Татьяна Андреева Смирнова, 54. Отпущенница Дарья Филиппова Параскева Федорова Чалкина, 60. Зять ее жандарм Филипп Михайлов Холпин, 28. Жена его Вера Ивановна, 20
71	Ульяна Александрова, Кручинина, 75. Сноха ее вдова почтальона Ирина Онисимова, 44, У ней сыновья: Алексей, 14. Почтальон Григорий Александров. 20. Жена его Екатерина Матвеева, 20
72	Устинья Алексеев Полянцева 79. У ней сын, отставной унтер-офицер Димитрий Егоров, 49. Жена его Анна Карпова, 45, У них дети: Фекла, 26, Ефросинья, 15, Пелагея, 11. У Дмитрия брат отставной солдат Иван Егоров, Полянцов, 42. Жена его Екатерина Варфоломеевна, 3. У них дочь Татьяна, 13. У Екатерины сестра Ульяна, 20
73	Авдотья Григорьевна Збитнева, 54. У ней дочь Васса, 24, сын Егор Андреев, 18. Анна Ивановна Кузнецова, 86. Внуки ее дочери солдатки Екатерины Филипповой Алексеевой, 27. У ней дочь Мария Степанова, 8
74	Марфа Алексеевна Валанова, 50. У ней дочь Наталья Федорова, 18. …солдатка Васса Тимофеевна Балахонцева, 78, Матрена Ильина Казакова, 68
	Вдовы, казачьи жены
75	Федосья Степанова Горбунова, 70. У ней сын есаул Николай Петров, 44. Жена его Екатерина Андреева, 41. У них дети: Александр, 14, Анна, 4, Пелагея 11 Онисья Михайлова Тарабарскова, 56. У ней сын казак Иван Иванов, 23. Жена его Анна Андреева, 21
76	Агафья Иванова Попова, 47. У неё сын Александр, 18. Сын казак Михаил Иванов, 23. Жена его Марья Николаева, 23. Елена Федоровна Осминина,

	52. У ней дочь Лукерья Егорова, 14
77	Настасья Петрова Тарабарскова, 73. У ней сын казак Григорий Иванов, холост, 35. У Настасьи дочь вдова солдатка Анна Иванова Чапурина, 46. У ней сын Степан Григорьев, 15. Агафья Александра Осминина, 53. У ней дочь Авдотья Димитриева, 20
78	Екатерина Дмитриева Киржацкая, 66. Снохи ее вдова казачка Екатерина Матвеева, 28. У ней сын Матвей, 6
79	Отставной солдат Илья Федоров Смирнов, 70. Жена его Ксения Димитриева, 60. У них дочь Татиана, 29
80	Марфа Димитриева Елистратова, 66. У ней дочь Елена, 40. Сын отставной казак Матфей Степанов, 35. Жена его Прокофья Максимова, 31. У них дети Алексей, 15. Степан, 11, Василий, 8, Козьма, 6
81	Фекла Евдокимова Колокольцева, 66. У ней сын Казак Андрей Степанов, 41. Жена его Фекла Потапова, 36. У них дети: Анна, 11, Евгений, 7, Пелагея, 6, Дарья 4. Параскева, 1
	Купцы и мещане
82	Купец Андрей Петров Шишковский холост, 37. Отпущенница его Пелагея Егорова, 34
83	Мещанин Степан Петров Серебряников, 54. Жена его Дарья Матвеева, 54. У них живут отставной солдат Даниил Ларионов, вдов, 83. Мещанский сын Петр Николаев Кадкин, холост, 20
84	Мещанин Михаил Степанов, 23. Жена его Федосья Лавреньева, 23. Мать их Парасковья Антонова, 45. У ней дочь Федосья Степанова, 20
85	Мещанин Леонтий Игнатьев Сурков, 61. Жена его Параскева Алексеева, 58. У них сын лекарский ученик Егоров, холост, 26. Живущий в деревне Кодырметовой мещанин новокрещен Даниил Кузьмин, 54. Жена его Устинья Тимофеева, 55. Вдова мещанская Фекла Андреева Дюкова, 61
	Разных господ дворовые люди
	<u>Гражданского губернатора Навзорова</u> Отпущенница вдова Екатерина Онисимова, 38. У ней дети: Марья, 12, сын Василий Павлов, 7. Николай Андреев, 45. Жена его Ульяна Федорова, 33. У них сын Алексей, 18. Ефим Филиппов, 24. Жена его Федора Кузьмина, 23. У них дочь Анна, 2. Терентий Акимов, 28. Жена его Наталья Елизарова, 28. У них дочь Екатерина, 4, Антон Семенов, 19. Женщина Васса Игнатьева, 58. У ней сын Тимофей, 16. Вольноотпущенница Татьяна Антонова, 39. Егор Петров, 47. Яков Никитин, 30. Михайло Панкратов, 25, Финоген Кузьмин, 24, Степан Иванов, 21, Иван Федоров, 18. Девки: Афимия Терентьева, 20, Оксиния Филиппова, 19. Анна Афанасьева, 20. Матрена Степанова, 14. Вдова Матрена Акимова, 35. Мальчики: Валерий Николаев, 11, Осип Александров. Солдатки: вдова Марина Иванова. У нее дочь Катерина, 5
	<u>Г-жи Шишацковой</u> Яков Акатьев, 63. Жена его Наталья Ипатовна, 58. У них дети: Евтисея, 26, Федосья, 20, сын Иван, 33. Жена его Ксения Алексеева, 28. У них дочь Анна, 9. Дочь Фаина, 3, Кондратий Федоров, холост, 28
	<u>Г. Мустафина</u> Матвей Васильев, 34. Никонор Фокин, 30, холост, Ларион Фокин, 28. Жена его Фекла Петрова, 21. Девка Авдотья Матвеева. Незаконнорожденная дочь ее Агафья, 22
	<u>Г-жа Благушина</u>

	Тарас Николаев, 48. Жена его Татьяна Корнилова, 48. Женщина Агафья Антонова, 23. Патчерица ее Марва Исаева, 3. Осип Семенов, 33. Жена его Ирина Никитина, 33. У них дочь Вера, 4. Ион Иванов, 28. Жена его Варвара Федоровна, 23. У них дочь Клавдия, 2. Девки: Варвара Иванова, 63, Зиновия Петрова, 20, Екатерина Сергеева, 16, Алимпиада Михайлова, 18, Надежда Васильева, 14, Степанида Петрова, 15
	Г. Жилина Иоанн Никитин, 45. Жена его Васса Иванова, 38. У него 1 жены дочери: Пелагея, 21, Параскева, 15, Настасья, 12. Вдова Степанида Иванова, 68. У них дочь, Анна, 19. Никита Матвеев, 53. Жена его Степанида Андреева, 41. У них сын Петр, 16. Петр Иванов, 31. Жена его Васса Никитина, 23. У них сын Яков, 5. Никифор Архипов, холост, 22. Вдова Анна Иоанова, 46. Девки: Ефросинья, Яковлева, 35, Авдотья Михайлова, 20, Матрена Демьянова, 18
	Г-на Евтюгина Афанасий Яковлев, 38. Жена его Прасковья Петрова, 21. Антон Яковлев, 36. Жена его Фекла Григорьева, 34. У них дети: Виссарион, 14, Яков, 6, Александр, 4. Пантелеймон Филиппов, холост, 27. Вдова Мария Клементьева, 60. У ней дочь Авдотья Кузьмина, 30. Незаконнорожденные дети: Марья, 6, Харитина, 8, Калистрат, 4. Девки. Надежда Александрова, 18, Дарья Григорьева, 36. Незаконнорожденные дети: Вера, 14, сын Вадим, 6. Аккилина Тимофеева, 40. У нее дочь Анна Ионанова, 20. Казачок мальчик Иоанн Васильев, 11
	Г. Михайлы Угличинина Евлампий Семенов, 49. Жена его Февронья Яковлева, 51. У них дети: Яким, 18, Ольга, 19, Параскева, 12. Вдова Ненила Димитриева, 30. Алексей Моисеев, 44. Жена его Агафья Константинова, 34. У них дети: Екатерина, 10, Наталья, 6. Вдова Федосья Петрова, 50. У ней дети: Данила, 16, Петр, 18, Агрофена, 20, Трофим Потапов, 28. Ларион Федотов, 28, холост. Никита Алексеев, 31. Жена его Елизавета Иванова, 21
	Г. Грыденковой Иван Иванов вдов, 74. Девки: Васса Григорьева, 63, Дарья Димитриева, 26. Анна Филиппова, 22, Анна Еремеева, 12. Мальчик Василий Афонасьев, 12. Мальчик Василий Наумов, 18. Сестра его Ульяна 14. Вдова Ненила Иванова, 43. Девка Алена Николаева, 16
	Г. Быстринсковой Герасим Степанов, 29. Жена его Анисья Митрофанова, 29. У них дочь Парасковья, 6. Девка Мавра Васильева, 41. Мальчик Павел Андреев 14
	Г. Никиты Мысовцева Вдова Акилина Ильина, 53. У ней незаконнорожденный сын Василий, 12
	Г. Сплендаринского Семен Сергеев, 54. Жена его Дарья Харитонова,29. У них дочь Парапскева, 4,сын Илья, 21. Жена его Авдотья Федорова, 18. Авраамий Савельев, 25. Жена его Февронья Семенова, 29. У них сын Андрей, 1. Аверкий Савельев, 27. Жена его Марья Андреева, 29. У них сын Петр. 6, сын Алексей,
	Г. Маркова Вдова Марьяна Гаврилова, 58. Девки: Акилина Спиридонова, 28. Незаконнорожденная дочь ее Мария, 5. Дарья Филиппова, 24. Евгений Ива-

	нов, холост, 23. Мальчик Терентий Иванов, 4. Девка Зинаида Иванова, 15
	Г. Протопопова Захар Леонтьев, 48. Жена его Мария Степанова, 47. Артамон Иванов, 40. Жена его Евфимия Потапова, 36. У них сын Иосиф, 7. Михайло Семенов, холост, 22. Лаврентий Иванов, 49. Жена его Марфа Ерофеева, 47. У них дети Николай, 21, Екатерина, 12, Дарья,7. Вдова Ульяна Иванова, 19. Дочь ее Елена Семенова, 19. Вдова Анна Андреева, 81. Вдова Анна Потапова, 37. У нее сестра Девка Авдотья, 28. Женка Ксения Афанасьева, 47. Епифан Гаврилов, 25. Жена его Ефросинья Васильева, 25. Девка Федосья Васильева, 20…
	Г. Привалова Сергей Михайлов вдов, 48. Сноха его Авдотья Яковлева, 27. У ней сын Василий Федоров, 5. Никита Григорьев, 43. Жена его Анна Григорьева, 40. У них сын Матфей, 20. Дочь Прасковья, 19. Семен Петров, 49. Жена его Екатерина Игнатьева, 40. У них дети: Марфа, 18, Степанида, 16, Павел 6, Пелагея, 3
	Г. Ивановой Федот Парфенов, 34. Жена его Марфа Осипова, 34. Иван Кузьмин, 30. Жена его Екатерина Александрова. 23. У них дочь Екатерина, 2. Егор Кузьмин, холост, 22. Вдова Татьяна Федорова, 32. Дочь ее Агафья, 14
	Г. Сипайловой Гурьян Лаврентьев, 32. Жена его Авдотья Ильина, 32. У них дети. Ефим, 6. Александра, 5. Девка Мария Евграфова, 16….
	Г. Ветошникова Илья Васильев, 41. Жена его Параскева Кузьмина, 34. У них сын Лаврентий, 5. У Ильи брат Павел, 20. Димитрий Васильев, холост. 16. Кузьма Егоров, 28. Жена его Федосья Абрамова, 26. Мальчик Гавриил Гаврилов, 18. Вдова Агрофена Клементьева, 64 Девки: Авдотья Егорова, 23, Марья Васильева, 21 Надежда Иванова, 20. Вдова Марфа Васильева, 46
	Г. Поповой Вдова Анастасия Игнатьева, 48. Дети ее: Ефим, 20, Андрей, 15, Марья, 21, Марья 16, Авдотья13, Епифан Кирьянов, 66. Жена его Домна Федорова, 51
	Г. Ульяновой Вдова Лукерья Никитина, 59. Девка Федосья Петрова, 14. Девка Дарья Иванова, 12. Вдова Параскева Денисова, 53
	Унтер-офицерша Иванова Девка Екатерина Егорова, 59
	Г. Матерковой Никита Андреев, холост, 16. Вдова Ксения Еремеева, 49. Дочь ее Надежда, 15. Евграф Николаев, холост, 21. Вдова Лукерья Егорова, 34. У ней сын Осип, 9. Девки: Анна Николаева, 16, Наталья Емельянова, 14. Софья Николаева, 15
	Г. Юматовой Вдова Прасковья Трифонова, 49. У ней дочь Марфа, 22, сын Михаил Михайлов, 24. Девка Анна Яковлева, 48
	Г. Шильниковой Девка Устинья Петрова, 34

	Прапорщицы Савиновой Девки: Марфа Филиппова, 43. Незаконнорожденные дети ее Акилина, 21, Андрей, 17
	Дворянки Смирновой Сергей Николаев, холост, 26. Девки Ирина Никитина, 16,Анна Федорова, 26, Незаконнорожденный сын ее Федор, 13
	Купца Андрея Шишкова Никита Михайлов, вдов, 59 У него дети: Кузьма, 32, Иван, 29, Петр, 23, Авдотья, 19. У Кузьмы жена Анна Епифанова, 29. Назар Сергеев, 39. Жена его Мавра Сысоева, 29. У них сын Егор, 2. Девка Парасковья Иванова, 34. Незаконнорожденная дочь ее, Дарья, 10
	Мещанин Серебренников Девка Авдотья Нилова, 36
	Г. Федосьи Калининой Герасим Дмитриев, 72. Жена его Параскева Артемьева, 69. Девка Анна Филиппова, 16

(НА РБ. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 70. Л. 244–256 об.)

Списки прихожан по Духовным росписям в 1830 г.

№	Лица, бывшие на исповеди, возраст
	Духовные и их домашние
1	Священник Иоанн Григорьев Несмелов, 41. Жена его Анна Яковлева, 35. Дети их: Виктор, 6 и Павел, 3 При нём находится его отец, бывший при сей церкви Священник Григорий Андреев вдовец, 67 Его же тесть бывший оренбургский Спасо-Преображенской Кичуевской крепости протоиерей Яков Сергеев Цервицкий, вдов, 69
2	Дьякон Николай Иоанов Татищев, 31. Жена его Мария Тимофеева, 26. Дети их: Евдокия, 4, Михаил, 2
3	Дьякон Георгий Трофимов Анцыфиров, 26. Жена его Стефанида Петрова, 24. Дети их: Анастасия, 4, Евдокия, 3, Наталья, 1
	Пономарь Яков Иосифов Гумилевский, 19
4	Вдова Священническая жена Елена Андреева Виноградова, 39. У неё дочь Надежда Львова, 4
5	Вдова Священническая жена Анна Алексеева Фрагранскова, 73. Дочь её: Вдова Священника жена Александра Ильина Панкратьева, 44. Дети её Александра, 16, Татьяна Сидоровы, 14
	Статские
1	Оренбургский Гражданский Губернатор и Кавалер Иосиф Львов Дебу, 55. Жена его Софья Андреева, 40 *(католик и лютеранка)* У них живет капитанская дочь девица Мария Ильина, 33
2	Оренбургский Гражданский Вице-губернатор коллежский советник Порфирий Васильев Безобразов, 41. Жена его Елизавета Алексеева, 26. Дети их: Василий, 4, Алексей, 2. Тёща его вдова порутчица Анна Васильева Арбузова, 61
3	Статский Советник Александр Алексеев Коренев, вдовец, 51. У него дочь штаб капитанская жена Магдалина Александрова Бедрина, 27. У ней дочь Екатерина Михайлова, 7
4	Оренбургской уголовной палаты председатель статский Советник Иван Степанов Лаврентьев, 44. Жена его Екатерина Григорьева, 32. Дети их: Григорий, 13, Илиодор, 2, Екатерина, 6 и Александр, 1
5	Коллежский советник Фёдор Андреев Тиханов, 49 *(в СПб-ге)* Жена его Елизавета Яковлева, 45. Дети их: Наталья, 25, Мария, 24, Александра, 20 и Надежда, 11. Коллежский Советник Аким Алексеев Шамонов, 50
6	Коллежский советник Акушер Филипп Григорьев Беляев, 50. Жена его Агриппина Сергеева, 41. Дети их: Мария, 21, Анна, 14, Параскева, 4 и Илья, 4
7	Штабс-лекарь коллежский ассесор Иоанн Григорьев Постников, 33. Жена его Елена Васильева, 31. Теща его вдова титулярная советница Евдокия Иоаннова Пушкалева, 55
8	Коллежский ассесор Андрей Андреев Чирков, 37. Мать его подпорудчица Екатерина Алексеева, 69
9	Вдова надворная советница Агриппина Иоаннова Угличинина, 46. Директор гимназии Семен Завьялов, 44.

	Жена его Анна Петрова, 26. Дети их: Михаил, 3, Григорий, ½, Елизавета, 6 и Александра, 8
10	Вдова прокурора Анна Серафимова Евтюгова, 67. Дочь – коллежская ассесорша Надежда Петрова Фомичева, 41. Сын ее Казанского университета студент Михаил Михайлов Ребелинский, 18
11	Вдова майорша Надежда Никитова Мальковскова, 36. Дети их Николай, 14 и Дмитрий, 5. При ней находится сестры Александра, 32 и Мария, 24 Никитины. Казенной палаты ассесор Дмитрий Васильев Гусельников, холост, 33. Счетной палаты титулярный секретарь Потапов, холост, 41
12	Вдова титулярная советница Праскева Васильева Угличинина. Угличинина? Дети ее Наталья, 18, Любовь, 14, Софья, 6, Димитрий, 11 и Василий, 6, Михайловы
13	Вдова титулярная советница Арина Иосифова, 81 Сын ее коллежский асессор и кавалер Дмитрий Алексеев, 44. Жена его Пелагея Васильева, 33
14	Вдова титулярная советница Анна Петровна Калмацкова, 57. Сын ее губернский регистратор Порфирий Петров, 18. Холост. Зять ее губернский секретарь Василий Петров Шергин, 23. Жена его Ольга Петрова. У них сын Александр, 4
15	Титулярный советник и кавалер Стефан Александров Сплендарицкий, 50. Жена его Любовь Антонова, 41. От первой жены дети: Александр, 16, Петр, 13, Мария, 17 и Анна, 14
16	Титулярный советник Егор Матвеев Филлипов, 26. Жена его Авдотья Васильева, 25. Их сын Аркадий, 1 ½
17	Титулярный советник Николай Федоров Ангурашев, 62. Жена его Ефимия Петрова, 60. У них сын губернский регистратор Василий, холост, 28. Дочь Пелагея Николаева, 24. При них находится сестра вдова секретарша Федосья Петрова Шешминцева, 58
18	Титулярный советник Семен Андреев Шемонин, холост, 38. Коллежский секретарь Василий Яковлев Еннадский, холост, 36
19	Титулярный советник Петр Степанов Воронов, 40. Жена его Мария Федорова, 35
20	Титулярный советник Петр Васильев Марков, 43. Жена его Капитолина Николаева, 33. Дети их: Николай, 16 и Александр, 15
21	Титулярный советник Николай Ильин Смородин, 47. Жена его Анна Алексеева, 49. Дочери их: Праскева, 19, Пелагея, 14, Марфа, 12. При них Алексеевой находятся сестры Анна, 23, Татиана, 21, Алексеевы. Вдова губернская секретарша Меланья Леонидова Привалова, 63
22	Вдова титулярного советника Анна Стефанова Протопопова, 44. Дети ее: губернский регистратор Василий, холост, 18, Дмитрий, 12 и Сергей, 11
23	Вдова титулярная советница Елена Петрова Горбунова, 37. Дети ее: Константин, 12, Михаил, 8, Александра, 16 и Елена, 9, Тимофееевы
24	Вдова титулярная советница Наталия Стефанова Либина, 54. Сын ее коллежский регистратор Федор Иоанов, холост, 30

25	Вдова титулярная советница Мария Михайловна Шпекина, 40. Дети ее коллежский регистратор Алексей, 22 и Александр, 11, Петровичи, холосты
26	Коллежский секретарь Иван Павлов Смирнов, 45. Жена его Пелагея Петровна, 40
27	Губернский регистратор Андрей Никитин Виноградов, 30. Жена его Прасковья Леонтьева, 22. От его первой жены сын, Николай, 10. Сын Александр, 2
	Военные Отставные и служилые штабс и обер-офицеры и солдаты
28	Полковник Илья Иоакимов Жмакин, 48, холост
29	Уфимский полицмейстер князь Василий Михайлов Малахов, 38. Жена его Татиана Иоаннова, 29. Дети их: Михаил, 8, Николай, 5, Александр, 3
30	Унтер-офицер Михаил Андреев Кузьмин, 85 Жена его Стефанида Семенова, 60. У неё первого мужа дочь – Татьяна Михайлова, 26 лет. В том же доме вдова – солдатка Агапия Федорова, 61
31	Унтер-офицер Василий Михайлов Лебедев, 82. Жена его Евдокия Егорова, 71
32	Унтер-офицер Дмитрий Тимофеев Буслаев, 67. Жена его Параскева Егорова, 40. Сын их – коллежский регистратор Ефим Иванов, 34, жена его Евфимия Абрамова, 25. Дети их: Анна, 3, Татиана, 2
33	Межевой солдат Иоанн Тиханов, 68. Жена его Анна Никитова, 38, дети их: Марфа, 18, Георгий, 14, Гавриил ,11, Андрей , 4
34	Солдатский малолеток Иоанн Павлов, 32 Жена его Парасковья Андреева , 29 Отставной солдат Алексей Леонтьев, 61, вдов
35	Отставной унтер-офицер Леонид Иванов, 54. Жена его Пелагея Павлова, 34. У них дети: Анна, 5, Наталия, 3. Теща его и вдова солдатская Дарья Петрова, 72
36	Солдатский малолеток Савелий Васильев Барминцов, 71. Жена его Анастасия Гаврилова, 52 У них дети: Елизавета, 14; Андрей -18 Сын почтальона Александр, 28. Жена его Дарья Данилова, 26. У них дочь – Анна, 2
37	Почтальон Александр Семенов Алексеев, 38. Жена его – Пелагея Тимофеева, 39. У них сын Василий, 13. Александрова мать – вдова солдатка Параскева Иванова, 64. Зять малолетка Барминцевой межевой конторы копиист Сергей Исаков, 28. Жена его Мария Савельева, 25. У них сын Александр, 4
	Отставные и служащие казаки
38	Сотник Алексей Ильин Алабуженинов, 32. Жена его Екатерина Савельева, 29. Вдова есаульша Катерина Андреева Горбунова, 51. Дети ее: Есаул Александр, холост, 23 лет (в Москве), Петр, 13. Дочери: Пелагея, 21, Анна, 14, Евдокия, 10, Николаевы
39	Андрей Дмитриев Осминин, вдов, 46.

	У него дети Василий, 19, Евдокия, 20. Его же первой жены дочь Васса, 36. Сноха их вдова казачья Фекла Михайлова, 35. У неё дочери: Прасковья, 10, Пелагея, 5, Ивановы
40	Василий Федоров Артемьев, 60. Жена его Параскева Стефанова. У них дочь Матрена, 15, сын Василий, 20
41	Андрей Стефанов Колокольцов, 50. Жена его Фекла Потапьева, 46. Дети их: Прокопий 4, Евгения 17, Пелагея 16, Дарья 14, Прасковья 11
42	Григорий Антонов Колокольцов, 55. Жена его Мария Андреева, 55. У его первой жены дочь Прасковья, 22, Мария, 14
43	Василий Михайлов Теплов, 23. Жена его Анна Иоаннова, 19
	Вдовы штабс и обер-офицерские и солдатские жены
44	Генеральская дочь Александра Петрова Шишадскова, 39 Прапорщица Васса Петрова Савинова, 69
45	Прапорщица Анна Федорова Ногаткинова, 40. У неё дочери: Мария, 40, Лукерья, 36. Сын коллежский регистратор Иоаким Дементьевы, 33
46	Дворянка вдова Надежда Тимофеева Ломанова, 45 Зять ее канцелярист Павел Федоров Сапожников, 31. Жена его Лукерья Федорова, 25. У них сын Петр, 2. Прапорщицкие дочери Татиана, 28 и Евдокия, 25 Константиновы Уржумцевы. Унтер-офицерская жена Софья Алексеева Чухонкова, 60. Солдатка Ефимия Григорьева Фокина, 46. Татьяна Ефимова Шаталова, 40. У ней сын Стефан Иоаковлев, 16
47	Прасковья Андреевна Фомина, 86. Дочь ее вдова унтер-офицерская жена Ксения Андреева Безобразова, 43. У нее дети Тимофей, 15, Яков, 14, Стефан, 11, Параскева, 10, Александра, 4 Васильевы
48	Вдова унтер-офицерская Анна Павлова Лаврентьева, 45. Дети ее Агафья, 28, Стефанида, 23, Пелагея, 20, Илья, 12, Ивановы Ксения Демьянова Первушина, 87. Дочь ее Алена Леонтьева, 33, незаконнорожденная дочь Екатерина, 4.
49	Вдова солдатка Матрена Филиппова Петрова, 46. Солдатка Татьяна Яковлева Луганова, 59. Сноха ее вдова почтмейстерша Ирина Осипова Кручинина, 53. Сын ее в почтовой конторе канцелярист Алексей Александров, 24. Жена его Мария, 24. Племянник её почтальонский сын, Иоанн Григорьев, 9
50	Татьяна Павлова Тютина, 54. Зять ее уфимский мещанин Василий Стефанов Попов, 31. Жена его Ефимия Яковлева, 23. У них дочь Наталия, 8.
51	Вдова почтальонша Евдокия Егорова Толстикова, 45. Дети ее: губернский секретарь Василий Васильев Найденов, 29. Жена его Агрипина Иванова, 20. Племянник - почтовой конторы канцелярист Михаил Кузьмина Кащеев, 23, холост. Солдатка Прасковья Федорова Чалкина, 43. Солдатка Катерина Яковлева Колесникова, 64. Вдова казачка Ефимия Григорьева Капикова, 37
	Уфимские купцы и мещане
52	Алексей Петров Шишковский, 55. Жена его Евгения Михайлова, 38.

	Дети их Петр, 14, Александр, 14, Анна, 4
53	Петр Петров Шишковский, 49. Жена его Анастасия Егорова, 23. У его первой жены сын Михаил, 9, дочь Анна, 4
54	Стефан Петров Серебренников, 59. Жена его Дарья Матфеева, 54
55	Афанасий Михайлов Каткин, 49. Жена его Дарья Петрова, 48. У них сын Илья, холост, 22. Дочери Александра, 12, Степанида, 6. Племянница ее мещанская дочь девица Татьяна Васильева, 15
56	Петр Васильев Ветошников, 54. Жена его Варвара Тиханова, 43. Зять их коллежский секретарь Сергей Григорьев Пироговский, 26. Жена его Александра Петрова, 23. Георгий Иоаннов Тимофеев, 56. Жена его Агриппина Михайлова, 30. У них дети: Дарья,10; Екатерина, 16; Василий, 12
57	Петр Алексеева Коровин, 74. Жена его Васса Андреева, 79. Сын их Алексей Петров, 34. Жена его Наталия. Дети их Евдокия, 14, Александра, 8, Михаил, 12, Иоанн, 6, Василий, 3
58	Иоанн Иоаннов Чажевицин *(Чеговицин),* 51. Жена его Стефанида Меркурьева, 44. Дети их Александр 14, дочери Пелагея, 23, Екатерина, 22
59	Иаков Андреев Нестеров, 36. Жена его Анна Михайлова, 32. У них дети Александр, 14; Василий, 12; Иоанн, 6; Мария, 10
60	Федор Федотов Смирнов, 41. Жена его Ольга Васильева, 22. Дети: Александра, 2, Николай, 1. Мать его вдова Евдокия Михайлова, 64, дочь вдова Мария Федотова, 36, сын их Василий Егоров, 11
61	Отпущенник Михайла Антонов Дуров, 39. Жена его Фекла Алексеева, 32. Дети их: Илья, 9; Николай – 5, Александр, 3. Мать его Агапия Власьева, 50.
62	Иаков Николаев Попов, 48. Жена его Фекла: Ильина, 46. Дети их: Пелагея, 18, Евдокия, 19, Михаил, 11, Надежда, 4, Павел, 2.
63	Вдова Ефимия Михайлова Попова, 50. Сын ее Михайло Прокофьев, 24. Жена его Анна Дмитриева, 26. У них сын Николай, дочь Юлия, 4. Вдова Вера Иванова Глазырина, 58
64	Вдова Евдокия Алексеева Котельникова, 93 Сын её Иоанн Васильев, 61. Жена его Пелагея Николаева, 44. Сноха их, вдова Стефанида Павлова, 22.
65	Петр Андреев Каткин, 33. Жена его Прасковья Иоаннова,26. У них дочери Прасковья, 5, Александра, 4
66	Вдова Ирина Нефедова Красильникова, 31. Дети её Иоанн, 23, Евдокия, 21, Алексей, 15, Иоанн, 03, Максимовы Вдова Домна Тимофеева Полякова, 74, солдатка. Вдова Мария Васильева Анисимова, 61.
Разных господ дворовые люди	
	Господина генерал-майора Иосифа Львова Дебу Дмитрий Абрамов, 36. Жена его Евдокия Лукьянова, 31. Павел Иванов, 54. Жена его Татиана Тимофеева, 26. У нее первой жены сын Алексей, 29. От второй жены дочь Стефанида, 3, сын Александр, 2. Василий Петров, 36. Жена его Арина Иоанова, 26. У них дочери: Александра, 11, Екатерина, 8. Василий Абрамов, 32. Иоанн Дементьев, 26. Василий Иоаннов, 25. Сергей Федоров, 18, холост.

	Вдова Дарья Михайлова, 44. У ней дети: Сергей, 13; Константин, 9, Михаил, 5, Иаков, 2
	Господина вице-губернатора Безобразова Апполон Ферапонтов, 35. Жена его Домна Кириллова, 28. Михаил Евстафьев. 34. Жена его Пелагея Андреевна, 27. Иван Дежнев 28. Никита Евдокимов, 19. Федор Емельянов, 24. Афанасий Стефанов, 28. Афанасий Кантюков, 34. Яков Федоров, 31. Иаков Михайлов, 13. Трофим Васильев, 16. Девка Катерина Григорьева, 18. Девки Акилина Игнатьева, 16, Варвара Карпова, 24. Вдова Елизавета Егорова. 26. Вдова Наталья Егорова, 36.
	Господина Коренева Михаил Федорович Пузанов, 36. Жена его Феодосия Матвеева, 26. Дети их: Александр, 12, Алексей, 8, Наталия, 7. Трофим Петров, 31. Жена его Ирина Тарасова, 30. Дети их Огафья, 8, Онисья, 7. Никита Филипов Волуев, 51. Жена его Стефанида Петрова, 31. У его первой жены дети: Андрей, 23, Давыд, 22. Денис Васильев Лунев, 28. Жена его Стефанида Алексеева, 46. У ней первого мужа дети: Тимофей, 21, Иаков, 11, Петр, 24 Евфросинья, 23. Павел Федоров Пачушкин, 31. Емельян Александров, холост, 23. Девка Авдотья Семенова, 20.
	Господина Лаврентьева Иван Егоров Капустин, 49. Жена его Ирина Никифорова, 43. Дочь их Мария, 21. Петр Никифоров Карташов, 24. Андрей Иаковлев, 22. Вдова Федосья Семенова, 49. Никифор Кузьмин, 32. Жена его Пелагея Кондратьева, 34. У них дочери: Мария, 8, Федора, 2. Ефим Кондрашов, 24. Антип Яковлев, 20. Девка, Лариса Иванова, 18
	Господина Тиханова Иван Федоров, 41. Жена его Агриппина Авдеева, 66. Ильи Ефимов,48. Жена его Агапия Григорьева, 38 Дети их Николай, 20, Федор, 15, Василий, 3
	Господина Беляева Кузьма Афанасьева, 53. Жена его Устинья Васильева, 45. Дети их Павел, 24. Михаил, 22. Петр, 14. Ефим Никитин, 55. Жена его Февронья Спиридонова, 54. Иван Ефимов, 42. Жена его Татьяна Филиппова, 40. Дети их: Максим, 14, Прасковья, 19, Надежда, 12, Анна 8, Ксения, 5. Девки Пелагея, 41, Анфиса Николаева, 31. У ней незаконного рождения дочь Александра Петрова, 8. Надежда Агеева, 24, Стефанида Никитина, 43. Незаконно рожденный сын её Иван Васильев, 10. Петр Ефимов, 31, холост
	Штабс-лекарь Постников Кузьма Федотов, 23, холост. Девки Татьяна Иванова, 26. Ефросинья Лаврентьева, 25. Елена Никитина, 11

	Госпожи Чирковой Георгий Семенов, 43. Жена его Евфимия Маркова,33. У них дочь Саламанида, 5. Тарас Семенов, 31. Жена его Евдокия Гаврилова, 31. Александр Семенов, холост, 20. Матфей Сергеев, 13. Девка Варвара Григорьева, 16
	Госпожи Агрипины Угличининой Георгий Исаков, вдов, 43. Дочь его Анна, 22. Незаконнорожденный сын ее Фома Антонов, 3. Александр Кондратьев, 34. Жена его Прасковья Петрова, 34. Дети их Михаил, 9, Матрена, 4, Агрипина, 3 Потап Федоров, холост, 24.
	Господина Шаетова Гурьян Лаврентьев, 44. Жена его Авдотья Ильина, 44. Дети их Ефим, 16; Александра, 15, Мария, 11. Агриппина, 6. Захар Игнатьев, 31. Жена его Матрена Трофимова, 32. Дети их Егор, 11, Василий, 6, дочь Александра, 8. Макарий Ефимов, холост, 30. Девка Матрена, 21. У ней незаконнорожденные дети: Александр, 3, Порфирий, 1, Екатерина, 4. Девки Евгения Михайлова, 16, Малания Иоанова, 15.
	Господина директора Завьялова Вдова Васса Петрова, 50. Дети ее, Дарья, 20, Евдокия, 15; вдова Надежда Спиридонова
	Госпожа Евтюхова Афонасий Яковлев, 48. Жена его Прасковья Петрова, 31. Дети их: Ольга, 14, Донат, 8, Татьяна, 5. Антон Савельев, 48. Жена его Стефанида Гордеева, 46. У неё первого мужа сын Иоанн, 19 холост. У них от второго брака дети Пелагея, 16, Екатерина, 14, Александра, 11,Татиана, 10, Петр, 6. Константин Макаров, 33. Жена его Анна Александрова, 24. Иван Яковлев, 29. Жена его Елена Никанорова, 25. Севериан Федоров, 32; Петр Васильев, 24; Николай Иоаннов, 25, Акинф Васильев, 28. Вдова Агафья Тихоновна, 54. Девки Ирина Васильева, 85, Авдотья Петрова, 12, Раиса Артамонова, 14, Алевтина Алексеева, 12. Брат Михаил Алексеев, 16. Андрей Лукьянов, холост, 24. Покойной госпожи отпущенница Авдотья Кузьмина, 40. Незаконнорожденные ее дети Мария, 16, Калистрат, 14, Афонасьевы.
	Госпожи Мальковской Илья Афонасьев, холост, 34. Федор Миронов, 38. Жена его Фекла Дорофеева, 34. Сын их Андрей, 14. Вдова Агриппина Иоаннова, 44. Сын её: Сергей, 20, дочь её Мария, 14, Федоровы. Вдова Елена Кириллова, 43. Дети её: Федор 12, Матфей, 7, Стефан, 5, Федоровы. Девка Екатерина Михайлова, 25.
	Госпожи Ивановой Федот Парфенов, 44. Жена его Мария Егорова, 41. Иван Кузмин, 40. Жена его Екатерина Александрова, 33. Дети их Варвара,12; Евдокия, 4, Василий, 9.

	Егор Кузьмин, холост, 32. Девка Агапия Парфенова, 24. Вдова Татьяна Федорова, 62
	Госпожа Филиппова Никита Михеев, 53. Жена его Вера Иванова, 44. У них сын Василий, 6, дочь Анна, 12
	Господина Сплендаринского Николай Ильин, 35; жена его Ирина Ефимова, 38. У них дети: Елена, 14, Анна, 13. Семен Сергеев, 54. Жена его Дарья Афонасьева, 39. Дети их Даниил, 9, Праскева, 14, Наталия, 12, Марина, 4. Авраам Савельев, 34. Жена его Февронья Осипова, 33. Дети их: Андрей, 10, Евдокия, 8. Вдова Мария Андреева, 34. У неё дети: Петр, 14, Олексей, 13, Павел, 6, Надежда, 10 Вдова Авдотья Степанова, 79. Второй жены его люди Иван, 44, Николай, 20, Евдокия, 40, Анна, 4.
	Господина Воронова Андрей Стефанов, 40, холост. Иван Васильев, 24. Жена его Прасковья Гаврилов, 16. девки Екатерина Антонова, 38, Ирина Никифорова, 9,5, Соламанида Тимофеева, 53. Незаконного рождения дочь ее Анна Иванова, 28.
	Господина Маркова Александр Герасимов, 45. Жена его Дарья Иванова, 40. Дочь их Лариса, 15. Спиридон Никифоров, 19, Терентий Иванов, 14. Девки: Дарья Филиппова, 34, Анисья Спиридонова, 39. Незаконнорожденные дети её: Мария, 15, Варвара, 9
	Господина Петра Протопопова Михаил Семенов, 24. Жена его Варвара Иванова, 19. Матвей Петров, 26. Жена его Екатерина Семенова, 23. Матфей Федоров, 25. Иван Кириллов, 22, холост. Девки: Федосья Васильева, 29, Елена Семенова, 28, Дарья Ларионова, 16. Вдова Ксения Афонасьева, 54. Дети её Феодосий, 8, Иаков, 5, Егоровы. Вдова Ульяна Иванова, 46
	Госпожи Приваловой Иван Григорьев, 53. Жена его Анна Григорьева, 53 У них сын Матфей, 30, холост Семен Петров, 59. Жена его Екатерина Иванова, 49. Дети их: Стефанида, 20, Пелагея 13, Павел, 16.
	Госпожи Анны Протопоповой Савин Григорьев, 28. Жена его Татьяна Петрова, 28. Дети их: Прасковья, 6; Григорий, 5 Федор Алексеев, 44. Жена его Прасковья Николаева, 39. Дочь их Татьяна, 20. Девка Акулина Феодорова, 33
	Госпожи Либиной Роман Николаев, 28. Жена его Анфиса Алексеева, 25. Вдова Лукерья Николаева, 56. Девка Ксения Родионова, 91.

	Родион Павлов, 21, холост
	Госпожи Шпекиной Вдова Прасковья Карпова, 68. Девка Екатерина Емельянова, 37. Незаконнорожденный сын ее Яков Прохоров, 5. Василий Алексеев, 25, холост
	Госпожи Ахмаметьева Яков Родионов, 62. Жена его Мавра Герасимова, 47. Дочь их Ирина, 14. Емельян Семенов, 29. Жена его Ольга Семенова, 28. Родион Ульянов, 39. Иван Сергеев, 24. Дмитрий Еремеев, 38. Федор Семенов, 16. Девицы: Февронья Демьянова, 24. Прасковья Филатова, 14. Филипп Николаев, 22
	В доме Демидова Тимофей Епифанов, 56. Жена его Анна Данилова, 56. Дети их Пелагея, 26, Мария Епифанова, 14. Сергей Михайлов, 35. Жена его Прасковья Алексеева, 34. Дети их: Евдокия, 11, Мирон, 9, Георгий, 5; Александра, 2. Вдова Авдотья Никифорова, 61. Вдова Домна Андреева, 35. Дочь ее Прасковья Андреева, 16. Лев Исааков, 35. Жена его Агрофена Ткачева, 41
	Господина Жмакина Отпущенница Прасковья Спиридонова, 48 Дочь ее Мария Федорова, 9. Федор Иванов, 36. Жена его Авдотья Емельянова, 31. Дочь Анна, 8. Евграф Петров, 41. Жена его Матрена Емельянова, 31. Николай, 22 Брат его Иван Федоров, 19 Девки Наталья Спиридонова, 26. Ирина Филипова, 26
	Генеральской дочери девицы Шишадсковой Вдова Ксения Алексеева, 38. Дети ее: Анна, 19, Фекла, 13, Ивановы. Кондратий Федоров, 38. Павел Димитриев, 15. Девки: Евфросинья, 36, Федосья Иаковлева, 30, Екатерина Кондратьева, 8
	Госпожи Прасковьи Угличининой Ларион Федоров, 32. Жена его Евфимия Фомина, 30. Дети их Анна, 9; Николай, 5. Никита Алексеев, 41. Жена его Елизавета Иванова, 31. У них дочь Татиана, 9; сын Егорий, 6. Трофим Потапов, 34. Жена его Екатерина Алексеева, 21. Вдова Федосья Петрова, 60. Вдова Неонила Дмитриева, 40, Даниил, 25. Брат его Петр, 21,Ивановы, Алексей, 20, Семеновы. Прасковья Николаева, 19. Агафья Иванова, 18. Федосья Трофимова, 12. Клавдия Алексеева, 12; брат её Трофим Алексеев, 10.

	Господина Сметанина Отпущенная на волю Анна Егорова, 36. Незаконно рожденные дети ее Андрей Васильев, 16, Павел Матфеев, 11, Григорий Виссарионов, 9. Девки: Дарья Григорьева, 31, Александра Григорьева Васильева, 20, Евгения Исакова, 14, Надежда Иванова, 5
	Господина Пироговского Василий Павлов, 31; Кирилл Константинов, 24, Александр Васильев, 15
	Господина Шемонина Алексей Козьмин, 25.
	Купца Алексея Шишковского Находившегося у него в работниках Федора Андреева Зыкова, 40. Жена его Анна Петрова, 34. У них дочь, Анна, 15; Хиония, 10 Иван Прокофьев, 35. Жена его Авдотья Васильева, 42 Дети у них: Матрена, 13, Константин, 4. Никита Александров, 24. Вдовы из дворян: мещанской жены Стефаниды Павловой Котельниковой девки Татьяна Кирилова, 34, Мария Никитина, 21 Покойной жены их дворян мещанской жены Шишковой Игнатий Ефимов, 26. Жены его Саламаниды Федоровой, 23. У них дочь Лидия, 6 Вдова Мария Ефимова, 46, у ней сын Виссарион, 6, дочь Дарья Стефанова, 9. Девка Ульяна Васильева, 32
	Итого: муж. 316, жен. 398 Из них исповедовавшихся и причащавшихся: муж. 128, жен. 254

(НА РБ. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–27 об.)

О.В. Чистяков

Уфимский губернский предводитель дворянства князь Александр Александрович Кугушев

Одной из ключевых фигур в губернском административном аппарате Российской империи являлись предводители дворянства, которые избирались местной дворянской корпорацией и утверждались самим императором. Губернский предводитель был фактически вторым должностным лицом в крае, непременным участником всех важнейших государственных управленческих структур. В ряде регионов случались даже конфликты между губернатором и губернским предводителем.

В отечественной историографии существует немалая литература, от списков предводителей[1] до специальных исследователей[2], в уфимской литературе первым обратил на них внимание В.А. Новиков, сам являвшийся предводителем[3]. Важная роль губернских предводителей признаётся в современных работах[4], но подробные биографические материалы ещё редко встречаются.

В значительной степени это обусловлено состоянием источников. Архивы дворянских собраний, как в Уфе, погибли, реконструировать биографию и карьеру предводителей приходится по косвенным материалам, справочникам, хозяйственной документации. При изучении экономики рода князей Кугушевых, М.И. Роднов исследовал поместье Александра Александровича Кугушева при селе Подлубове под Уфой, попутно установив общие сведения по биографии князя[5].

Но большинство губернских предводителей дворянства происходили из бывших военных и в фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранились их послужные списки. Этот новый и юридически достоверный источник позволяет предельно точно установить биографию и служебную карьеру губернских предводителей, включая упомянутого князя А.А. Кугушева, сыгравшего заметную роль в истории.

---

[1] См, напр.: *Милорадович, граф.* Списки губернских предводителей дворянств Российской империи 1785–1895. Чернигов, 1895.

[2] См.: *Прибыловская В.В., Клепикова Л.И.* Предводители дворянства Ярославской губернии от Екатерины II до 1917 года. Ярославль, 2015; др.

[3] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879.

[4] История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. I. Уфа, 2006. С. 93–94.

[5] *Роднов М.И.* Уфимские дворяне-помещики на закате Империи. 1900–1917 годы. Уфа, 2020. С. 121–134, приложение 1.

Будущий предводитель дворянства князь Александр Александрович Кугушев родился 1 марта 1862 г. в Уфе в семье крупного землевладельца князя губернского секретаря Александра Иововича (Иевлевича) Кугушева (1826–1906)[1]. Род Кугушевых происходил от мурзы Золотой Орды Кугуша, поступившего на службу к московским князьям в начале XVI в., и был неоднократными определениями Правительствующего Сената Российской империи подтверждён в достоинстве татарских князей. Несмотря на татарское происхождение Кугушевы исповедовали православие[2]. Кроме Александра в семье был ещё один сын – Вячеслав (1863–1944), впоследствии ставший революционером, членом Государственного совета Российской империи от Уфимского губернского земства и крупным советским служащим.

Александр Александрович окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию и 13 сентября 1881 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище[3]. 12 августа 1883 г. окончил училище, произведён в корнеты и получил назначение в 23-й драгунский Вознесенский Его Высочества Принца Александра Гессенского полк[4], дислоцировавшийся в Бессарабской губернии.

Военная служба князя А.А. Кугушева была недолгой. 11 апреля 1885 г. он был произведён в поручики со старшинством с 1 января 1885 г., 12 мая 1886 г. переведён в 54-й пехотный Минский полк, дислоцировавшийся в той же Бессарабской губернии, а 21 августа 1886 г. зачислен в запас армейской пехоты по Уфимской губернии.

После возвращения в Уфу Александр Александрович 13 июня 1892 г. распоряжением министра внутренних дел назначен земским начальником 6-го участка Чистопольского уезда Казанской губернии. 21 декабря 1891 г. на XII чрезвычайном Уфимском земском собрании Александр Александрович был избран почётным мировым судьёй Уфимского уезда на трёхлетие 1891–1893 гг., оставаясь при этом в должности земского начальника. 24 июня 1892 г. это избрание было утверждено Правительствующим Сенатом. Позднее князь ещё пять раз переизбирался мировым судьей в 1899, 1902, 1905, 1908 и 1911

---

[1] Матерью А.А. Кугушева являлась Юлия Егоровна, урождённая Шахурина (около 1832–1863), см.: *Рындин И.Ж.* О происхождении князей Кугушевых // Река времени. 2018. Уфа, 2018.

[2] *Васильевич С.* Титулованные роды Российской Империи. Т. 1. СПб., 1910. С. 44.

[3] Здесь и далее сведения о службе А.А. Кугушева приводятся по послужным спискам (РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4431. Л. 18–22; Ф. 409. П/с 308-421).

[4] Более этот полк известен под названием 8-й уланский Вознесенский.

гг. 29 декабря 1894 г. А.А. Кугушев был переведён на должность земского начальника 2-го участка Уфимского уезда Уфимской губернии.

В 1897 г. Александр Александрович решил полностью посвятить себя общественной деятельности и подал прошение об увольнении от должности по Министерству внутренних дел, которое было удовлетворено 29 сентября 1897 г. 20 февраля 1898 г. князь А.А. Кугушев на чрезвычайном Уфимском уездном собрании дворянства был избран уфимским уездным предводителем дворянства и 24 февраля того же года утверждён в этой должности уфимским губернатором Н.М. Богдановичем.

24 февраля 1899 г. скончался уфимский губернский предводитель дворянства коллежский советник А.С. Листовский[1] и Александр Александрович по предложению Н.М. Богдановича вступил в исправление должности уфимского губернского предводителя дворянства.

8 июня 1899 г. на чрезвычайном Уфимском губернском собрании дворянства князь А.А. Кугушев был избран первым кандидатом на должность уфимского губернского предводителя дворянства, а 24 июня 1899 г. утверждён в этой должности императором Николаем II.

В 1906 г., после смерти отца, Александр Александрович стал владельцем родового имения в Уфимском уезде, которое на 1915 г. составляло 4260 десятин земли.

Принимал участие князь и в благотворительной деятельности. 5 марта 1900 г. собранием Уфимского попечительного о бедных комитета он был избран председателем комитета, а 15 мая того же года утверждён в этой должности советом Императорского человеколюбивого общества. Впоследствии А.А. Кугушев ещё четыре раза переизбирался председателем комитета в 1901, 1905, 1907 и 1910 гг., а 16 января 1912 г. определением совета Императорского человеколюбивого общества был утверждён попечителем Уфимского попечительного о бедных комитета. Также 1 марта 1907 г. князь был назначен председателем Уфимского отделения попечительства для призрения слепых Ведомства учреждений императрицы Марии.

Большой вклад А.А. Кугушев внёс в развитие образования на уфимской земле. 24 июля 1899 г. князь был избран председателем попечительского совета Уфимского дворянского Новиковского пансиона благородных девиц, а 17 апреля 1912 г. «за оказанные особые заслуги в деле распространения народного образования через посредство церковных школ» Святейшим Прави-

[1] Уфимский некрополь. СПб., 2015. С. 13.

тельствующим Синодом утверждён почетным попечителем церковно-приходских школ Уфимского уезда.

В Российской империи лица, занимавшие выборные дворянские должности, как и государственные служащие, производились в гражданские чины и награждались орденами. 10 августа 1901 г. А.А. Кугушев был переименован из поручиков запаса в коллежские секретари (X класс Табели о рангах), а 22 мая 1902 г. произведён в коллежские асессоры (VIII класс) со старшинством с 23 октября 1896 г., «перепрыгнув» таким образом один ранг. 19 марта 1903 г. произошли перемены в службе князя по военному ведомству, он был уволен из запаса в отставку. По гражданской же службе Александр Александрович 2 июля 1905 г. был произведён в статские советники (V класс) со старшинством с 8 июля 1905 г., миновав уже два ранга. 13 апреля 1908 г. князь был пожалован высоким званием камергера Двора его императорского величества, а уже 10 ноября того же года произведён в действительные статские советники, что соответствовало генерал-майору в армии, с оставлением в звании камергера. Карьера складывалась успешно.

1 апреля 1901 г. князь был награждён орденом Святой Анны 2-й степени, 22 апреля 1907 г. орденом Святого Владимира 4-й степени, а 22 сентября 1906 г. орденом Святого Владимира 3-й степени «за усердно беспорочное прослужение по выборам дворянства узаконенных сроков». Последним орденом А.А. Кугушева стал Святой Станислав 1-й степени, полученный 29 марта 1909 г. «ко дню Святой Пасхи». 18 февраля 1913 г. Александр Александрович лично принёс «верноподданнические поздравления» императору Николаю II по случаю 300-летия царствования Дома Романовых, за что получил специально учрежденный для таких лиц нагрудный знак – редкую и почётную награду.

2 февраля 1914 г. А.А. Кугушев снова был «баллотирован» на должность уфимского губернского предводителя дворянства, но изъявил желание добровольно оставить службу по дворянству «желая заняться устройством личных расстроенных имущественных дел».

В сентябре 1914 г., после начала Первой мировой войны, Александр Александрович, «как получивший военное образование и бывший кавалерийский офицер», подал прошение об определении его в действующую армию на строевую или военно-административную должность[1]. 12 октября 1914 г. князь был зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа в чине действительного статского советника и звании камергера.

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4431. Л. 2–3.

18 октября 1914 г. князь был назначен в распоряжение временного военного генерал-губернатора Галиции, оккупированной русскими войсками, и 8 ноября убыл по назначению.

Тем временем, в начале января 1915 г. чрезвычайное Уфимское губернское собрание дворянства постановило привлечь бывшего предводителя к ответственности за растрату 148576 рублей 40 копеек дворянских сумм. 13 января о возбуждении дела было доложено императору Николаю II и он лишил князя А.А. Кугушева придворного звания камергера Двора его императорского величества[1].

9 февраля 1915 г. князь подал прошение о переводе его на строевую службу в Татарский конный полк Кавказской Туземной конной дивизии, более известной как Дикая дивизия[2].

26 февраля над князем Кугушевым по определению 1-го департамента Правительствующего Сената было назначено предварительное следствие по делу о растрате дворянских сумм[3].

Согласно закону, нахождение под следствием было сопряжено с временным устранением от любой государственной службы, но 30 марта 1915 г. А.А. Кугушев подал прошение министру внутренних дел Н.А. Маклакову с просьбой о «мощном содействии к устранению препятствий для определения на время военных действий на службу в рядах Действующей армии путем испрошения всемилостивейшего его императорского величества на то соизволение»[4].

2 апреля 1915 г. Н.А. Маклаков лично переслал прошение А.А. Кугушева военному министру генералу В.А. Сухомлинову. 4 апреля прошение было передано из канцелярии Военного министерства в Главный штаб, ведавший назначениями и перемещениями офицеров русской армии[5].

В докладной записке по Главному штабу от 22 апреля 1915 г. дежурный генерал Главного штаба А.П. Архангельский предложил ходатайство князя Кугушева «оставить без последствий», а начальник Главного штаба генерал Н.П. Михневич 23 апреля наложил резолюцию «Исполнить, как предложено»[6].

После отступления русских войск временное генерал-губернаторство Галиции было ликвидировано и Александр Александрович вернулся в Киев в штаб округа, где числился в резер-

---

[1] Там же. Л. 4–5
[2] Там же. Л. 2 об.
[3] Там же. Л. 1.
[4] Там же. Л. 2–3.
[5] Там же. Л. 1.
[6] Там же. Л. 4–5.

ве чинов.

Но просьба А.А. Кугушева всё же дошла до императора. 21 сентября 1915 г. Николаю II было доложено о ходатайстве князя и он повелел приостановить уголовное преследование Александра Александровича до окончания войны с разрешением князю поступить в действующую армию, о чем 1-й департамент Министерства юстиции сообщил прокурору Казанской судебной палаты и в Главный штаб[1].

12 октября 1915 г. князь А.А. Кугушев был Высочайшим приказом переименован в прежний чин поручика с зачислением по армейской пехоте, а 16 октября главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом Н.И. Ивановым направлен в 420-й пехотный Сердобский полк 105-й пехотной дивизии и 18 ноября убыл по назначению.

К сожалению, сведений о дальнейшей судьбе Александра Александровича немного. В августе 1916 г. он продолжал числиться в 420-м пехотном Сердобском полку, так как именно начальнику 105-й пехотной дивизии было послано сношение о установлении ему старшинства в чине поручика с 22 февраля 1914 г.[2]

В 1917 г. в Татарском конном полку числился поручик князь Кугушев, 9 мая 1917 г. произведённый в штабс-ротмистры[3]. Если вспомнить, что прошение о зачислении именно в этот полк подавал Александр Александрович в марте 1915 г., то вполне возможно именно он и являлся этим офицером. По сведениям, приведённым в базе данных «Участники белого движения в России», скончался князь А.А. Кугушев во время Гражданской войны в 1919 г.

Александр Александрович был женат на Екатерине Михайловне (урождённой Клементьевой), родившейся в 1862 г. и до замужества служившей гувернанткой. В годы Гражданской войны Екатерина Михайловна участвовала в Белом движении в составе Вооруженных сил Юга России, в конце 1919 – начале 1920 г. эвакуирована за границу и на май 1920 г. находилась в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Скончалась в 1931 г.[4]

В семье родилось двое детей: в 1895 г. – Юлия, а в 1897 г. – Александр[5]. О Юлии практически ничего неизвестно, кроме то-

---

[1] Там же. Л. 7.

[2] Там же. Л. 25 и об.

[3] Приказ по армии и флоту от 9 мая 1917 г.

[4] *Волков С.В.* Участники Белого движения в России. База данных // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf.

[5] Даты рождения детей приводятся по послужному списку отца (РГВИА. Ф.

го, что в замужестве она носила фамилию Алферьева и скончалась в 1967 г.[1] Князь Александр Александрович Кугушев-младший до 5 класса учился в Уфимской гимназии, а в 1913 г. был переведён в гимназию Карла Мая в Санкт-Петербурге, которую закончил с золотой медалью и поступил на инженерно-строительное отделение Петроградского политехнического института Императора Петра Великого[2].

В 1917 г. А.А. Кугушев-младший ушёл вольноопределяющимся на фронт, где был зачислен в Кавказскую туземную конную дивизию, в которой, возможно, тогда служил его отец. Произведён в прапорщики. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении в составе Вооруженных сил Юга России. Произведён в корнеты. До осени 1920 г. был эвакуирован за границу на пароходе «Самара». Проживал в Югославии, где окончил Загребский университет и женился на дочери профессора медицины этого университета М.Н. Лапинского (1862–1947) Анне Михайловне (1900–1989). В 1925 г. переехал во Францию[3]. Проживал в деревне Рурэ (коммуна Гра, департамент Приморские Альпы). Владел птицефабрикой, занимался разведением кур. Продукция фабрики А.А. Кугушева неоднократно удостаивалась наград на выставках. 13 июля 1935 г. покончил жизнь самоубийством дважды выстрелив себе в голову из револьвера. 28 июля был погребён на кладбище в Рурэ[4].

Один из ярких представителей известной уфимской дворянской семьи князей Кугушевых, предпоследний уфимский губернский предводитель дворянства действительный статский советник князь Александр Александрович Кугушев, несмотря на некоторые тёмные пятна в его биографии, занимая свою должность в течение 15 лет, несомненно достаточно сделал для развития Уфимского края и достоин своей доли памяти потомков.

---

400. Оп. 15. Д. 4431. Л. 22). По уточнённым данным, Юлия родилась в 1896, а Александр – в 1898 г. (*Роднов М.И.* Указ. соч. С. 122).

[1] *Волков С.В.* Указ. соч.

[2] http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1696.

[3] *Волков С.В.* Указ. соч.

[4] Незабытые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997 в шести томах / Составитель В.Н. Чуваков. М., 2001. Т. 3. И–К. С. 390.

Т.В. Тарасова

Ярославцы в рядах уфимского купечества

Одним из важных, но слабо изученных вопросов в истории российского купечества являются межрегиональные связи. Бизнес не знает границ, торговцы и промышленники поддерживают деловые контакты с партнёрами из других губерний за сотни и тысячи вёрст, включая заграницу. Часто результатом экономических связей становилось переселение предпринимателей в края, где они видели перспективы для своего дела.

Уфимские исследователи давно обращали внимание, что среди местного купечества XIX в. присутствовало много иногородних. Например, редактор местной газеты И.П. Сосфенов в 1846 г. отмечал, что в Белебей на ярмарку приезжают вязниковцы, уроженцы города Вязники Владимирской губернии, «в их руках, почти по всей [Оренбургской] губернии, торговля красными товарами. В каждом городе здешнего края найдёте вязниковца; разбогатевшие из них, заведя оседлость, принимают на себя звание туземных купцов»[1].

Изучение истории известной уфимской купеческой семьи Кондратьевых открыло их ярославские корни[2], а дальнейший поиск в архивах Уфы и Ярославля показал, что ярославцы составляли внушительную часть уфимского купечества и переселение их в Уфу началось ещё в дореформенный период[3].

Уже с конца XVIII в. крепостные крестьяне получили легальную возможность для торговли и даже устройства мануфактур. В России появилась особая группа торгующих крестьян, многие из которых разбогатели и стали миллионерами. Из их рядов вышли целые династии купцов, предпринимателей и меценатов (Морозовы, Елисеевы, Третьяковы, Мамонтовы и др.)[4].

В начале XIX в. ряд указов императора Александра I о праве покупки земли государственными крестьянами в личную собственность, об отпуске на волю помещиками крепостных (указ о

---

[1] *С-ф-ъ Ив.* Топографические и статистические записки, ведённые во время проезда из Уфы в город Стерлитамак и Белебей // Оренбургские губернские ведомости. 1846. 28 сентября.

[2] *Роднов М.И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа, 2020. С. 150–154 и др.

[3] Благодарю доцента кафедры Отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова кандидата исторических наук Нину Владимировну Обнорскую за помощь в подготовке статьи.

[4] См., напр.: 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост. О. Платонов. М., 1995; мн. др.

вольных хлебопашцах), о праве свободных крестьян записываться в другие сословия и др. в ещё большей степени открыли возможности для предприимчивых сельчан. И в первую очередь это проявилось в нечернозёмных губерниях Верхней Волги (Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской).

Малоплодородные земли Ярославской губернии с трудом могли прокормить здешнее крестьянство, а к середине XIX в. ситуация осложнилась из-за развития пароходства. С южных и восточных черноземных губерний вверх по Волге в Рыбную слободу (с 1777 г. город Рыбной, затем Рыбинск) везли миллионы пудов зерна. Барки с хлебом шли сюда в том числе из Оренбургской губернии, из Уфы. Например, летом 1849 г. оказавшийся на Ярославщине И.С. Аксаков продавал свой (аксаковский) хлеб, прибывший по Волге[1].

Ярославскому крестьянину приходилось заниматься различными промыслами, уходить «в отход» на заработки. Помещики их охотно отпускали, получая от кустарей и отходников стабильный оброк. «Господствующая в губернии промышленность – заработки на стороне, особенно в столицах, а внутри губернии – на Волге»[2]. Современник отмечал уже в начале XIX в., что «недостаток в пахотной земле по некоторым местам, близость больших городов, положение подле Волги, а наипаче пример многих, кроме земледелия, сделавшихся несколько зажиточными, в деятельном здешнем народе возбудили склонность к ремесленной промышленности и к скитающемуся роду жизни»[3].

Это сформировало особый образ ярославца, и в статье члена Ярославского губернского статистического комитета капитана Генерального штаба Дмитриева-Байцурова «О народонаселении Ярославской губернии» говорится: «Ярославского крестьянина вообще можно назвать сметливым, разсудительным, предприимчивым в отыскивании труда, не разбирающим разстояния быть за десятки вёрст или за тысячи от родного края. Во всех манерах и словах он всегда бывает вежлив и осторожен. Здешние жители знают чуть ли не всю Россию. Многие сами прошли её вдоль и поперёк, другие наслушались о ней от людей бывалых; они знают, что требуется в том или другом крае России, и всегда сумеют найти себе прибыльную работу… Коммерческие разсчёты ярославского крестьянина большею частью очень верны, что видно из того, что банкрутства между здеш-

[1] И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подг. Т.Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 25, 28, 31 и др.

[2] Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859. С. 126.

[3] Статистическое описание Ярославской губернии, сочиненное Карлом Германом. СПб., 1808. С. 94.

ними крестьянами чрезвычайно редки, примеров же их разбогатения очень много. Ярославского крестьянина трудно обмануть, тем более что он сам чувствует склонность и способность обмануть других, и в этом отношении он мастер, он сумеет так ловко надуть, что Еврей в сравнении с ним кажется ещё новичком»[1].

Писатель Василий Васильевич Толбин (1821–1869) добавлял красок: «Впрочем, всякому известно, что ярославцы народ находчивый. [...] Загляните в любую мелочную лавочку, и если вы увидите в ней человека, который вместе одною рукою и вешает какой-нибудь старухе кофе, и тут же режет хлеб, и в один и тот же раз и мальчику лавочному успевает дать подзатыльника за то, что тот вместо того, чтобы с покупателями обращаться, котом занимается, – это ярославец»[2].

По всей видимости, устойчивые экономические связи между Уфой (бельскими пристанями) и Рыбинском[3], вообще Ярославским краем, вспомним, что многие купцы из Ростова Великого ещё с XVIII в. вели торговлю с Южным Уралом и Средней Азией[4], и привели к массовой миграции ярославцев в Уфу.

Появление ярославских предпринимателей в Уфе фиксируется с 1830–1840-х гг. Переселившиеся семьи различались по своему статусу и происхождению. Среди них встречались бывшие помещичьи крестьяне – «вольноотпущенники» (Сахаровы, Исаевы, Коротковы, Брусянины), «свободные хлебопашцы» (Блохины), государственные крестьяне (Кондратьевы, Беляковы, Малоярославцевы). Сам многосословный характер прибывших ярославцев свидетельствует о масштабной миграции.

Итоговые сведения о ярославских предпринимателях в Уфе показывают материалы IX и X ревизий за 1850 и 1858 гг.[5] К середине XIX в. из Ярославской губернии, кроме Блохиных и Сахаровых, к нам приехало ещё не менее десятка семей: Кондратьевы, Беляковы, Малоярославцевы, Исаевы, Коротковы, Брусянины, Ларионовы, Щипковы, Пунтаковы, Коровкины, Чубуковы

---

[1] См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год / под ред. А.Л. [А.Е. Львова]. Ярославль, 1863.

[2] *Толбин В.В.* Ярославцы (Физиологический очерк) // *Смирнов Я.Е.* Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. Ярославль, 2002. С. 225–226.

[3] Феномен Рыбинска многократно привлекал внимание исследователей, историков, краеведов, журналистов, см., напр.: Углече Поле (Углич). 2012. № 13 (номер журнала целиком посвящён Рыбинску).

[4] См.: *Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.* Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009.

[5] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 601 и 708.

и др. Приехавшие поначалу числились ярославскими крестьянами, временнообязанными или торгующими, но спустя некоторое время (в среднем, через год или два), поднакопив капиталов, они все записывались в уфимское купечество.

Ярославцы-переселенцы, едва появившись в наших краях, стали открывать бакалейные лавки, трактиры, почти совершенно вытеснив с этого рыночного сегмента местных торговцев. При этом они скупили самые «козырные» участки в Уфе: вокруг Верхней Торговой площади, на углах улиц Голубиной и Базилевской (Коротков), Казанской и Лазаретной (Блохины), Успенской и Лазаретной (Исаевы), Успенской и Каретной (Щипков), на Малой Казанской (Малоярославцевы, Брусянины), на Александровской (Беляковы, Ларионовы). Особняком среди ярославских уроженцев стоит семейство Блохиных.

Блохины. Семейство Блохиных принадлежало к «свободным хлебопашцам» Ярославской губернии Рыбинского уезда Черновской волости деревни Нижнего Кастовца. Блохин Игнатий Никитич с семейством был причислен в уфимское купечество 1 июля 1840 г., его брат Марк Никитич – в 1846 г.[1] Это официально, но приехали они к нам раньше. Они встречаются в метрических записях уфимских церквей уже в 1837 г.: при крещении в Александро-Невской церкви 11 октября дочери Елизаветы ярославского крестьянина Белякова среди восприемников были Блохины Марк Никитич с дочерью Марьей. Марк Никитич с сыном Германом в 1848 г. переписались в уфимское мещанство[2].

В духовных росписях Спасской церкви за 1838 г. уже встречается семейство «торгующего крестьянина» Игнатия Никитина Блохина 45 лет: жена Марина Петровна, 37 лет, сын от первой жены Кондратий, 24 года и его жена Мария Стефанова, 24 года[3]. Ещё через четыре года, в 1842 г., уфимский 2-й гильдии купец Кондратий Блохин избран ратманом[4] в Уфимский городовой магистрат от уфимских купеческого и мещанского обществ. Сохранился его формулярный список за 1857 г.[5] В службу вступил по выбору Уфимского купеческого и мещанского обществ в 1842 г. ратманом в Уфимский городовой магистрат, занимал должность с 16 января 1842 по 2 января 1845 гг. Избран гласным в Градскую думу (2 января 1845 – 19 января 1848). Из-

[1] Там же. Д. 601. Л. 562, 571.
[2] Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 59. Л. 606 об.
[3] Там же. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 39. Л. 59 об.
[4] В Российской империи XVIII–XIX вв. выборный член городских магистратов (ратуш).
[5] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2985. Формулярный список о службе Уфимского Градского Главы, уфимского 2-й гильдии купца Кондратья Блохина.

бран бургомистром в Уфимский городской магистрат, служил с 19 января 1848 по 8 февраля 1851 г. На трёхлетие с 1854 г. утверждён был Уфимским градским главой, затем на следующее трёхлетие с 12 декабря 1856 г.

Связь с родиной Блохины не теряли, там оставались их земля, родня и торговые связи. В фондах Ярославского архива сохранились, например: «Межевая книга 3 части пустоши Ананьиной, владения уфимского купца Игнатия Никитича Блохина. 5 июня 1849 г.»[1], или дело о взысканиях акцизных денег за торговлю на Рыбинских пристанях с уфимского купца Кондратия Блохина за 1857, 1858, 1860 годы[2].

Про семейство Блохиных нашими краеведами написано немало[3]. Поэтому не будем подробно останавливаться на их истории, тем более что потомки готовят книгу с уникальными семейными фотографиями и документами.

Из *государственных крестьян* в наши края первыми приехали Беляковы – в 1842 г., в 1852 и 1858 гг. «подтянулись» их земляки Кондратьевы – также крестьяне Макаровской волости Рыбинского уезда, в 1853 г. – Малоярославцевы и Щипковы.

Беляковы. Семейство Беляковых числилось в государственных крестьянах Рыбинского уезда Макаровской волости деревни Чмутовой. По указу Оренбургской казённой палаты № 3544 от 18 июля 1842 г. они были причислены в 3-ю гильдию купечества. Согласно сведениям X-й ревизии[4], семья на 1858 г. состояла из главы Тимофея Терентьевича, 1806 г. р., его супруги Матрёны Степановны, которая была старше мужа на год, и детей Татьяны (1831), Анны (1833), Екатерины (1840), Александра (1843), Капитолины (1844) и Павла (1849 г. р.).

Беляковы также проживали в Уфе ещё до официального причисления в купечество. Их дочери Елизавета и Александра были крещены в Александро-Невской церкви в 1837 и 1840 гг. соответственно. Беляковы дружили с семейством Марка Блохина, выступали друг у друга крёстными на крещении детей: в 1837 г. Марк Никитич с дочерью Марьей были восприемниками у Елизаветы Беляковой, а в 1843-м, в свою очередь, Тимофей Терентьевич Беляков с дочерью Дарьей были крёстными у Александра, сына Марка Никитича. После этих родов жена Марка Гликерия Архиповна скончалась от чахотки в возрасте 26 лет.

---

1 ГАЯО. Ф. 455. Оп. 1РЫ-1. Д. 72, 73.

2 Там же. Ф. 6. Оп. 1-3. Д. 6394, 6664, 7060.

3 См., напр.: *Гудкова З.И.* Торговый дом Блохиных // *Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003; *Чечуха А.Л.* Тайны овального портрета // Уфа (журнал). 2018. № 12; мн. др.

4 НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 601. Л. 563.

Обе семьи ещё числились крестьянами Ярославской губернии[1].

В 1868 г. купеческий сын Александр Тимофеевич Беляков выступил поручителем на свадьбе Василия Марковича Блохина и Александры Львовны Сахаровой[2]. 12 мая 1874 г. уфимский купеческий сын Павел Тимофеевич Беляков женился на купеческой дочери Надежде Дмитриевне Кондратьевой, 17 лет[3]. Про других детей сведений не нашлось.

Проживала семья на улице Александровской. По данным на конец 1860-х – начало 1870-х гг., в их доме функционировали салотопенный и свечной заводы, заведовали Тимофей Терентьевич с супругой. В 1870 г. заводы производили продукции на 8480 руб.[4], в 1874 г. – на 6300 руб.[5] Производство снижалось и к 1880-м гг. уже не отмечалось.

Также Белякову принадлежали две бакалейные лавки с табаком внутреннего приготовления в Гостином ряду, в первой торговал его сын Павел с подручным приказчиком Михайловым, а в другой – некий Куничев с подручным Степановым Львом Андреевичем.

Александр Тимофеевич Беляков на 1890 г. в списках выборщиков ещё числился купцом 2-й гильдии. Позднее Беляковы нигде не упоминаются.

Кондратьевы. Кондратьевы – государственные крестьяне Ярославской губернии Рыбинского уезда экономической вотчины деревень Макаровой большой и Чмутовой. Кондратий Иванович с сыновьями Дмитрием и Арсентием причислены в уфимские 3-й гильдии купцы 31 января 1852 г., сын Василий – с начала 1858 г.[6] История семьи Кондратьевых публиковалась[7].

Малоярославцевы. Из государственных крестьян Ярославской губернии Григоровской волости, причислены в уфимское 3-й гильдии купечество по указу Оренбургской казённой палаты № 6350 от 6 июля 1853 г. Но уже в 1852 г. они встречаются в исповедных росписях Спасского храма, в приходе которого поселились: «Торгующий крестьянин Иван Андреев Малоярослав-

---

[1] Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 59. Л. 606 об., 216, 258.

[2] См.: Там же. Оп. 2. Д. 9.

[3] Там же. Д. 15. Л. 39 об.

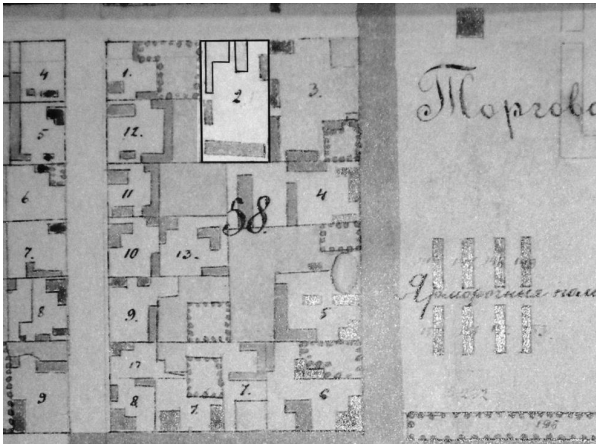
[4] Ведомость о фабриках и заводах Уфимской губернии за 1870 год // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии. Ч. I / Сост. и под ред. Н.А.Гурвича. Уфа, 1873. С. 164–165.

[5] Ведомость о фабриках и заводах Уфимской губернии за 1874 год, по роду производства, местонахождению и принадлежности // Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 2 / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Уфа, б. г. С. 53.

[6] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 601. Л. 23, 40.

[7] *Роднов М.И.* Указ. соч. § 2 Главы III, др.

цев 50 лет, жена его Наталья Николаевна – 40, дети Яков 17, Алексей 14, Евгения 11, Андрей 9, Иван 8, Марья 5, Анна 2»[1]. С 1853 г. Иван Андреевич именуется купцом 3-й гильдии. Возраст главы семьи Ивана Андреевича на момент ревизии 1858 г. – 49 лет, его супруге Наталье Николаевне было 43 года. Уже в 1857 г. Иван Андреевич – ратман Уфимского городского магистрата. Согласно формулярного списка у него на тот момент семь детей: Яков (1836 г. р.), Алексей (1838), Евгения (1841), Андрей (1843), Иван (1844), Марья (1847) и Михаил (1851 г. р.). Там же указано, что у семьи имелся каменный дом в Уфе[2]. Дом сохранился, правда, изменился почти до неузнаваемости: обложен снаружи современным кирпичом, часть обшита сайдингом. Он находится на улице Свердлова, слева от здания Свердловского рынка.



Фрагмент карты Уфы 1852 г.
В квартале 58 участок № 2 принадлежал Малоярославцевым

В 1865 г. Иван Андреевич – купец 2-й гильдии, имел бакалейную лавку в собственном доме, там торговал его сын Андрей. В этом же доме находилось питейное заведение купчихи 1-й гильдии Марьи Блохиной, в нём торговал купеческий сын Алексей Малоярославцев[3]. Семейство постепенно разрасталось, сыновья женились, дочери выходили замуж. В 1864 г. женился 24-летний сын Алексей на дочери временно-обязанного крестьянина Семёна Жолина (у него была усадьба на Б. Казанской) Домнике, дочь Марья в возрасте 17 лет вышла замуж за уфимского

[1] НА РБ. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 75. Л. 21 об.
[2] См.: Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2985.
[3] Здесь и далее: Там же. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5. О поверке торговли в городе Уфе в 1865 году.

2-й гильдии купца Алексея Яковлевича Короткова. Правда, через год она скончалась от чахотки. Причём, вдовец Алексей Яковлевич повторно женился через год и остался жить в доме бывшего тестя на Малой Казанской с новой женой. Итого на 1865 г. в большом доме Малоярославцевых уже проживали, кроме хозяина с супругой, дети Алексей с женой Домникой Семёновной, Андрей с женой Клавдией Васильевной, Коротков с женой Еленой Васильевной, а также холостые Иван и Евгения[1].

Бизнес, видимо, становился менее успешным, в дом стали пускать квартирантов. В 1868 г. здесь обитали, кроме членов семьи, вдова коллежская регистраторша Мария Николаевна Аравицкая с детьми, уфимский мещанин Малахия Иванович Соколов с семьёй, уфимский мещанин Вячеслав Павлович Серебряков с семьёй, прапорщик Арсений Фёдорович Дунаев[2].

Щипковы приехали в Уфу из деревни Малая Макарова Ярославской губернии Рыбинского уезда. Глава семейства – Карп Фёдорович, супруга – Александра Степановна. Поселились в приходе Александро-Невской церкви. В ней и крестили рождающихся детей. Из выживших детей известны Фёдор и Ольга Карповичи. 1 июля 1854 г. у государственного крестьянина Ярославской губернии Рыбинского уезда деревни Малой Макаровой Щипкова Карпа Фёдоровича и его супруги Александры Стефановны родилась дочь Ольга. В восприемниках – крестьянин Нижегородской губернии Пётр Яковлевич Палатин и уфимского 3-й гильдии купца жена Пелагея Капитоновна Брусянина[3].

Щипковы дружили с земляками Сахаровыми. В 1862 г. Карп Фёдорович был восприемником при рождении дочери Марии у Сахаровых Ивана Львовича и Пелагеи Марковны. А Василий Львович Сахаров выступил крёстным при рождении сына Николая у Фёдора Карповича Щипкова в том же году.

В 1865 г. Карп Фёдорович числится купцом 2-й гильдии. У него совершеннолетний сын Фёдор, который также имел свидетельство принадлежности к купеческому сословию. Бизнес Щипковых на тот момент состоял из питейного заведения в собственном доме на Б. Кладбищенской улице (торговал приказчик Катаев) и трёх бакалейных лавок, одна из них находилась там же, в собственном доме, в ней Щипков торговал лично с приказчиком Иваном Шиловым, также выходцем из Ярославской губернии. Две бакалейные лавки находились в Гостином ряду, в одной из которых торговал сын Фёдор Щипков, в другой – при-

[1] Там же. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 76. Л. 93 об.
[2] Там же. Л. 208 об., 209.
[3] Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 60. Л. 517.

казчик Филиппов.

В 1873 г. у Щипковых также бакалейные лавочки на Базарной площади и в собственном доме на Успенской улице, уже два питейных заведения и склад мёду[1]. На 1879 г. Щипковы владели тремя усадьбами во второй части Уфы: на углу Никольской и Казарменной, на ул. Малой Казанской и на углу Сенной и Каретной. Первую Карп Фёдорович продал Оськину Дмитрию Максимовичу в 1888 г. Усадьба на Каретной (Аксаковской) улице была подарена дочери Ольге Карповне в 1888 г.[2], она же позднее унаследовала владение на Малой Казанской. Похоже, других наследников к тому времени не осталось.

Ольга Карповна вышла замуж за Раевского. На 1883 г. Раевский Пётр Петрович – Бирский уездный исправник, надворный советник[3]. В 1903 г. Раевская О.К. взяла в Городской управе разрешение на постройку двухэтажного дома на усадьбе[4]. В 1911 г. она продала его Бессарабову. Дом сохранился до наших дней, внесён в реестр выявленных памятников архитектуры.

Дом О.К. Раевской, улица Аксакова, 46

Следующая группа ярославцев: *Сахаровы, Исаевы, Коротковы и Брусянины* были вольноотпущенниками помещиков.

Сахаровы переселились в Уфу, будучи крепостными помещицы Елизаветы Петровны Кудиновой. Они встречаются в уфимских метрических книгах уже в начале 1850-х гг. До поры назывались «крестьянами Ярославской губернии Рыбинского уезда деревни Поповской госпожи Кудиновой».

---

[1] Здесь и далее: Там же. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 71. Дело о ревизии торговых заведений г. Уфы за 1873 год.

[2] НА РБ. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 544. Л. 67.

[3] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 145, 148.

[4] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 663. Л. 54.

После получения увольнительного акта стали купцами. В фондах Ярославского архива есть документы: «Дело о взыскании казённой и оброчной недоимки с крестьян деревни Поповская Рыбинского уезда Сахаровых, временно-обязанных помещице Кудиновой», 27 февраля 1862 – январь 1863 г.[1], «Дело о выдаче увольнительного акта временно-обязанной крестьянке помещицы Кудиновой дер. Поповской Анисии Савельевой Сахаровой с семейством», которое датируется с 15 января 1862 по 13 апреля 1866 г.[2] История семьи Сахаровых ждёт своих исследователей.

Два семейства *Коротковых*, Никифора и Игнатия Венедиктовичей, происходили из крепостных крестьян деревни Филипповой госпожи Натальи Васильевны Алферьевой, причислены к 3-й гильдии уфимского купечества в марте 1857 г.[3]

Кто же такая помещица Алферьева? В нашем архиве в фонде ревизских сказок есть дело о вольноотпущенниках из крестьян помещицы Ярославской губернии Рыбинского уезда дочери флота капитан-лейтенанта Натальи Васильевны Алферьевой в 1857 г. Венедикта Власова, 73 лет и его супруги Маремьяны Корниловой, 71 года[4]. Полагаю, что это родители «наших» Коротковых Игнатия и Никифора Венедиктовичей. В фондах Ярославского архива нашлись дела «О выкупе земли по дер. Филиппово Георгиевской волости Рыбинского уезда крестьянами временно-обязанными помещице Наталье Васильевне Алферьевой. 1869–1872 гг.»[5] и «Межевая книга части дачи дер. Филиппово, владения жены капитан-лейтенанта Павлы Ивановны Алферьевой и её дочери Натальи. 1844 год»[6]. Оказывается, отцом Натальи Васильевны был капитан-лейтенант Василий Васильевич Алферьев – участник русско-шведской войны, Георгиевский кавалер, а матерью – родная племянница Фёдора Фёдоровича Ушакова – Павла Ивановна.

Коротковы появились в Уфе немного раньше, чем были официально причислены: в 1854 и 1855 гг. в уфимских церквях уже фиксировались записи о рождении детей у Никифора Венедиктовича Короткова (крестьянина, позднее – отпущенника помещицы Натальи Васильевны Алферьевой) и его супруги Матрёны Прохоровны: в 1854 г. в Александровской церкви они крестили дочь Ираиду, а в 1855 г. в Спасской церкви – Анну[7]. Де-

---

1 РФ ГАЯО. Ф. 121. Оп. 4. Д. 204.
2 Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 243.
3 НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 708. Л. 37-38.
4 Там же. Д. 723. Л. 360.
5 ГАЯО. Ф. 121. Оп. 4. Д. 507.
6 Там же. Ф. 455. Оп. 1РЫ-4. Д. 3905.
7 НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 38. Л. 116; Д. 60. Л. 508.

вочки, видимо, умерли в младенчестве, потому что на 10 июня 1858 г. (X ревизия) у них с женой записана только дочь Павла, 1 года и 2 месяцев. Никифору Венедиктовичу на момент переписи 33 года, его жене 35[1]. Никифор Венедиктович Коротков почти совсем в Уфе не «засветился»: ни в бизнесе, ни в общественной жизни. Известно только, что его супруга Матрёна Прохоровна скончалась 9 октября 1878 г. от воспаления лёгких в возрасте 55 лет, будучи уже вдовой[2].

Старший брат Игнатий Венедиктович 43-х лет (на 1858 г.) приехал с женой Екатериной Матвеевной и тремя сыновьями: Иваном, 20 лет, Петром (17) и Василием (14)[3]. Он обзавёлся двумя усадьбами в самом центре города. Одна – на улице Большой Казанской, напротив Пожарной части, там сейчас стоит памятник Цюрупе. Другой дом находился на пересечении улиц Пушкина и Ленина, на этом месте потом Нагарев построил дом, который знаком многим уфимцам, как бывший магазин «РЫБА».

Бизнес Игнатия Короткова быстро развивался. На 1865 г. у Игнатия Венедиктовича, купца 2-й гильдии, ренсковый погреб в собственном доме в Голубиной улице и три бакалейных лавки, в них торгуют его сыновья Иван, Пётр и Василий. В 1869 г. у него, кроме бакалейных лавок, уже имеется водочный завод и пара питейных заведений, помогают супруга и сын Иван со снохой[4]. В 1873 г. они с женой Екатериной Матвеевной в своём доме на Голубиной улице держат лавку с колониальным товаром и табаком внутреннего приготовления, а также погребок с хлебным и виноградным винами, сами и торгуют. А дети отправились в «самостоятельное плавание».

Постепенно «встал на ноги и развернулся» старший сын Иван, он стал продолжателем семейного бизнеса. Родился он примерно в 1838 г., жена Татьяна Андреевна, дети: Алевтина, Николай (1866), Сергей, Алексей (1869), Игнатий (1871), Зинаида (1874 г. р.)[5].

К началу 1870-х гг. Иван Игнатьевич уже купец 2-й гильдии, хозяин дома на Казанской улице (на Голубиной улице дом пока оставался за отцом). Тут у него водочный завод, оптовый склад хлебного вина и спирта, лавка с бакалейным товаром и табаком внутреннего приготовления, а также продажа хлебного, виноградного и иностранных вин, торгует его жена Татьяна Ан-

---

[1] Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 708. Л. 38.
[2] Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 19. Л. 115.
[3] Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.
[4] Здесь и далее: Там же. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 33. Журнал генеральной поверки торговых и промышленных заведений в г. Уфе за 1869 г.
[5] Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 15. Файл 00305.

дреевна с двумя подручными.

Кроме того, у Ивана Игнатьевича целая сеть питейных заведений по городу: в доме крестьянина Полетаева (торгует мещанин Иван Сергеев), в Успенской улице, в Сергиевской улице в доме Черепанова, на Лазаретной улице в доме купца Федора Нефёдова, торгует дворянин (!) Николай Андреевич Суханов, в Сибирской улице в доме унтер-офицера Николаева (торгует дворянин Петр Савельевич Вавилов), на Ханыковской улице в доме купца Хаева (торгует уфимский мещанин Владимир Творинов). Дворяне служили у него в приказчиках!

В 1886 г. 20-летняя старшая дочь Алевтина Ивановна Короткова вышла замуж за 33-летнего канцелярского служителя Ивана Стефановича Глазырина. Венчание состоялось в Спасской церкви. В поручителях: уфимский купец Василий Стефанович Глазырин, дворянин Лев Константинович Алексеев, уфимский мещанин Николай Николаевич Мамин, купеческий сын Николай Иванович Коротков, купеческий сын Алексей Иванович Коротков и уфимский купеческий сын Александр Александрович Мамин[1]. 8 февраля 1887 г. у молодых родился первенец Владимир, в крёстных – дед Иван Игнатьевич и тётя Зинаида Ивановна Короткова. Летом того же года, 26 июня, купец Иван Игнатьевич Коротков умер от чахотки в возрасте 49 лет[2].

Про Николая Ивановича известно немного, в 1884 г. он выступил поручителем при венчании купеческого сына Григория Александровича Деева с Надеждиной Елизаветой Алексеевной (сестрой Ираиды Чижёвой). У младшей дочери Зинаиды Ивановны Коротковой судьба сложилась интереснее (далее).

Бизнес второго сына был куда скромнее. В 1869 г. купцу 2-й гильдии Петру Игнатьевичу Короткову принадлежала лавка с бакалейным товаром в каменном ряду на Торговой площади, а в 1873 г. – три лавки на Верхней площади с мёдом и мелочным товаром (торговала уфимская мещанская девица Аксинья Котова), а также питейное заведение.

В 1866 г. 19 января уфимский 2-й гильдии купеческий сын Пётр Игнатьевич Коротков, 24 лет, женился на дочке уфимского 2-й гильдии купца Николая Мамина – Марии Николаевне, 19 лет. Венчание проходило в Пророко-Ильинской церкви. В поручителях «золотая молодёжь»: купеческие дети Иван Игнатьевич Коротков, Александр Тимофеевич Беляков, Александр Белышев, Павел Стефанович Калмацкий, Александр Фёдорович Мамин[3].

---

[1] Там же. Д. 27. Л. 493 об. – 494.
[2] Там же. Д. 28. Л. 175 об. – 176, 542 об.
[3] Там же. Д. 7. Л. 138.

Проживал Пётр Игнатьевич с семьёй в приходе Спасской церкви, сохранилась исповедная роспись за 1875 г. Главе семьи на тот момент исполнилось 34 года, жене Марии Николаевне – 28, дети: Мария (8 лет), Елена (7), Сергей (5)[1].

В списках торговцев встречался ещё один Коротков, наверняка как-то связанный с рассматриваемым семейством. Иногда он назывался «уфимским мещанином», иногда – «уфимским 2-й гильдии купцом». В 1865 г. у уфимского мещанина Алексея Яковлевича Короткова в бакалейной лавке служил приказчиком крестьянин Рыбинского уезда Ярославской губернии Владимир Коротков. 19 февраля 1864 г. уфимский 2-й гильдии купец Алексей Яковлевич Коротков венчался в Спасской церкви с 17-летней дочерью Марией уфимского 2-й гильдии купца Ивана Андреевича Малоярославцева[2].

Младшая дочка Ивана Игнатьевича Короткова Зинаида Ивановна вышла замуж за присяжного поверенного Итина Азария Александровича (1859–1926), известного в Уфе адвоката. Одним из их детей был Вивиан Азарьевич Итин (1893–1938), советский писатель-фантаст[3].

Итины купили дом по улице Малой Казанской, 47. Усадьба находилась слева от дома Брусяниных, в советское время – Свердлова, 69. До Итиных она принадлежала сначала семье подполковника корпуса горных инженеров Евгения Ивановича Ольховского. Его супругой была сводная сестра композитора П.И. Чайковского – Зинаида Ильинична. Затем владельцем дома был Иван Иванович Торшилов, потомственный почётный гражданин, у него Итины и купили усадьбу. В этом доме родился Вивиан Итин. Глава семейства Зинаида Ивановна Итина прожила в одной из комнат до конца жизни. В 2000-х гг. дом был снесён.

Брусянины и Исаевы происходили из помещичьих крестьян помещиков Тизенгаузенов. Граф Иван Андреевич Тизенгаузен (1741–1815) – русский придворный деятель, камергер, обергофмейстер Императорского двора. В 1797 г. И.А. Тизенгаузену были пожалованы 800 душ крестьян с землями в Ярославской губернии в Мологском и Рыбинском уездах[4]. Его сын Фёдор Иванович был женат на Елизавете Михайловне – дочери фельдмаршала Кутузова, у них была дочь Екатерина (1803–1888). Графиня Екатерина Фёдоровна Тизенгаузен – внучка фельдмаршала

---

[1] Там же Ф. И-290. Оп. 1. Д. 76. Л. 491 об.

[2] Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 5. Л. 482. Через год Мария умерла от чахотки.

[3] Подробнее см.: *Шкурко Э.А.* Первый советский писатель-фантаст. Вивиан Азарьевич Итин и его семья // Исторические портреты. Т. 1 /сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019.

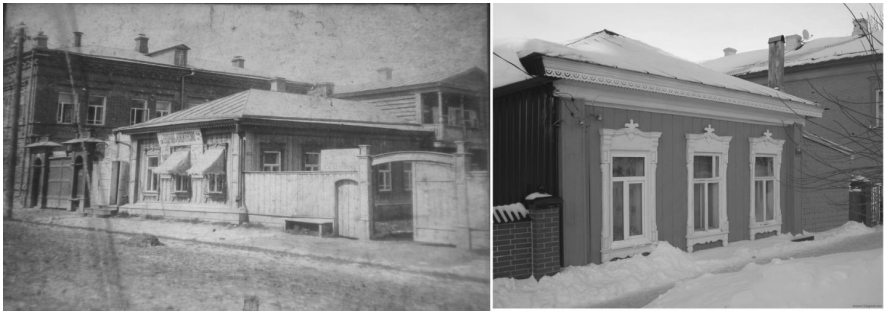
[4] См.: ГАЯО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 4.

Кутузова, фрейлина при трёх императрицах – Александре Фёдоровне, Марии Александровне и Марии Фёдоровне. Стоит добавить, что Тизенгаузены были владельцами и деревни Нижний Кастовец Рыбинского же уезда, откуда родом были наши Блохины. Только Блохины к моменту переселения стали «свободными хлебопашцами».

Брусянины были официально записаны в уфимские купцы в 1850 г. «Уволенные от услуг Г. Тизенгаузен причислены по Указу Оренбургской Казённой палаты 28 октября 1850 года: Андрей Ефимов Брусянин 33 лет, жена Палагея Капитонова 32 лет, сыновья Василий – 10, Дмитрий – 3 года»[1]. Но их метрические записи встречаются в Уфе раньше. Например, в Иоанно-Предтеченской церкви 30 октября 1847 г. крестили Дмитрия, родившегося 25 октября у «Ярославской губернии вольноотпущенников Тизенгаузеной графини Екатерины Фёдоровны Андрея Брусенина и законной жены Полагии Капитоновой»[2]. Восприемники: той же губернии и того же уезда дер. Филипповой госпожи Павлы Ивановны Алферовой крестьянин Никифор Венедиктов и той же графини «Тизенгаузиной» деревни Ивановки крестьянина Игнатия Герасимова Воронцова жена Ирина Орефьева. Те же восприемники были записаны и при рождении некоторых других детей Брусяниных (Иоанна в 1849 г., Инны в 1855 г.). Семейство было достаточно многочисленным. Наиболее известен писатель Василий Васильевич Брусянин (1867–1919). Он прожил в Уфе первые 25 лет своей жизни, воспитывался в семье деда Василия Ефимовича.

Брусяниным принадлежала усадьба на углу улиц Малой Казанской и Ханыковской, первоначальная её площадь была около 600 кв. саж. Позднее, когда дела семьи пошли неважно, Брусянины продали части усадьбы (Паршину и Шихову), оставив себе только 84 кв. саж. с деревянным одноэтажным домиком, в котором находилась лавочка, позднее – булочная. Возможно, именно это помогло семье избежать муниципализации, недвижимость переходила наследникам из рук в руки. И до сегодняшнего дня в этом доме на улице Свердлова, 73 проживают потомки Брусяниных[3].

[1] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 601. Л. 575–576.
[2] Там же. Ф И-294. Оп. 1. Д. 30. Л. 93.
[3] Подробнее см.: Бельские просторы (Уфа). 2020. № 11.



Старое фото дома из семейного альбома Брусяниных

Исаевы также были крепостными графини Екатерины Фёдоровны Тизенгаузен из деревни Ивановской Рыбинского уезда Ярославской губернии. В 1855 г. Исаевы, ещё числясь крестьянами, уже проживали в Уфе. 24 декабря 1855 г. у крестьянина Ивана Исаева и его законной жены Мариамны Ефимовны родился сын Иоанн. Крёстными стали уфимский 3-й гильдии купец Андрей Ефимович Брусянин и уфимского мещанина Игнатия Герасимовича Воронцова жена Ирина Орефьевна[1]. В 1857 г. они были отпущены на волю и 13 декабря причислены по указу Оренбургской казённой палаты в уфимское 3-й гильдии купечество[2]. Семья на июнь 1858 г. состояла из Ивана Исаевича Исаева, его супруги Маремьяны Ефимовны (обоим было по 35 лет), сыновей Александра (11 лет), Дмитрия (4) и новорождённой дочери Левантины (2 мес.). Из детей выжил только Александр.

Иван Исаев впоследствии был женат ещё два раза. В 1861 г. у него и его второй супруги Марфы Степановны родился сын Дмитрий. Марфа Степановна умерла 23 ноября 1861 г. от воспаления желудка, ей было 19 лет[3]. 12 июля 1864 г. в Спасской церкви был зарегистрирован третий брак купца 2-й гильдии Ивана Исаева, 45 лет, невеста – вдова губернского секретаря Мария Антоновна Миронова, 28 лет[4].

В 1865 г. Исаеву принадлежали трактирное заведение в собственном доме на Лазаретной улице (торговал сам с подручным крестьянином Семёном Егоровым), ренсковый погреб с бакалейной продажей здесь же (торговала его жена Марья с крестьянкой Евдокией Абрамовой) и бакалейная лавка, где за прилавком стоял его сын Александр Исаев. В 1873 г. семейство имело также в собственном доме на Лазаретной улице ренсковый

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 38. Л. 120.
[2] Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 708. Л. 41.
[3] Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 2. Файл 00551.
[4] Там же. Д. 5. Файл 00490.

погреб с бакалейным товаром и табаком внутреннего приготовления, при торговле находились жена Марья Антиповна с подручным Петром Петровым.

Семейство проживало в приходе Спасской церкви. По духовным росписям 1865 г. семья состояла из Ивана Исаевича, 46 лет, молодой жены (уже третьей) Марии Антиповой, 28 лет, сына от первого брака Александра (20 лет) и тёщи (от второй жены) вдовы купеческой жены Анны Гурьевны Поповой. В июле 1869 г. в этом браке рождается сын Николай, а в 1875 г. в семье уже двое детей от третьего брака: Николай (7 лет) и Екатерина (3 года). Ивану Исаевичу исполнилось 54 года, его жене – 38, старшему сыну Александру было 29 лет[1].

В 1879 г. Марье Исаевой принадлежало почти полквартала в самом центре города, на углу Успенской и Лазаретной, где сейчас находится Башпотребсоюз. Весь квартал между улицами Лазаретной, Успенской, Губернаторской и Большой Казанской был тогда разбит на три почти равные части, и участки принадлежали Исаевой, Большакову и братьям Блохиным. 30 апреля 1880 г. Уфимский купец 2-й гильдии Иван Исаевич Исаев скончался от удушья в возрасте 62 лет[2]. Его супруга затем продала свой участок купцу Першину.

Ярославские «отходники», однако, занимались у нас не только торговлей и обслуживанием трактирных заведений. Многие ярославцы были заняты на строительстве жилых домов и других объектов. «Широкие размеры имеет так же отход на строительные промыслы в качестве каменщиков, печников, штукатуров, маляров, кровельщиков и др. Этот вид отхода возник едва ли не раньше других»[3].

Семейство *Ларионовых* было весьма известным и уважаемым в Уфе. Семён Миронович, Михаил Семёнович, Дмитрий Михайлович – купеческая династия, крупные подрядчики строительных работ, участвовали в строительстве многих городских объектов, избирались в различные общества и комиссии[4].

А происходили Ларионовы (писались также Иларионовы или Илларионовы) тоже из государственных крестьян Ярославской губернии. «Патриархом» можно считать Семёна Мироновича. Приехали они из деревни Судищи Ярославского уезда. Точ-

---

[1] См.: Там же. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 76.

[2] Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 21. Л. 397 об. – 398.

[3] См.: *Федотов В.Г.* Промыслы Ярославской губернии / науч. ред. Г.Н. Кочешков. Ярославль, 2003; Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Ярославль, 1996. С. 245.

[4] См., напр.: *Ясенев Михаил [А.Л. Чечуха].* Дом Ларионовых // Уфа: страницы истории. Книга первая / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С 200–202.

ной даты переезда установить не удалось. Самые ранние записи в уфимских метрических книгах относятся к 1852 г.: в Александровской церкви крестили Наталью, дочь Семёна Мироновича и его супруги Анисии Ивановны. В крёстных был Дмитрий Иларионов – крестьянин деревни Белавиной Ярославской губернии Романовского уезда[1].

В следующем году, 1 сентября 1853 г. у этой пары родился сын Михаил, продолжатель династии, ставший впоследствии известным уфимским купцом, владельцем кирпичных заводов, пожалуй, самый известный представитель этой семьи. В 1856 г. дочь государственного крестьянина Ярославской губернии и уезда деревни Судищ Мария Мироновна Иларионова венчалась с уфимским мещанином Иваном Яковлевичем Парфёновым[2]. В 1860 г. при крещении в той же Александровской церкви сына Стефана родители записаны уфимскими мещанами. А в конце 1860-х гг. их дети писались уже как «купеческие».

15 октября 1888 г. Семён Миронович скончался в возрасте 64 лет. В некрологе отмечалось: «Уфа и Уфимская губерния ему известны с молодых лет: здесь, ещё будучи юношей, он проходил школу того мастерства (каменная кладка), в котором имел опытное знание; здесь же потом, безостановочно, в течение более 40 лет, он вёл самостоятельное хозяйство с артелью рабочих от 70 до 100 человек. И кто только не знал в Уфе Семёна Мироновича, этого добродушного, энергичного и неутомимого старичка, всегда готового служить всем и каждому, кто только имел в нём какую-либо нужду… Особенная любовь к делу и бескорыстие покойного проявлялись при постройке храмов Божиих: здесь он не жалел своих трудов, часто помогал и даже своими материальными средствами. Добрым памятником о покойном служит в Уфе кладбищенская Иоанно-Предтеченская церковь, при которой он был ктитором 18 с лишним лет»[3].

У Семёна Мироновича, кроме известного сына Михаила, были ещё дети: Яков, Дмитрий, Феодосия, Наталья, Евдокия.

Семён Ларионов владел участком на Александровской улице, в 1865 г. по этому адресу находилась его штукатурная и печная мастерская, заведовал сам, работников – 15 человек. В 1873 г. там же у него числилась артель штукатуров, каменщиков и печников, размещалось его питейное заведение. На Базарной площади в лавке с пряниками и лакомствами торговала его сестра Мария, а в деревянном ряду в лавках с кожевенным то-

[1] НА РБ, Ф. И-294. Оп. 1. Д. 60. Л. 381.
[2] Там же. Д. 39. Л. 310.
[3] Уфимские епархиальные ведомости. 1888. № 22. С. 743.

варом – сын Михаил и зять Николай Иванович Попов. Купеческая дочь Наталья Семёновна Ларионова обвенчалась в 1868 г. в Александровской церкви с уфимским мещанином Николаем Ивановичем Поповым, жениху было 27 лет, невесте – 16 лет[1].

Михаил Семёнович Ларионов женился в 1877 г. на уфимской мещанской дочери Ольге Ивановне Таракановой[2]. На Александровской улице, на участке отца он выстроил замечательный дом (Александровская, 33), который и по сей день украшает улицу Карла Маркса.

Дом Ларионовых, ул. К. Маркса, 33

Яков Семёнович был женат дважды, скончался 22 января 1906 г. в возрасте 59 лет от удушья. Ему принадлежала усадьба в том же квартале, что и усадьба Михаила Семёновича, только с противоположной стороны, на ул. Ханыковской (Гоголя). Купеческий сын Дмитрий Семёнович Ларионов умер от воспаления легких в 1885 г. в возрасте 36 лет[3].

Ещё одна семья ремесленников приехала из этой же деревни Судищи Ярославского уезда. О ней мы узнаём из метрической записи о браке Натальи, дочери Семёна Мироновича Ларионова. Поручителем на свадьбе со стороны невесты выступил государственный крестьянин Ярославской губернии *Душин Родион Андреевич*. Родион Андреевич был печным мастером, его «щекотурное и печное мастерство» размещалось в собственном доме на Успенской улице.

Интересная деталь. Душины по вероисповеданию сначала были православными, они крестили и отпевали детей в право-

[1] См.: НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 9.
[2] Там же. Д. 18. Л. 28 об.
[3] Там же. Д. 26. Л. 253 об.

славных храмах: в 1862 г. у Родиона Андреевича и его супруги Натальи Стефановны родился сын Николай, его крестили в Александровской церкви. В 1869 г. умершую дочь Анну отпевали в Успенской церкви[1]. В списках торговцев за 1869 г. отмечено «щекотурное и печное мастерство» государственного крестьянина Ярославской губернии и уезда деревни Судищи Родиона Андреевича Душина. Но потом что-то произошло, семейство примкнуло к старообрядцам Белокриницкой иерархии, в их доме была организована молельная.

Запись о смерти Родиона Андреевича находим уже в метрических книгах старообрядцев: 9 ноября 1917 г. умер гражданин Душин Родион Андреевич, старообрядец, 85 лет, вдов[2]. Его сына Петра Родионовича, крестьянина Уфимского уезда Осоргинской волости Общества отставных николаевских солдат, единогласно избрали Председателем совета общины на собрании 30 ноября 1914 г. Адрес проживания его и отца указан прежний: Успенская улица, дом 61.

Усадьба Душиных сохранилась до наших дней, находится на пересечении улиц Крупской и Коммунистической, является памятником архитектуры, объектом культурного наследия. Во дворе сохранился второй дом, в котором находилась старообрядческая молельня.

Главный дом усадьбы Душиных, ул. Коммунистическая 63

Из Ярославского уезда приехали в Уфу и другие ремесленники: печник Яков Михайлович Уваров, маляр Дмитрий Степа-

[1] См.: Там же. Д. 3, 10.
[2] См.: Там же. Оп. 5. Д. 56.

нович Смирнов, столяр-маляр государственный крестьянин Василий Галочкин.

Каждый уезд Ярославской губернии имел какой-либо преобладающий промысел. Крестьяне Романо-Борисоглебского уезда зарабатывали на жизнь портным и шубным ремёслами. Оттуда к нам приехали шубники Пунтаковы, Репины. В 1865 г. они числились ещё временно-обязанными крестьянами деревни Белой этого уезда. Александр Ларионович Пунтаков держал шубную мастерскую в доме Паршина на Казанской улице, имел в подручных 3 работника и 4 мальчика, Платон Ларионович Пунтаков – в доме Кадкина на Базарной площади, 2 работника и 2 мальчика, Никифор Репин – в доме купца Попова, 5 работников, 5 мальчиков. В 1876 г. шубники Пунтаковы держали уже мастерские в собственных домах: Александр Ларионович – на Губернаторской улице, Дмитрий Ларионович – на Большой Успенской[1].

Переселившиеся в Уфу в середине XIX в. из Ярославской губернии (почти все из Рыбинского уезда, и государственные – Макаровская волость, и помещичьи – Георгиевская. Из Ярославского уезда только Ларионовы и Душины, да шубники – из Романово-Борисоглебского) крестьянские семьи составили серьёзную конкуренцию уфимским торговцам. Очень быстро став купцами, они почти полностью захватили существовавший на тот момент рынок бакалейной торговли, питейных и трактирных заведений. Правда, к концу столетия большая их часть обеднела, перешла в другое сословие, но некоторые (Сахаров, Блохины, Ларионовы) ещё долго держались «на плаву». Ярославцы оставили яркий след не только в истории уфимского купечества, но также и в топонимике нашего города, их особняки поныне украшают улицы города, некоторые потомки ярославских переселенцев стали заметными фигурами русской, советской литературы, добились иных достижений (первый памятник Ленину в Уфе в 1924 г. возводил потомок ярославских мастеровых Ларионов).

[1] Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 1 / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Уфа, б. г. С. 74.

О.В. Чистяков

Уфимский губернский воинский начальник, герой Кавказской войны генерал-майор Эдуард Карлович Штанге

С самого основания Уфы в 1586 г. значительную часть населения составляли военные или отставные военнослужащие. В XIX в. существенная часть административного аппарата начинала свою карьеру в армии, здесь стоял гарнизон, в городе проживали окрестные помещики, также изначально делавшие карьеру на военной службе.

Военные (отставные или находившиеся на действительной службе) составляли значительную часть местного образованного общества, среди них встречались лица, достигшие генеральских чинов, прославившиеся на службе Отечеству. Одним из таких уважаемых и известных жителей Уфы второй половины XIX в. был генерал-майор Э.К. Штанге.

Эдуард Фердинанд Карлович Штанге родился 16 августа 1822 г. в семье иностранного подданного лютеранского вероисповедания, позднее был причислен к потомственному дворянству Уфимской губернии[1]. Он был вторым из четырёх братьев и единственным, выбравшим военную карьеру. Карл (1816–1869), Генрих (1823–1887) и Адольф (1827–1903)[2] поступили на гражданскую службу и все трое были произведены в чин действительного статского советника, что соответствовало генерал-майору армии.

Сведения об образовании Э.К. Штанге расходятся, согласно документам, он получил домашнее образование[3], а по сведениям «Русского биографического словаря» окончил Могилёвскую гимназию и учился в Санкт-Петербургском университете[4].

В 1841 г. Эдуард Карлович в Санкт-Петербургской управе благочестия принес присягу на верность и принял подданство Российской империи и 2 февраля 1841 г. поступил на службу рядовым в Гренадерский Императора Франца I полк[5]. 27 августа

---

[1] Здесь и далее обстоятельства службы Э.К. Штанге приводятся по послужному списку (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 7849. Л. 10–16).

[2] Представители этой семьи оставили свой след в истории России. Г.К. Штанге служил управляющим государственными имуществами в Вятской и Лифляндской губерниях, успешную карьеру сделали другие братья, Владимир Адольфович Штанге (1856–1918) – известный российский врач.

[3] Так в послужном списке.

[4] Русский биографический словарь: Шебанов-Шютц. СПб., 1911. Т. 23. С. 401.

[5] Наиболее всего этот полк известен под названием лейб-гвардии Кексгольмский.

1841 г. Э.К. Штанге получил звание унтер-офицера, а 30 июля 1845 г. был произведён в первый офицерский чин прапорщика с переводом в Апшеронский пехотный полк, который в то время вёл боевые действия против горцев на Кавказе.

Вообще многие уфимские дворяне на протяжении XVIII–XIX вв. принимали активное участие в покорении Кавказа, князья Ураковы[1], генерал-майор М.М. Шихалиев[2], другие. Среди отличившихся есть имя и Эдуарда Карловича Штанге.

Летом 1845 г. молодой прапорщик получил боевое крещение, приняв участие в отражении нападения отряда в 500 конных и 1500 пеших горцев на табун армейских лошадей у аула Эрпели в Дагестане и преследовании отступавших. В октябре 1846 г. Э.К. Штанге в составе отряда генерал-лейтенанта князя В.О. Бебутова участвовал в боях с отрядами имама Шамиля, вторгнувшимися в Даргинский округ, в том числе во взятии штурмом аула Аймяки и в победном сражении с горцами у селения Кутишихи, где было наголову разбито шеститысячное скопище горцев под личным командованием Шамиля. За отличия в этом бою Эдуард Карлович был 10 апреля 1847 г. произведён в подпоручики со старшинством с 15 октября 1846 г.

В июле 1847 г. Э.К. Штанге в составе войск под командованием главнокомандующего Кавказским корпусом и наместника на Кавказе генерал-адъютанта князя М.С. Воронцова участвовал в осаде и штурме аула Гергенбиль, во время которого был контужен в голову ружейной пулей, и за проявленную храбрость 23 ноября 1847 г. был произведён в поручики со старшинством с 4 июля 1847 г. В этот раз русским войскам не удалось взять укреплённый аул из-за вспыхнувшей эпидемии холеры.

Летом 1848 г. Эдуард Карлович в составе отряда генерал-адъютанта князя М.З. Аргутинского-Долгорукова вновь участвовал в штурме Гергенбиля, на этот раз окончившимся его взятием 7 июля 1848 г. А 15 июля 1848 г поручик принимал участие в крупном бою с горцами у селения Хаджалмахи и за отличия в этом деле 29 марта 1849 г. произведён в штабс-капитаны со старшинством с 15 июля 1848 г.

10 апреля 1849 г. штабс-капитан Штанге был командирован для обучения в Петербург в Образцовый пехотный полк[3]. Во

---

[1] *Азнабаев Б.А.* Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых // Река времени. 2017. Уфа, 2017. С. 24–25.

[2] *Завидова С.С.* Узытамак-Алкино. Тайна старого кладбища. Приложение. Формулярный список генерал-майора М.М. Шихалиева, 1890 г. // Река времени. 2019. Уфа, 2019.

[3] Военно-учебное заведение для повышения квалификации офицеров пехоты, позднее преобразовано в Офицерскую стрелковую школу.

время обучения 22 февраля 1850 г. Э.К. Штанге был переведён в Дагестанский пехотный полк, также как и Апшеронский находившийся на Кавказе. В 1851 г. Эдуард Карлович успешно окончил курс обучения, был награждён за это полугодовым жалованием и 28 марта 1852 г. прибыл на Кавказ в свой полк, где был назначен ротным командиром.

26 мая 1853 г. штабс-капитану Штанге вновь пришлось вступить в бой, приняв участие в нанесении поражения отряду горцев, выступившему из Аймакинского укрепления. За храбрость, проявленную в этом бою, Эдуард Карлович был 30 декабря 1853 г. произведён в капитаны со старшинством с 26 мая 1853 г.

26–28 марта 1854 г. Э.К. Штанге в составе отряда генерал-майора З.С. Манюкина участвовал в штурме и взятии укрепленного аула Уркарах. За отличия в этих делах Эдуард Карлович 15 июня 1855 г. был произведён в майоры со старшинством с 28 марта 1854 г.

В мае 1855 г. майор Штанге участвовал в походе Дагестанского отряда под руководством командующего войсками Прикаспийской области генерал-лейтенанта князя Г.Д. Джамбакуриан-Орбелиани к границам Табасарана в южном Дагестане. С 27 октября по 27 ноября 1855 г. Эдуард Карлович занимал должность обер-вагенмейстера (начальника обоза) Дагестанского отряда и принял участие в подавлении волнений горцев в Табасаране.

24 апреля 1857 г. Э.К. Штанге был награждён за боевые отличия орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами, 31 мая назначен батальонным командиром Дагестанского пехотного полка, а 25 января 1858 г. прикомандирован к Ширванскому пехотному полку, где принял под командование 2-й батальон. 23 апреля 1858 г. майор Штанге был переведён в Ширванский пехотный полк Высочайшим приказом.

В 1857–1859 гг. Эдуард Карлович в составе Дагестанского отряда участвовал в окончательном покорении Чечни и Дагестана. 25 мая 1859 г. он был награждён Императорской короной к ордену Святого Станислава 2-й степени. Особую храбрость майор Штанге проявил в августе 1859 г. при блокаде и штурме укреплённого аула Гуниб, которые закончились взятием аула и пленением имама Шамиля, когда во главе своего батальона первым ворвался на гору Гуниб-даг и в рукопашном бою с защищавшими её горцами захватил два орудия. За этот героический подвиг Э.К. Штанге 30 сентября 1859 г. был удостоен самой почётной русской боевой награды – ордена Святого Георгия 4-й степени.

После окончания активных боевых действий в Чечне и Да-

гестане Эдуард Карлович принял активное участие в организации русских органов власти на покорённых территориях. 2 мая 1860 г. он был переведён на военно-административную работу и назначен помощником начальника Чеченского округа с зачислением по армейской пехоте. 4 сентября 1860 г. майор Штанге получил должность управляющего Аргунским округом, а 23 октября 1860 г. произведён в подполковники за отличие по службе.

В 1861 г. кавказская эпопея Эдуарда Карловича Штанге закончилась. 1 сентября 1861 г. он был прикомандирован к Санкт-Петербургскому батальону внутренней стражи до получения нового назначения и покинул Кавказ, где прослужил 15 лет, практически беспрерывно участвуя в боях с горцами.

26 октября 1861 г. подполковник Штанге был назначен командиром Смоленского батальона внутренней стражи. 24 августа 1864 г. Эдуард Карлович был произведён в полковники за отличие по службе.

В 1864 г. в Российской империи были введены должности губернских воинских начальников. Губернские воинские начальники являлись заведующими местными войсками, расположенными в губернии и членами губернских рекрутских присутствий (с 1874 г. – губернских по воинским делам присутствий). В их обязанности входили приём рекрутов, обеспечение их продовольствием и обмундированием, распределение по воинским частям и отправление по месту назначения, учёт и призыв на службу нижних чинов, находившихся в отпуске, наблюдение за пребывавшими в отпуске офицерами, содержание и конвоирование арестантов и др. Губернский воинский начальник исполнял также обязанности военного коменданта губернского города. В 1874 г., в связи с заменой рекрутской повинности всеобщей воинской, функции по учёту и призыву запасных, а также по содержанию и конвоированию арестантов были переданы уездным воинским начальникам, а губернские воинские начальники стали наблюдать за исполнением ими своих обязанностей[1].

29 октября 1864 г. полковник Э.К. Штанге был назначен Минским губернским воинским начальником, а через 4 года, 1 октября 1868 г. был переведён на такую же должность в Уфимскую губернию.

В Уфу Эдуард Карлович привёз большую семью. Герой покорения Кавказа женился лишь после возвращения с театра военных действий, в возрасте около 40 лет, примерно в 1862 г.

---

[1] Военная энциклопедия. Т. VII. Воинская честь – Гимнастика военная. СПб., 1912. С. 1–2.

Супругой Эдуарда Карловича стала дочь подполковника лейб-гвардии Финляндского полка А.М. Повало-Швейковского (1797–1878) Анастасия Александровна, родившаяся в 1838 г. Она была моложе мужа на 16 лет.

В семье родилось четверо детей: Варвара (7 мая 1863 г.), Александр (20 октября 1864 г.), Анастасия (18 января 1865 г.) и Николай, появившийся на свет 2 декабря 1868 г. Можно предположить, что семья Штанге приехала в Уфу к началу 1869 г. с младенцем на руках. Супруга занималась детьми и обустройством быта на новом месте, а полковник Штанге погрузился в сложную деятельность по управлению местными воинскими силами, призывом новобранцев тогда занималось специальное губернское рекрутское присутствие, которое по должности возглавлял вице-губернатор, но губернский воинский начальник там состоял в членах присутствия.

Само же управление Губернского воинского начальника полковника Э.К. Штанге включало аппарат из правителя канцелярии, трёх делопроизводителей, двух аудиторов. А воинские части в тыловой Уфимской губернии (на 1873 г.) включали губернский батальон (19 офицеров), смотрителя провиантского магазина, начальника Уфимской сборной команды, двух начальников этапных команд в уездах и 70-й пехотный резервный батальон (9 офицеров, 3 врача).

Также в связи со своими непосредственными должностными обязанностями Э.К. Штанге состоял одним из директоров Губернского попечительного комитета о тюрьмах и одним из членов местного управления Общества попечения о больных и раненных воинах. Супруга Настасья Александровна числилась в дамском комитете последнего[1].

Под начальством Э.К. Штанге находился внушительный контингент военнослужащих. На 1872 г. в Уфимской губернии насчитывалось только нижних чинов регулярных войск 1924 (из них в Уфе – 1132), бессрочно и временно-отпускных – 5052 (378), неспособных I и II статьи – 194 (39) и 46 больных (35 находились в губернской столице)[2]. На 1876 и 1878 гг. по справочникам числился только Уфимский местный батальон.

Семейство Штанге прочно обустроилось, дети учились, круг знакомых, естественно, включал в первую очередь военных. Так, в ноябре 1876 г. генерал-майора Э.К. Штанге пригласили в поручители (свидетели) на свадьбу проживавшего в Уфе отстав-

---

[1] *Резанцов П.Г.* Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии). Уфа, 1873. С. 7–8, 30–31, 36–38.

[2] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. Прибавление к 1-й части. Б. п.

ного генерал-майора Николая Ивановича Темникова. В престижной дворянской Александровской церкви 57-летний генерал повёл под венец 30-летнюю Марию Степановну Прокопович. В поручителях были одни офицеры[1].

В Уфе Эдуард Карлович не приобрёл недвижимости, семья проживала или на съёмных квартирах, или обитала в городских казармах на улице Александровской. Ещё в 1873 г. Э.К. Штанге за службу на Кавказе было пожаловано императором Александром II 200 дес. земли в Кубанской области, а затем им же разрешено купить 2038 дес. земли в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии, что и было сделано[2]. Но, видимо, участок затем продали, в списках землевладельцев края Штанге нет.

Служба Эдуарда Карловича в Уфе была должным образом отмечена. 30 мая 1870 г. он был награждён орденом Святой Анны 2-й степени за отличие по службе, 2 сентября 1871 г. орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет беспорочной службы в офицерских чинах, а 1 июня 1874 г. орденом Святого Владимира 3-й степени за отличие по службе.

Во время проживания в Уфе Эдуард Карлович страдал от последствий контузии, полученной им ещё в 1847 г. во время штурма аула Гергенбиль. 28 мая 1875 г. он был причислен к 3-му разряду Александровского комитета о раненых и ему по медицинским показаниям было разрешено носить фуражку вместо введённого тогда в русской армии кепи.

В 1867 г. Российская империя присоединилась к Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и в Санкт-Петербурге было создано под высочайшим покровительством императрицы Марии Александровны Общество попечения о раненых и больных воинах под флагом Красного Креста (в 1879 г. переименовано в Российское общество Красного Креста, РОКК).

Задачей Общества было оказание благотворительной помощи (медицинской, денежной или вещественной) военнослужащим, пострадавшим во время военных действий. В мирное время Общество должно было заниматься сбором средств на случай начала войны[3]. После учреждения Общества в Санкт-Петербурге по всей Российской империи стали активно созда-

---

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 17. Л. 39 об. – 40.

[2] Согласно послужному списку сына Э.К. Штанге Александра в 1915 г. никакого недвижимого имущества за семьей не числилось (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 163243. П/с 115-033).

[3] Помощь гражданскому населению при стихийных бедствиях в мирное время русский Красный Крест стал оказывать с 1872 г. Но официально это было закреплено в уставе Общества лишь в 1893 г.

ваться его отделения на местах.

Возникло местное управление Общества попечения о больных и раненых воинах и в Уфимской губернии, а полковник Штанге был избран его членом. Кроме того Эдуард Карлович состоял членом Уфимского губернского попечительного комитета о тюрьмах, членом-благотворителем Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества и членом окружного правления отделения Общества подаяния помощи при кораблекрушениях. Супруга с 1876 г. руководила Дамским комитетом Уфимского местного управления общества попечительства о раненых и больных воинах.

30 августа 1876 г. Э.К. Штанге был произведён в генерал-майоры за отличие по службе.

В том же году генерал-майор Штанге был избран председателем Уфимского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах. Предполагая скорое начало большой войны, генерал энергично взялся за преумножение средств управления. Во многом благодаря его деятельности управлению удалось во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сформировать и отправить на театр военных действий подвижный госпиталь на 100 человек, укомплектованный медицинским персоналом в количестве 32-х человек.

За свою деятельность на посту председателя Уфимского местного управления генерал-майор Штанге 18 июня 1879 г. был удостоен высшей награды Российского общества Красного Креста – знака Красного Креста.

29 ноября 1879 г. Эдуард Карлович был награждён орденом Святого Станислава 1-й степени за отлично-усердную службу.

В октябре 1881 г. должности губернских воинских начальников в Российской империи были упразднены. Новой должности по военному ведомству Э.К. Штанге не получил, но был оставлен на действительной службе за штатом с зачислением по армейской пехоте, продолжая занимать должность председателя Уфимского местного комитета РОКК.

Полученное свободное время Эдуард Карлович использовал для написания мемуаров. В 1882 г. в единственной местной газете «Уфимские губернские ведомости» выходят воспоминания землевладельца Уфимской губернии генерала Э.К. Штанге о штурме Гуниба[1]. Это крайне слабо используемый в научной литературе источник – мемуары в провинциальной прессе о важнейших событиях отечественной истории, в которых принимали непосредственное участие жители российской глубинки.

[1] Уфимские губернские ведомости. 1882. 31 июля, 7 августа (№ 30 и 31).

Летом 1882 г. здоровье Э.К. Штанге пошатнулось и ему был поставлен диагноз «ожирение сердца». 18 января 1883 г. Эдуард Карлович скоропостижно скончался от инфаркта. Материальное положение семьи тогда было непростым и средства на похороны вдове пришлось взять в долг[1]. 20 января генерал-майор Штанге был погребён в Уфе на Старо-Ивановском кладбище, отпевали бывшего губернского воинского начальника в кладбищенской Иоанно-Предтеченской церкви[2], находившейся недалеко от казарм местного гарнизона.

Местная пресса почтила память ветерана Кавказской войны и георгиевского кавалера некрологом[3], затем вышла большая биография генерал-майора Э.К. Штанге[4]. В Уфе осталась вдова, дети уже начинали самостоятельную жизнь. Оба сына выбрали карьеру военного, учились в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Старшую дочь Эдуард Карлович успел выдать замуж.

Варвара Эдуардовна Штанге училась в Смольном институте благородных девиц в Санкт-Петербурге, но в 1880 г., за два года до окончания, вынуждена была покинуть его из-за вредного влияния северного климата на её здоровье и вернуться к родителям в Уфу. 17-летняя Варвара Эдуардовна 19 апреля 1881 г. в дворянской Александро-Невской церкви, тоже рядом с гарнизонными казармами, обвенчалась с 29-летним юристом, товарищем (заместителем) губернского прокурора, коллежским ассесором Сергеем Николаевичем Баумгартом[5]. Он заведовал Белебеевским уездом, где молодожёны и проживали.

Вдова, Анастасия Александровна Штанге оказалась в сложном положении. Генерал на службе Отечеству не скопил богатств и после похорон, 27 января 1883 г., вдова обратилось в Главный штаб с просьбой о выдаче ей единовременного пособия на покрытие издержек по лечению и похоронам мужа. 14 февраля 1883 г. прошение вдовы было доложено императору Александру III, который повелел выдать ей 400 рублей из сметных сумм Главного штаба[6].

Вторая дочь, Анастасия Эдуардовна Штанге в июне 1882 г. окончила Смольный институт и вернулась в Уфу, где стала членом Уфимского дамского комитета РОКК, в котором председа-

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 7849. Л. 6.
[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 24. Л. 180 об.
[3] Уфимские губернские ведомости. 1883. 22 января.
[4] Там же. 5 февраля.
[5] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 22. Л. 38 об.
[6] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 7849. Л. 6 и об., 19.

тельствовала тогда её мать[1]. Обе проживали вместе, Анастасия Александровна, как и муж, активно участвовала в благотворительной деятельности, являясь сначала членом, а с 1876 г. председательницей Дамского комитета Уфимского местного управлении Общества попечения о больных и раненых воинах, а также членом-благотворительницей Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества[2]. По справочнику за 1889 г. мать и дочь Штанге уже не упоминаются в членах благотворительных организаций.

По всей видимости, в 1880-е гг. вдова с дочерью уехала из Уфимской губернии, как и зять С.Н. Баумгарт. В метрических книгах Анастасия Александровна Штанге не встречается среди крёстных, хотя раньше её приглашали в семьи офицеров.

Николай Эдуардович Штанге, как и старший брат, окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. В 1887 г. поступил вольноопределяющимся в 1-й Туркестанский стрелковый батальон. В 1889 г. выдержал экзамен на производство в первый офицерский чин и в 1892 г. был произведён в подпоручики. В 1893 г. уволен в запас и назначен земским начальником 6-го участка Камышловского уезда Пермской губернии. В 1913 г. произведён в статские советники. С 1893 г. был женат на дочери действительного статского советника Наталье Сергеевне, урождённой Петровой (1870–?). Имел сына Всеволода, родившегося 15 апреля 1896 г.[3] В 1916 г. Николай Эдуардович занимал должность председателя Земского съезда (заведующего земскими начальниками) Кунгурского уезда Пермской губернии[4].

В Уфу вернулся только старший сын генерала. Александр Эдуардович Штанге окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1884 г. произведён в подпоручики с назначением в 66-й пехотный Бутырский полк. В 1894 г. в чине штабс-капитана зачислен в запас и назначен земским начальником 6-го участка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Именно в этом уезде его отцу ранее было разрешено купить казённую землю. Прослужив в Уфим-

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 7849. Л. 1, 17; *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 34, 80.

[2] *Резанцов П.Г.* Указ. соч. С. 31; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / Сост. В.А. Новиков и Н.А. Гурвич. Уфа, б. г. Отдел II. С. 25, 27.

[3] ГАПК. Ф. 38. Оп. 4. Д. 47. Л. 1–8.

[4] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 год. Ч. II. Пг., 1916. Стб. 252.

ской губернии лишь три года (по 1897 г.)[1] А.Э. Штанге был назначен земским начальником 1-го участка Аккерманского уезда Бессарабской губернии. В 1905 г. получил должность непременного члена Бессарабского губернского присутствия, а в 1913 г. в чине коллежского советника назначен чиновником для особых поручений V класса при министре внутренних дел.

С началом Первой мировой войны призван в армию и назначен командиром роты 327-й пешей Псковской дружины государственного ополчения, которая находилась в тылу действующей армии на охране железных дорог, в звании заурядкапитана. В июле 1917 г. был переведён в 43-ю пешую Калужскую дружину государственного ополчения.

Был женат на дочери доктора медицины Вере Владимировне. Имел сына Вадима, родившегося 20 июня 1905 г. и дочь Татьяну, родившуюся 20 июля 1907 г. Также 2 августа 1896 г. определением Уфимского окружного суда А.Э. Штанге был усыновлен мальчик по имени Александр, по-видимому, его внебрачный сын[2]. В 1919 г. Александр Эдуардович Штанге состоял на службе в Петроградском губернском отделении Наркомата государственного контроля[3].

По всей видимости, именно у сына Александра хранился отцовский архив. Когда в 1909 г. в стране отмечалось 50-летие покорение Кавказа, на могиле генерала Э.К. Штанге на Старо-Ивановском кладбище (значит, стоял памятник) и в Александро-Невском храме Уфы прошли панихиды. Пресса, при участии сына А.Э. Штанге, отметила кавказского героя[4]. А затем в газете выходит статья Э.К. Штанге «Действия 2-го баталиона Ширванского полка под Гунибом»[5].

Генерал-майор Эдуард Карлович Штанге стал одним из героев Кавказской войны и штурма аула Гуниб, более 15 лет проведя на Кавказе в боях и походах. Затем 13 лет он служил на должности губернского воинского начальника в Уфе, где не только отлично исполнял прямые служебные обязанности, но и, вместе с супругой, внёс большой вклад в развитие благотворительности на уфимской земле, являясь руководителем местного Красного Креста, что достойно памяти потомков никак не менее, чем его военные подвиги.

---

[1] Есть его личное дело: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1934.
[2] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 163243. П/с 115-033.
[3] См.: ЦГА СПб. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 5854.
[4] Уфимский край. 1909. 21 августа.
[5] Там же. 22 августа (в № 188 затем вышла работа «Взятие Гуниба»).

Д.В. Петров

Белебей в 1870–1880 годах в воспоминаниях Георгия Петровича Енишерлова

Привлечение и правильное методологическое использование мемуаров в качестве исторического источника существенно обогащает картину исследуемого вопроса. Значение мемуаров возрастает в том случае, если объект исследования ранее не представлял особого интереса со стороны историков, был освидетельствован главным образом сухими фактами официальных документов. В этом случае подобный вид источника позволяет оживить историческую картину, сделать её более реалистичной.

Во второй половине XIX в. в России активизировалось революционное движение среди студенчества. К наиболее громким событиям следует отнести известное «Нечаевское дело», соучастником которого стал студент Петербургского технического университета Георгий Петрович Енишерлов (1850–1913).

Краткая его биография появилась в справочнике о деятелях революционного движения: «Енишерлов, Георгий Петрович, двор., с. землевлад. Харьковск. губ., Сумск. у., студ. Технолог. ин-та. Род. ок. 1849 г. Принимал деятельн. участие в петерб. студенч. волнениях 1868–69 гг., составлял и распространял студ. воззвания. В марте 1869 г. исключен из инст-та и скрылся. 24 апр. т. г. добровольно явился к моск. об.-полицеймейстеру, был арестован и 30 апр. т. г. доставлен в Петербург. По распоряж. шефа жандармов, выслан на родину в Харьковск. губ. Вторично арестован по нечаевск. делу и содержался в Петроп. крепости с 1 дек. 1869 г. по 9 марта 1870 г. и с 7 мая 1870 г. по 3 марта 1871 г.; был причислен к I группе сообщников Нечаева, но опред. гражд. кассац. деп. Сената судебное преследование было прекращено за недостатком улик. По освобождении из заключения в марте 1871 г. был выслан в Сумский у. (Харьковск. губ.), в имение отца с. Беловод. В 1872 г. самовольно приехал в Петербург и был за это выслан в г. Царев (Астраханск. губ.). В авг. 1873 г. бежал за границу, но в ноябре т. г. добровольно возвратился и был снова выслан под надзор полиции в Уфу; переведен затем в Белебей, а позднее в Стерлитамак»[1].

Уфимская губерния являлась традиционным местом ссылки, участники различных антиправительственных движений

[1] Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. I: От предшественников декабристов до конца «народной воли». Часть вторая – шестидесятые годы / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. М., 1928. Стб. 118.

здесь находились под надзором полиции, хотя жили и работали как обычные люди. Некоторые из политических деятелей оставили воспоминания, которые стали неотъемлемой частью уфимской мемуаристики, наибольшую известность получили воспоминания народника С.Я. Елпатьевского[1].

В числе оказавшихся в Уфимской губернии ссыльных был и Г.П. Енишерлов. В конце жизни он передал свои воспоминания и накопленные материалы в Румянцевский музей, ныне они хранятся в Москве в Российской государственной библиотеке. Опись дел фонда Енишерлова и краткое описание, составленное А.А. Дмитриевым в сентябре 1936 г., оцифрованы[2].

По этим данным родился Г.П. Енишерлов в 1850 г. в селе Беловод Сумского уезда Харьковской губернии в семье помещика. Формирование его характера, воспитание, недолгое участие в революционном движении проанализированы А.А. Дмитриевым, как и сами мемуары.

После уфимской ссылки Г.П. Енишерлов вернулся домой, служил в судебных структурах, в том числе у знаменитого харьковского предпринимателя и банкира А.К. Алчевского. Датой смерти Г.П. Енишерлова указано – после 1913 г.

Фонд Енишерлова составляет весьма обширную коллекцию из нескольких тетрадей воспоминаний и различных материалов, включая копии газет, фотографии и пр. А.А. Дмитриев в 1936 г. обратил внимание на уфимский период, куда тот согласился ехать, узнав, что его невеста Е.Х. Томилова вышла замуж.

«В Уфе Енишерлову долго не удавалось найти работу, на казённую службу не принимали, с трудом устроился он корректором в частной типографии. Но 3-е отделение ещё не выпускало Енишерлова из вида и вскоре, по так и не выясненным причинам, он был снова арестован и выслан из Уфы в гор. Белебей. Там занялся уроками с детьми местных обывателей, но очень скоро эти уроки были запрещены. Енишерлов обратился с прошением к губернатору, был вызван обратно в Уфу и получил для ссылки новое место – Стерлитамак, где ему удалось устроиться в качестве секретаря Крестьянского присутствия. Енишерлов подробно описывает порядки и работу этого недавно введённого учреждения, из которого он перешёл на работу в местную Земскую Управу, постепенно обращаясь в усердного канцеляриста, но тут вспыхнула новая любовь Енишерлова к "двойнику Томиловой" – купчихе Е.Я. Пыхтухиной. Дело дошло до того, что желая "освободить" возлюбленную из-под власти её мужа, Енишер-

[1] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984.
[2] См.: https://search.rsl.ru/ru/record/01004712889.

лов сделал попытку убить купца Пыхтухина, но своим выстрелом только ранил его. Вновь арест – покушение вызвало общее недоумение и Енишерлов был отправлен для освидетельствования в Казанскую психиатрическую лечебницу, где и пробыл девять месяцев. Путешествие по этапам в Казань в лечебницу и обратно в Уфу на суд хорошо познакомило Енишерлова с бытом провинциальных тюрем и дало ему материал для позднейших статей по тюремному вопросу.

Судебная палата признала невменяемость Енишерлова доказанной и освободила его от содержания под стражей, а департамент полиции ещё на 4 года продолжил только что снятый было надзор. После суда Енишерлов опять водворяется в Белебее, где и дождался наконец освобождения из-под надзора полиции. Свой "волчий билет", подлинное "удостоверение" Белебеевского исправника Енишерлов подклеил к тексту своих записок.

За время пребывания в Белебее Енишерлов, познакомившись со многими тамошними жителями, занялся просвещением молодёжи – устраивая "литературные чтения" (из "Русской Мысли" – Короленко, Надсон и Минский) и наконец возымел желание спасти двух местных девиц, дав им на свои средства образование. Для этого после своего освобождения одну из девушек он отвёз учиться в Новгород-Северский к знакомым, другую с той же целью переправил в Уфу; предполагалось, что по окончании гимназии девица станет женой Енишерлова, опять таки фиктивной»[1].

Итак, арест и последующая ссылка связала его с Уфимской губернией, где он в качестве поднадзорного находился весьма долгое время, с 1874 по 1886 г. География ссылки включала Уфу, Стерлитамак и Белебей. Но именно белебеевский период является самым продолжительным и наиболее содержательным, о чём свидетельствуют неопубликованные мемуары[2]. Всё увиденное и зафиксированное им, фактическая сторона описываемых событий, представляет несомненную ценность и вносит существенный вклад в историю небольшого уездного городка. Тем

---

[1] *Дмитриев А.А.* Обзор архива Енишерлова Г.П. // ОР РГБ. Ф. 100. С. 24–26. Енишерлов затем навсегда покинул Уфимскую губернию, проживавшие здесь однофамильцы к нему отношения не имеют. Например, 26 июля 1900 г. в Крестовоздвиженской церкви венчались уфимский купеческий сын Владимир Тимофеевич Комаров, вторым браком, 30 лет и дворянская усыновленная дочь Наталия Сергеевна Енишерлова, 20 лет (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 1. Файл 0450).

[2] Воспоминания Енишерлова Г.П. [Далее: Воспоминания] // ОР РГБ. Ф. 100 (Енишерлов Георгий Петрович: архивный фонд, 1869–1913), папка II, тетради 8, 9, 11, 12.

более, что количество мемуарных источников по дореволюционному Белебею, к сожалению, крайне невелико[1].

Далее приводятся наиболее значимые фрагменты воспоминаний Георгия Петровича Енишерлова о пребывании в Белебее, в квадратных скобках фиксируются исключённые разделы текста. Собраны воспоминания о Белебее из разных тетрадей в хронологической последовательности, в сносках приводятся комментарии об упоминаемых лицах, которые удалось найти по известным уфимским справочникам за 1873 и 1883 гг.

Первое впечатление о городе он описывает следующими словами: «Со станции Тюпкильды[2] мы повернули куда-то в сторону и утром на другой день приехали к каким-то горам, огибающим правильным полукругом большую котловину. В котловине показался острог, церковь и мечеть, а кругом на большом расстоянии какие-то подслеповатые, подгулявшие и покачнувшиеся в разные стороны деревянные домики плясали канкан: город состоял из одной только площади, но зато на этой площади спорно было хлопать разводу двум кавалерийским дивизиям; улиц не было, не только садов, но даже деревьев при домах я не заметил. Этот город и был Белебей… Это было в конце мая 1874 года. В мае 1886 г. я получил от моего милого друга лесничего Малевского[3] фотографию [панорама Белебея – *авт.*] с надписью "На память о смутных и весёлых днях, проведённых вместе в Белебее" [перевод с польского]»[4].

Первое знакомство с лицами города произошло именно с оказавшимися здесь, такими же, как и он, ссыльными: «Из ссыльных повстанцев[5] я застал в Белебее только двух: Кс. Капоника Сидоровича, уже освобождённого и собирающегося уезжать, и ещё одну странную личность, именовавшую себя Бароном фон Деоном. Остальные ссыльные были не политические: четыре контрабандера, три еврея, один польский цыган и несколько личностей осуждённых за мошенничество, например, […] обокрал своего отца, петербургского ювелира, за скандал-пьянство. В этой последней категории были коллежский асессор Гуревич и капитан Хромицкий, исключенный из полка, за разные безобразия»[6].

---

[1] См., напр.: *Грет В.* Из хроники одного города // «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М.И. Роднов. СПб., 2015.

[2] Ныне село в Туймазинском районе Башкортостана.

[3] Из польских повстанцев.

[4] Воспоминания. Т. 8. С. 285.

[5] Речь идет об участниках Польского восстания 1863–1864 гг.

[6] Воспоминания. Т. 8. С. 285.

Енишерлов заметил, что некоторые из ссыльных вписались в городскую среду, связав своё арестантское существование с профессиональной деятельностью. Так, Барон фон Деон по обстоятельствам и роду деятельности в городе – часовой мастер. В базарные дни на белебеевской площади устраивал кукольный театр на библейские сюжеты, вокруг которого «теснилась толпа чувашей и башкир»: «Зейн-зи! Смотри! Ай-да по пятачку»[1]. Шмеман Николай Васильевича[2] – «странная личность» с «библейской внешностью», свою арестантскую долю совмещал с врачебной деятельностью[3]. Осужденный за польское восстание Мензиховский был портным. С последним Енишерлов снимал жильё.

Пребывание во время ареста в съёмных квартирах дало ему возможность ознакомиться с жизнью преобладающего сословия города – мещанского. В частности, вместе с Мензиховским жили они на квартире у мещанина Жилкина, «очень умного мужика». «Жилкины были крестьяне, выписавшиеся в мещанство, чтобы избавиться от мирских неурядиц; крестьянского дела они не бросили и ежегодно арендовали под городом десятки десятин пахоты; долгов у них была полная чаша; во дворе три лошади, две коровы, овцы, птицы. Семья была трудолюбивая, согласная тихая, летом они часто ночевали в поле»[4].

Следующая категория жителей, подробно описанная Енишерловым, – отставные кантонисты-евреи, влившиеся в местное мещанство: «В Белебее с незапамятных времен проживало несколько десятков евреев, бывших кантонистов и николаевских служак, приписанных к городу по увольнении их от службы. Все они […] обзавелись семьями, имели детей и даже внуков, приобрели себе домишки и занялись кто торговлей, кто мастерскими»[5]. В частности, речь идёт о следующих знакомых ему евреях: «Пастернак[6] и его сослуживцы Хейфец[7], Бузман[8], Безпрозван-

---

[1] Воспоминания. Т. 9. С. 290.

[2] Шмеман Николай Васильевич – революционер, студент Императорской медико-хирургической академии, как участник террористической организации был сослан по делу 1871 г. в Вятку, сбежав, вновь оказался под надзором полиции – уже в Белебее (Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. 2: семидесятые годы. Вып. IV: С – Я / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. М., 1932. Стб. 2046–2048).

[3] Воспоминания. Т. 11. С. 420 об.

[4] Там же. Т. 9. С. 290.

[5] Там же. Т. 12. С. 457 об.

[6] Постернак Дормидонт Иванович – унтер-офицер, член городской управы.

[7] Хейфец Алексей Маркович – унтер-офицер, гласный городской управы.

[8] Бузман Абрам – 1822 г. р., бакалейщик, прибыл из Елабуги в 1871 г. (*Шкурко Э.А.* Очерки истории евреев Башкортостана. Уфа, 1999. С. 55).

ный[1] – все они происходили из евреев-кантонистов, взятых в роты ещё мальчиками; кроме Бузмана, все были крещены и женаты на русских; все они служили 25 лет. В местной инвалидной команде научились, обжились и открыли в городе мелочные лавчонки. Пастернака я застал уже приобретённым прочное положение; но Хейфиц тогда ещё лил сальные свечи; Бузман торговал только в базарное время и его обороты не превышали сотни рублей; Безпрозванный был цирюльником; все трое теснились со своими семьями в маленьких квартирках. Года через два после моего приезда у них появились уже постоянные лавки с годовым оборотом рублей на 1000 и более; приехав уже вторично в Белебей в 1883 г. я уже застал всех троих купцами и домовладельцами. Хейфиц был городским и земским гласным, вёл дела с Нижним, Ирбитом и Мензелинском. У него я учил детей»[2]. Небезынтересно указать в связи с этим один из фрагментов педагогической работы Г.П. Енишерлова: «Что касается моих учеников, то Рейхштадты были до безобразия затуплены безтолковою зубрячкою [зубрёжкой – *авт.*] старохалдейских "священных книг" по убийственной системе старинных еврейских раввинов. Много труда и муки я принял пока добился малейшей возможности заставить детей думать, а не зубрить»[3].

Важно отметить, что в первый период своего пребывания в Белебее занятия с детьми местных обывателей составляли основу его деятельности. Это позволило ему сблизиться также с представителями дворянского и купеческого сословий.

Среди самых близких знакомых он упоминает исправника Александра Петровича Алексеева[4], давшего ему официальное разрешение вести уроки. Далее, Енишерлов подробно вспоминает следующие лица: «Городской глава Полозов[5], известный более под названием Васятки, шесть лет тому назад был пастухом, потом мясником и наконец, купцом и домовладельцем. Директор банка Чуприков[6] [был – *авт.*] мальчишкою-посыльным, теперь во всем уезде у него винные склады и кабаки. Богаче его был купец Абдулла Супров, бывший лет десять тому назад приказчиком у казанского купца Юнусова, а теперь скупивший казну со всего края. Купец Коньшин, три раза обанкротившийся, воскре-

---

[1] Безпрозванный Пётр Виссарионович.

[2] Воспоминания. Т. 9. С. 290.

[3] Там же. С. 291.

[4] Алексеев Александр Петрович, штабс-капитан – уездный исправник, статский советник, почётный мировой судья.

[5] Полозов Василий Николаевич – городской голова.

[6] Чуприков Николай Михайлович – член земской управы, директор городского общественного банка, купец 2-й гильдии.

сал каждый раз всё счастливее как феникс из жерла. Купец Биглов очень умный и много над собой поработавший старик, обезличенный к несчастью запоем… Я любил поговорить с этим самородком и постоянно пользовался его библиотекою. Из местного чиновничества, кроме судебного следователя Старостина Якова Артемьевича[1] не было выдающихся тогда никого. Старостин пил без просыпу ежедневно. Пьяный он ездил по уезду, пьяный допрашивал подсудимых. И если бы не его жена, составлявшая протоколы и ведшая всю переписку, он давно бы подпал под суд. Его впрочем, терпели только до введения гласного судопроизводства»[2].

Подробно описывается Енишерловым ситуация в среде чиновников Белебея. В мемуарах имеется эпизод[3], в котором упоминается противостояние двух местных партий, составляющих по его словам «ядро земской управы». «Местные "монтекки" и "каппулетти"» – короткой шекспировской фразой характеризует он непростые отношения между Буниным и Авдеевым и их окружением. Председатель земского собрания собрания Бунин Иван Михайлович[4] и гласный земского собрания Авдеев Николай Васильевич[5], некогда вместе учившиеся и служившие, вновь оказались сведёнными на административном поприще уездного городка.

Второй период пребывания Енишерлова в Белебее приходится на 1883–1886 гг. К этому периоду стоит отнести воспоминания[6], связанные с досуговым времяпрепровождением представителей высшего общества города. Енишерлов описывает литературные вечера с чтением стихов, обсуждением «Нивы» и «Русской мысли», проводимые в доме майора Садовского[7]. По его словам, Садовские – «первая семья, заставившая меня поверить в возможность истинного семейного счастья, основанного на разумных началах взаимоуважении, любви, трогательной внима-

---

[1] Старостин Яков Артемьевич (1846–1879) – выпускник юридического факультета Петербургского университета, поэт, переводчик, получивший литературную известность по смерти (о нём, например, см.: *Свище Я.С.* Возвращение поэтов. Яков Артемьевич Старостин (1846–1879) // Истоки (Уфа). 2018. № 16).

[2] Воспоминания. Т. 9. С. 290 об. – 291.

[3] Там же. С. 301 и об.

[4] Бунин Иван Михайлович, штабс-ротмистр – председатель уездного дворянства и уездной земской управы.

[5] Родной брат известного либерального критика и писателя Авдеева Михаила Васильевича (1821–1876).

[6] Воспоминания. Т. 11. С. 422 об. – 425.

[7] Садовский Андрей Степанович, майор – уездный воинский начальник, начальник местной воинской команды.

тельности друг к другу… Они умели быть счастливыми и делали счастливыми окружающих»[1]. Сама атмосфера семьи стягивала сюда белебеевскую знать, среди которых упоминаются Алексеевы, Бунины, Авдеевы, Гарины[2], Соколовы[3], Малевский, Тевкелев[4], Сыртланов[5], Веретенникова[6] и прочие лица.

«После отъезда Садовского, – пишет далее Енишерлов, – Белебей мало по малу стал превращаться в заурядный захолустный городишко с картами, пьянством, пересудами, взаимным ненавистничеством. Из моих добрых знакомых в нём остались ещё Соколовы, да изредка заглядывал из своего участка Малевский, и два-три дня, которые он проводил со мной под моей крышей, бывали для меня праздником. С семьями Ляховых, и нового воинского начальника Ильяшевича, ведшего совершенно замкнутую жизнь я ещё не был близко знаком»[7].

Таким образом, воспоминания Енишерлова свидетельствуют о том, что мемуары могут раскрыть совершенно новый, непривычный для истории образ прошлого. В памяти автора Белебей конца XIX в. – город с уникальной жизнью, пёстрым составом обывателей, интересными личностями, судьба которых свела их сюда из разных точек империи. Мемуары Г.П. Енишерлова содержат немало любопытной информации также по истории Стерлитамака и Уфы и заслуживают дальнейшего изучения.

---

[1] Воспоминания. Т. 11. С. 423.

[2] Гарин Петр Тимофеевич – уездный лесничий.

[3] Соколов Яков Николаевич – лекарь земской больницы.

[4] Тевкелев Константин Павлович, гвардии полковник – гласный уездного земства.

[5] Сыртланов Шахайдар Шахгарданович, капитан – почётный мировой судья.

[6] Веретенникова А.И. (1855–1888) – выпускница Императорской медико-хирургической академии, двоюродная сестра В.И. Ленина, известная по «Запискам земского врача». Примечательно, что она пишет о Садовских с такими же тёплыми воспоминаниями: «Славные это были люди, чуткие и отзывчивые на всё хорошее и гуманное в лучшем смысле этого слова! Они выписывали много журналов, газет, читали, и у них собирались все, что было мало-мальски свежего и хорошего в Белебее и его окрестностях» (*Веретенникова А.И.* Записки земского врача (Отрывок) // Башкирия в русской литературе, в шести томах. Т. 2 / Предисловие и пр. М.Г. Рахимкулова. Уфа, 1990. С. 350).

[7] Воспоминания. Т. 12. С. 441.

***Маргарита Зарудная-Фриман*[1]**

Воспоминания (Урал и Уфа, 1917–1918 годы)

В Нижнем Новгороде нам предстояло пересесть на большой пароход, который ходил по Волге. Стояла весна, река разлилась, вышла из берегов и затопила все окрестные поля. Считалось, что это очень хорошо для весеннего сева. Для нас разлившаяся река была чем-то невероятным: по обеим сторонам корабля земли не было видно! Пароход осторожно продвигался по руслу реки, а нам казалось, что мы плывем по морю.

Через несколько дней пароход доплыл до устья Камы и поплыл по ней вверх. Берега стали ближе, и были хорошо видны холмы, леса и редкие деревни. С Камы пароход повернул на реку Белую и в конце концов дошел до Уфы, где папа[2] встретил нас.

Теперь наш путь лежал к Уральским горам по железной дороге. Поезд наполовину состоял из товарных вагонов, с которыми нам пришлось так близко познакомиться потом, а наполовину – из обыкновенных пассажирских вагонов. В один из них мы все и сели.

Очень скоро начались горы. Мы раньше никогда не видели гор и смотрели на них как зачарованные. Довольно быстро доехали до маленькой станции Вязовая, где надо было выгрузиться в страшной спешке – поезд останавливался совсем ненадолго. Отсюда в Белорецк шла узкоколейка[3]. Поезд на узкоколейке был

---

[1] Зарудная-Фриман Маргарита Ивановна (1908–2008) – старшая дочь в семье Ивана и Елены Зарудных. В 1926–1930 гг. училась в Политехническом институте в Харбине, в 1932–1934 гг. продолжила образование в Массачусетском технологическом институте (МТИ) в США по специальности «электротехника». Много лет была сотрудником компании «Дженерал Электрик», затем до выхода на пенсию преподавала прикладную математику в МТИ. Автор переведённых на русский язык мемуаров.

[2] Зарудный Иван Сергеевич (1875–1933) – отец М.И. Зарудной-Фриман, инженер. Первоначально получил профессию моряка, в 1893 г. был выпущен гардемарином из Морского кадетского корпуса, однокурсник будущего адмирала А.В. Колчака, принимал участие во многих дальних плаваниях. В 1899 г. был вынужден по болезни оставить морскую службу, в 1901 г. получил диплом на Урале. Вместе с большой семьей, в которой родилось шестеро детей, скитался в поисках работы по России. В 1917 г. был приглашён на Белорецкий завод. В 1919 г. оставил семью в Омске и отступил с войском Колчака. С 1920 г. в эмиграции в Японии, затем в Харбине, работал на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

[3] Белорецкая узкоколейная железная дорога была построена в 1910–1914 гг. годах для нужд Белорецкого металлургического комбината. В 2007 г. дорога была демонтирована.

гораздо меньше, с маленькими вагонами. Трясясь и грохоча, мы проехали ещё 150 вёрст и наконец приехали в Белорецк.

Белорецк

Белорецк – заводской город[1]. Здесь был сталелитейный завод, руда для которого добывалась на близлежащей горе Магнитной, знаменитом месторождении железа. Говорили, что у человека, залезшего на гору, останавливались часы – такое сильное там было магнитное поле. Теперь поблизости от того места вырос большой индустриальный город Магнитогорск. Дом наш тут был меньше, чем на Выксе. При нём имелись сад и конюшня. Дом стоял на высоком берегу реки Белой, той самой, по которой мы плыли в Уфу. Здесь река была уже и мельче, и плыть по ней можно было только на лодке. Сверху было видно, что берега и дно реки покрыты мелкими камешками. Спуска к реке от дома не было.

С самого начала отец занялся сооружением пристройки к дому со стороны реки, от чего гостиная стала больше, с окном во всю стену, откуда открывался вид на реку. Нам нравилось ходить по недостроенной комнате, пахнущей свежим деревом, и смотреть через огромное стекло на реку, где местные мальчики ловили раков. До нашего приезда они ловили их просто так, для развлечения, но обнаружив, что мы их едим, стали приносить раков целыми ведрами и смеялись, потому что для них это было что-то совсем несъедобное.

Жизнь понемногу устраивалась, но шла она уже не так легко и удобно, как на Выксе. У нас не было отдельной классной комнаты, и сад был совсем не такой уютный, как там. Кроме того, Маня и няня были заняты гораздо больше, пока не приехала Зуза со своим мужем, которого папе удалось перевести на работу в Белорецк. Они поселились по соседству, но теперь Зуза ждала ребенка и уже не могла столько времени проводить у нас в доме.

Наш кузен Женя Кавос тоже переехал в Белорецк. У них теперь рос сын Бум. Поселились они недалеко от нас, и я часто к ним ходила.

Помню один случай из нашей жизни в Белорецке. Рабочие закапывали канаву вокруг фундамента нашей новой пристройки. Один из них коснулся лопатой проволоки, привязанной к

[1] Белорецк – до 1923 г. посёлок Белорецкий завод. В 1917 г. здесь проживало около 18 тысяч человек. Помимо завода в посёлке была одна больница на 15 коек, два здравпункта, в которых работали один врач и шесть медицинских работников, библиотека, клуб, десять (одноклассных) школ, частная гимназия. Единственный тротуар длиной 145 метров был проложен от церкви до волостного правления.

водосточной трубе на конюшне, и полетели искры. Дело было в том, что электрический провод, идущий к ближайшему столбу, касался металлической крыши конюшни, так что и крыша, и труба, и проволока оказались заряженными. Один из концов проволоки был привязан, а другой свободно свисал, и когда я вышла из дома посмотреть на работу, рабочие предупредили меня, чтобы я его не задела. Уверенная, что всё знаю об электричестве, я ответила, что, если захочу, могу до проволоки дотронуться, надо только надеть галоши. Я знала, что резиновые галоши изолируют меня от земли и ток через меня не пойдет.

Мужчины рассмеялись и мне не поверили. Я решила доказать своё, отправилась домой и вернулась в галошах. Совершенно уверенная в своей правоте, я схватилась рукой за проволоку, и к удивлению рабочих, со мной ничего не случилось. Воодушевлённая успехом, я схватилась за проволоку второй рукой, и меня тряхнуло так, что я помню до сих пор. Под хохот рабочих я побежала домой, плача, и навсегда отучилась хвастаться своей учёностью.

Мама[1] опять стала работать в местной вечерней школе. Судя по скупым замечаниям в папином дневнике, она кроме школы была связана с несколькими организациями в городе. Я знаю, что там была культурно-просветительная группа, занимавшаяся вопросами образования, политическая группа социал-революционеров, гражданский комитет, имевший дело с городскими проблемами, и женский комитет, но с какими именно из них была связана мама, я не знаю.

Настроение в городе было неспокойное. Среди рабочих было около сотни большевиков[2], выступавших против Временного правительства, отец же работал в согласии с теперешними властями. Рабочие часто собирались по вечерам на митинги, где выдвигали требования, неприемлемые для администрации[3].

---

[1] Елена Павловна Зарудная (1883–1921) – мать М.И. Зарудной-Фриман. Учительница. Дочь художника Павла Брюллова, родного брата знаменитого художника Карла Брюллова. Училась на Бестужевских курсах, принимала участие в студенческих митингах и даже вступила в социал-демократическую партию, сменив её вскоре на партию эсеров, почему и находилась под наблюдением полиции. Выйдя замуж за Ивана Зарудного, вынуждена была смирить свой «революционный пыл» и в 1911 г. партию покинула. Но своим убеждениям не изменяла. В годы революции и гражданской войны работала учительницей истории в городах Урала и Сибири. Расстреляна в 1921 г. в Омске по обвинению в принадлежности к подпольной группе эсеров.

[2] Белорецкий комитет РСДРП(б) организован 7 апреля 1917 г. К концу апреля в партийной группе состояло 28 чел., в январе 1918 г. – 102 человека.

[3] Собрания и митинги, как правило, созывались профсоюзом. Профсоюз

В июле из столицы пришли еще более тревожные новости.

Попытки Временного правительства продолжать войну с Германией наталкивались на общую усталость от войны. Армия быстро теряла дисциплину под воздействием большевистской агитации. Дезертирство усиливалось, транспорт был в беспорядке, в городах стало остро не хватать еды. В Петрограде происходили массовые демонстрации, некоторые из большевистских лидеров были арестованы[1]. Во главе Временного правительства стал Керенский. Александр Зарудный[2] – наш дядя Саша – занял пост Министра юстиции.

События, происходившие в больших городах, эхом докатывались до Урала. Помню, как мама однажды критически отозвалась о Керенском. Я была потрясена: я считала, что все люди в новом, революционном правительстве – великие герои. «Ты что же, думаешь, ты смогла бы лучше сделать, чем Керенский?» – спросила я маму. Помолчав немного, она серьезно сказала: «Да, могла бы лучше», что меня совершенно поразило.

В Америке русскую революцию горячо приветствовали. Война теперь обрела смысл как средство «сохранить мир для демократии». В апреле 1917 года Америка объявила Германии

рабочих и служащих Белорецкого завода был создан в июне 1917 г. В нём состояло 3500 чел. Недовольство было обоснованным. Положение рабочих в годы войны резко ухудшилось. Тяжелая жизнь стала невыносимой. Рабочий день длился 10–12 часов, кроме того, применялись сверхурочные работы. Резко ухудшилось продовольственное снабжение. За период с апреля по июнь 1917 г. на предприятиях «Акционерного Общества Белорецких железоделательных заводах», а также на Зигазинском заводе по требованию рабочих было смещено 20 служащих из руководящего состава.

[1] В ходе событий 3–5 июля в Петрограде 1917 г. большевики попытались захватить власть с помощью кронштадтских матросов. Мятеж был подавлен, В.И. Ленин бежал и скрылся в подполье в Финляндии. Несколько лидеров большевиков, включая Л.Д. Троцкого были арестованы.

[2] Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934) – российский адвокат, политик. Родной брат Ивана Зарудного. Выступал защитником во многих громких политических процессах в начале XX в.: процесс над террористами-эсерами в 1905 г., севастопольское восстание 1906 г. (дело лейтенанта П. Шмидта), дело террористов, разрабатывавших план покушения на Николая II в 1907 г. Также его подзащитными были литераторы и издатели, которых обвиняли в публикациях, направленных против действующей власти. Большую известность получили его слова о том, что не подчиняться власти или противостоять ей, когда её требования преступны и незаконны – это вынужденная мера защиты, но не преступление. После Февральской революции 1917 г. Зарудный принимал участие в формировании новой политической системы, занимал пост товарища министра юстиции. При советской власти Александр Сергеевич отошел от партии социалистов. Он преподавал в высших учебных заведениях, выступал в судах в качестве защитника по уголовным делам.

войну.

Стремясь удержать Россию в состоянии войны, президент Вильсон в июне отправил в Петроград через Владивосток и Транссибирскую железную дорогу специальную комиссию, которая составила вполне оптимистический отчет. Лишь один член комиссии был далёк от оптимизма – он пробыл в России дольше других и пришёл к мнению, что Россию уже ничто не спасёт. Это был Чарльз Крейн[1] – промышленник, либерал и русофил, друг Лафоллетта, Брандайса и Вильсона. Тот самый Чарльз Крейн, что позднее сыграл важную роль в истории нашей семьи.

Приближались выборы в Учредительное собрание, назначенные на ноябрь. Мама принимала активное участие в избирательной кампании, агитировала рабочих принять участие в голосовании. Партия эсеров, которой мама сочувствовала, имела сильную поддержку среди крестьян благодаря своей программе раздела земли. Их лозунги были «Землю трудящимся!» и «Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование». Однако здесь, в Белорецке, население в основном состояло из заводских рабочих, среди которых более популярны были большевики, выступавшие за диктатуру пролетариата и обобществление земли. Мои родители, похоже, оказались «на неприятельской территории».

Как-то утром, проснувшись, мы застали весь дом в тревоге и напряжении. Папы не было дома, он вернулся к полудню, расстроенный и усталый. Оказалось, что в середине ночи его срочно вызвали на завод – произошёл взрыв доменной печи, и погибло много рабочих[2]. Мастер цеха был страшно избит, и отец ходил навестить его в больнице.

Потом мы узнали, что забастовали рабочие, работавшие на этой печи[3]. Все объяснения администрации, что нельзя сразу прекратить топить доменную печь, поскольку ей надо остывать постепенно, были бесполезны. Печь взорвалась. Бастующие рабочие, обе смены, по шесть человек в каждой, демонстративно бродили в этот момент около печи. Все двенадцать попали под град раскалённых кирпичей и горящей расплавленной руды. Все

---

[1] Чарльз Ричард Крейн (1858–1939) – состоятельный американский бизнесмен, наследник крупного промышленного состояния. Благодаря широким бизнес-интересам участвовал в государственной и международной политике (в Восточной Европе и на Ближнем Востоке). В 1917–1918 гг. Крейн действовал в России как личный представитель президента США Вудро Вильсона. Был активным противником октябрьского переворота 1917 г.

[2] 29 августа 1917 г. взорвалась одна из домен: горячий газ, вырвавшийся из печи, спалил восемь человек. Не прошло и месяца, как в той же домне произошел второй взрыв – сгорело ещё шесть человек.

[3] В 1917 г. на Белорецком заводе были 2 доменные и 3 мартеновские печи.

двенадцать погибли.

Весь город был в трауре. Состоялись массовые похороны и панихиды в церквях. Отец на всех присутствовал. Рабочие всё ещё не понимали, что взрыв случился как неизбежное следствие того, что остановили загрузку печи топливом. Опять начались митинги и переговоры с рабочими. Отец почти не приходил домой.

Рабочие были настроены воинственно, а большевики, старавшиеся настроить их против администрации, хорошо понимали, что жертвы только увеличивают недовольство, и подстрекали к новым забастовкам. При этом доменная печь опять заработала, потому что всё производство зависело от выплавки чугуна, а продукция завода была необходима – война ещё продолжалась. Несмотря на все предупреждения, можно было ждать повторной забастовки с неизбежным взрывом.

Посреди дня завыли гудки – жуткий, убийственный звук, – и стало ясно, что опять что-то случилось. Мимо нашего дома к заводу бежали люди. Мы стояли на пороге, стараясь понять, что стряслось. Мама стояла тут же, бледная и встревоженная, в смертельном страхе за отца, который тоже был на заводе.

Уже в сумерках отец вернулся домой. Сказал, что печь взорвалась опять и опять вся смена – шесть человек – погибла.

Рабочие из других цехов, вновь подстрекаемые агитаторами, ворвались в контору администрации и избили главного инженера. Сейчас он в больнице.

Снова похороны. Подавленное, зловещее настроение. Чтобы успокоить рабочих, были сформированы комитеты и прошли митинги. Печь опять починили, и она опять стала работать.

Октябрьская революция

Октябрьская революция, в ходе которой к власти пришли большевики, произошла 25 октября по старому стилю (7 ноября – по новому) 1917 года. Но всё-таки сохранялась надежда, что Учредительное собрание примет конституцию и в России появится всенародно избранная власть.

Из Петрограда пришли вести, что 15 ноября умерла тётя Катя. Известия о голоде настолько подействовали на неё, что она уморила себя голодом, будучи «не в состоянии есть, когда так много людей голодает». Помню заупокойную службу в церкви: бледный Женя, печальные лица мамы и отца.

Вскоре после этого заболел Женя. Говорили, что это тиф, хотя, наверное, это был полиомиелит. Женя справился с болезнью, но у него отнялись ноги, и всю оставшуюся жизнь он ходил на костылях.

Мой девятый день рождения и Рождество прошли в атмо-

сфере, далеко не праздничной, хотя мама с папой старались развлечь детей и зажгли для нас Рождественскую елку. Казалось, что-то ужасное надвигалось, но никто не знал что.

И я ясно помню чувство безысходности, когда жуткий вой сирены раздался в Белорецке в третий раз – печь снова взорвалась, опять из-за забастовки. В городе началась паника. Мама ужасно боялась, что на этот раз пострадает отец. К счастью, опыт предыдущих взрывов уже чему-то научил людей, и около печи никого не было, поэтому никто не погиб, хотя некоторые серьёзно обгорели. Но даже облегчение от вести, что все живы, не могло развеять чувство обречённости.

На всю жизнь я запомнила, как по улице бежал забинтованный с головы до ног человек. Он, видимо, страдал от невыносимой боли и сбежал из госпиталя. Бинты развевались за ним на бегу.

Выборы в Учредительное собрание прошли в декабре[1]. Оно открылось в Петрограде 5 января 1918 года. Большинство составляли не большевики, а члены других партий, поэтому собрание на следующий день было разогнано. Законно избранные делегаты вернулись домой и образовали очаги оппозиции по всей стране.

В Белорецке большевики теперь имели поддержку из центра и начали забирать власть в свои руки и в городе, и на заводе[2]. Руководил ими старый революционер П.В. Точисский[3]. К февралю они уже полностью контролировали город и шаг за шагом приближались к полному контролю над заводами.

Ночью 17 февраля 1918 года к нам в дом пришли несколько человек. Они обыскали весь дом, вытаскивали ящики стола, шарили в шкафах, рылись в бумагах. Проснувшиеся от шума дети перепугано смотрели, как эти люди арестовали и увели маму и папу.

На следующий день Маня узнала, что они отправлены в уфимскую тюрьму. Весь дом остался на Мане. Друзья наших ро-

---

[1] По итогам выборов по Белорецкому округу большевики получили 38% голосов, эсеры около 40%.

[2] В январе 1918 г. завод Белорецка был национализирован большевиками и объединён в крупный округ с другими заводами, во главе которого встал большевик П.В. Точисский.

[3] Точисский Павел Варфоломеевич (1864–1918), профессиональный революционер, большевик. Один из первых организаторов марксистских кружков в Санкт-Петербурге. В марте 1917 г. приехал на Белорецкий завод. В апреле 1917 г. организовал и возглавил в посёлке Белорецкий завод комитет РСДРП(б). Зимой и весной 1918 г. вёл беспощадную борьбу с контрреволюционерами, широко применял репрессии по отношению к политическим противникам.

дителей старались помочь Мане советами. Ей ведь было всего двадцать три года, и раньше она никогда ничем не распоряжалась. Няня хорошо справлялась с кухней и с маленькой Зоей, но она была неграмотна, и от неё было мало помощи в более сложных вещах. Фрейлейн Мари вышла замуж за чешского офицера и уехала с ним из Белорецка. Зуза, кухарка, только что родив ребенка, тяжело болела после родов. Женя и Верочка старались изо всех сил, но Женя был парализован, у Верочки на руках маленький ребенок и беспомощный муж, да и, кроме того, Верочка отнюдь не была активным или ответственным человеком – в трудных ситуациях она всегда опиралась на маму. В довершение всего младшие дети заболели коклюшем, и няня просто сбивалась с ног.

Следующие два месяца мы прожили в том же самом доме. Маня и няня старались поддерживать обычную повседневную жизнь.

18 марта 1918 года в городе была установлена советская власть[1].

Маня не знала, что делать. Сообщения со столицей почти не было. Я уверена, что она пыталась писать нашим дядям и тётям, которые и сами были беспомощны в Петербурге среди вихря арестов, смены правительств.

Новое советское правительство 3 марта 1918 года заключило односторонний мир с Германией. Этот мир означал для России потерю очень большой части её территории. В стране началась Гражданская война.

Мы были отрезаны от мира в маленьком городке, от которого до магистрали надо было ехать по узкоколейке, да и та была в ведении местных властей и поезда ходили от случая к случаю.

В марте 1918 года пришла весть о смерти Жениного отца Евгения Цезаревича Кавоса. Опять панихида, на этот раз без мамы и папы. Женя на костылях, и по лицу его текут слезы. Я потрясена – я не знала, что мужчины могут плакать! Женина пе-

[1] Несмотря на то, что власть в центре осенью 1917 г. перешла в руки большевиков, на местах ещё долгое время в Советах оставались эсеры и меньшевики. Более того, в Совете Белорецка они даже преобладали. Борьба между местным Советом и группой большевиков во главе с Точисским в посёлке то затихала, то вспыхивала с новой силой. В середине марта 1918 г. власть эсеро-меньшевистского Совета была свергнута силой с помощью красногвардейского отряда, прибывшего в Белорецк по просьбе П. Точисского. 1 апреля был выбран под контролем вооружённых бойцов этого отряда большевистский Совет. В апреле численность большевиков в Белорецке достигла 2000 человек.

чаль так меня захватила, что я ни о чём больше не могла думать. Я писала ему многочисленные записки. Сейчас, когда ни мамы, ни папы, ни даже фрейлейн Мари не было, я чувствовала себя одиноко и целиком жила этим чувством к Жене. Я убегала из дому и потихоньку от всех бежала к ним и из-за двери слушала целый час, как он играет на скрипке, а Маня в это время с ума сходила, разыскивая меня. Это было чувство, очень близкое к влюбленности, какое бывает у девятилетних детей.

Женя, наверное, тоже был тяжело подавлен: за один год он потерял и мать, и отца. Мои родители – его покровители и советчики – были арестованы, он сам превратился в инвалида и не мог помочь жене и маленькому сыну. В довершение всего он ещё узнал, что три его старшие сестры вынуждены были бежать из Петербурга, ничего не взяв с собой, и сейчас жили беспомощными изгнанницами в эстонском городе Ревеле.

Аресты в городе продолжались, не утихая[1]. Ходили слухи, что главный коммунист Точисский, ставший полновластным хозяином над жизнями людей в городе, теперь предпочитал допрашивать арестованных самолично, а не отправлять их в Уфу, а потом сам же и расстреливал некоторых из них у себя в подвале. Какое счастье, что маму и папу арестовали ещё до того. Точисского убили во время восстания в июле (и говорили, что его

[1] Об атмосфере, царившей на Белорецком заводе, рассказал местный обыватель Титов в газете «Уральский техник» от 1 сентября 1918 г.: «Белорецкий завод фактически находился во власти Павла Варфоломеевича Точисского – комиссара Белорецкого военного штаба. Так вот, несколько слов о Точисском. Из мимолётных наблюдений вырисовывается седовласый старик низкого роста, несколько обрюзглый с опущенными книзу (позапорожски) усами, коротко остриженными седыми волосами. Лицо с правильными чертами, жёсткими серыми глазами маньяка, безумца порой. Жутко было поймать взгляд этих остановившихся стекловато выцветших глаз. Глухой и однотонно грубоватый голос, себе в бороду, призывал на собраниях и митингах признать: "Сила выше права, да и вообще нет права, есть только сила и насилие. Насилие над пролетариатом, должно быть сменено насилием над буржуазией и саботажниками". Порой эта сила демонстрировалась на собраниях воронённым браунингом в его руках.

Точисский грозит и расстреливает, и ещё требует работы. Патрулям по дорогам отдаётся приказ зорко следить за администрацией предприятия, чтобы не сбежала. Администрацию, техников открыто зовут контрреволюционной сволочью и саботажниками.

Рабочие в массе трепетали, какое-то подавленное удивление широкими штрихами было разбросано по улицам обывателей Белорецка. Прибавьте к этому транспорты оружия, орудий, ящиков, разъезды. передвижения большевиков, вооружённых до зубов револьверами, ружьями, бомбами, шашками, словом, что не большевик, то целый арсенал. [...] А тут ещё слухи, шёпот о расстрелянных интеллигентах, рабочих, аресты и боязливые рассказы над арестованными и убиваемыми».

жена и дочь отказались забрать его тело для погребения)[1].

Мама и папа ехали от Белорецка до Уфимской тюрьмы с 18 февраля до 3 марта. Позднее, уже освободившись, отец записал в дневнике, как они прибыли в тюремную камеру:

Когда 3 марта н. ст. часов в 7 вечера нас привели в камеру номер 6 – 9 человек – то камера была уже раньше полна, сиречь все 22 койки были заняты. Мне уступили складную кровать в конце стола, а все остальные ночевали на полу. Нас угостили вкусным чаем с закусками, послушали наши рассказы и в 11 часов заставили замолчать и заснуть. В камере была весьма интересная и разнообразная компания интеллигентных людей в рубашках с расстёгнутыми воротниками, ибо было жарко. Пили чай, который нагревался тут же на железной печке, дающей сильный жар. Ночью же становилось холодно, и я, впервые тепло накрывшись, почувствовал холод снизу – так сказать, из матраса, который заменялся тонким холстом раздвижной кровати. Пришлось подложить под простыню брюки и пр., чтобы немножко загородиться от холода снизу. Я пришёл в камеру несколько позже других, и, очевидно, о моём приходе уже все были осведомлены Меня встретил, представившись, инженер Гаврилов Александр Алексеевич, секретарь Торгово-промышленного союза и городской электрический инженер – он же начал меня знакомить со всеми жителями камеры: горный инженер Николай Владимирович Коншин (брат управляющего Государственным Банком) – Председатель Торгово-промышленного союза, адвокат Полидоров, три директора банка: Государственного – Александров, Крестьянского – Снигирев и Торгового – Торчинский; чиновники банков саботажники Журавлёв Михаил Мефодьевич – очень весёлый рассказчик про военные дела и «мотивировки», Лебедев, Хрусталиков Михаил Григорьевич – дал мне матрац, одеяло и подушку, Рубинштейн, Шлаков, Беляев Ал. Иванович, крестьянин, богатый, Прокопьев Алексей Кириллович, его дочь, мадонну революции, защищал Саша в 1906 г., купец Катаев, Иван Иванович Покровский ярый с[оциалист]-

[1] По наиболее вероятной версии в июле 1918 г. Точисский был убит при попытке его ареста красногвардейцами из отряда Ивана Каширина. В той же корреспонденции из «Уральского техника» Титов сообщает: «Пошли толки о готовящейся каре для Точисского. Действительно в одну из ночей раздался призывной гудок завода, по расписанию означавший всеобщую мобилизацию. Вступившие войска незнакомые с гудками, что называется взяли на "караул" и потребовали, очевидно, объяснений от Точисского под угрозой ареста. При аресте Точисский пытался оказать вооружённое сопротивление, за что был убит у себя на квартире, а через сутки на свежесмоленной телеге свезён и брошен в яму для павшего скота обывателями Белорецка».

р[еволюционер] центра, бывший председатель Земельного комитета.

Продолжение написано позже:

Остальных не помню. Была по соседству ещё камера 17, наполненная уфимцами. Впоследствии их присоединили к нашей 6-й камере. Там были, между прочим, молодой гимназист Молле – сын очень богатых родителей, имеющих один из лучших домов в Уфе. Затем очень симпатичный спичечный фабрикант Дудоров, очень много впоследствии помогавший нашим белорецким провизией. Купцы Веденеевы, Кузнецов. Наша камера посвежела, поменяла свой состав: добавился граф Пётр Петрович Толстой, редактор «Уфимской жизни» (потом «День»), бывший член 1 -й Государственной думы, кадет. Очень милый и интеллигентный человек. Мы познакомились и с его женой. Он занимался изучением английского языка по прекрасному самоучителю, составленному, по-видимому, немцами. Достиг успеха.

И мама, и папа были в своих камерах старшими – если не по возрасту, то по положению – соответственно, они должны были оказывать и моральную и финансовую поддержку своим сокамерникам. Папа об этом прямо не пишет, но это видно из надписей на обороте подаренных ему фотокарточек.

В дневнике он рисует камеру, двор, план тюрьмы и пишет:

...Вот теперь последняя попытка вести дневник или хотя бы даже записать краткий период жизни, который для потомства не будет лишён интереса, ибо совпадает с революцией.

Но записи его разрозненны. Он много читает, всё по-французски и про Французскую революцию, переписывает в дневник длинные отрывки из прочитанных книг, очевидно, те, что привлекли его внимание сходством с его собственным опытом. Здесь же французские стихи – монологи жертв революции, их возвышенные мысли.

Папу и маму выпустили 1 апреля 1918 года – раньше, чем многих других арестованных. Большинство остальных отпустили в середине мая после короткого суда. Они снялись все вместе в студии уфимского фотографа.

В Уфе отец случайно встретил Иосифа Борисовича Ротмана, того самого человека, семью которого он провожал на поезд, помогая им бежать от погромов в Надеждинском Заводе. Ротман предложил сдать нашей семье три комнаты в своей квартире.

О возвращении отца в Белорецк не могло быть и речи. Мане пришло письмо, что надо собирать всю оставшуюся семью и имущество и всем ехать в Уфу.

Можно представить, какая немыслимая задача встала пе-

ред двадцатитрёхлетней Маней. Шансов, что нам доведётся вернуться в Белорецк, почти не было. Ей предстояло решить, что брать с собой и что оставить. Мебель, конечно, оставили. Мелкие вещи упаковали в сундуки и чемоданы. Но картины в тяжелых рамах? Маня не могла решиться вырезать их все из рам. Все картины остались в Белорецке. Я много раз задавала себе вопрос – что с ними случилось? Попали ли они в музей, или просто погибли, или их присвоили какие-то жители?

Была ещё одна трудность – как получить разрешение на выезд из Белорецка? Эту беду удалось обойти, наметив день отъезда на то время, когда страшного Точисского не было в городе. И в конце концов, 1 мая 1918 года в четверг на Святой неделе Маня, няня и пять детей с горой вещей погрузились в вагончик узкоколейки, попрощавшись с Женей, Верочкой и некоторыми папиными и маминими друзьями, пришедшими проводить нас на станцию. Несколько часов спустя мы доехали до основной железной дороги. Нам помогли выгрузиться, и осталось дождаться поезда до Уфы.

Железнодорожный транспорт был в состоянии развала. Пассажирских поездов или вагонов не существовало. В конце концов Мане разрешили сесть с нами со всеми в вагон, из которого только что выгрузили уголь. Стены, пол и потолок вагона были чёрные от угольной пыли. Маня распорядилась поставить всю гору вещей в середине вагона, посадила детей сверху и велела сидеть смирно, не касаясь стен. Няня смотрела за маленькими, держа грудную Зою на руках.

Так мы ехали почти целый день. На вокзале в Уфе папа и мама встретили своих сильно почерневших детей. Но как радостно было, что долгая страшная разлука наконец позади.

Мы движемся вместе с фронтом

Одним из следствий одностороннего мира с Германией была проблема с чехами. Во время Первой мировой войны Чехия входила в состав Австро-Венгрии, которая была союзницей Германии. Многие призванные в армию и отправленные на русский фронт чехи предпочли не сражаться, а сдаться в плен. Из них Временное правительство сформировало отдельную армию, хорошо вооружённую, высоко дисциплинированную. Стремясь к освобождению своей родины и желая продолжать войну на стороне союзников, они смогли добиться статуса Армии союзных войск и поступить в распоряжение Франции. Советские власти предложили им – поскольку попасть на европейский фронт они не могли – добраться по Транссибирской магистрали до Владивостока, где союзники переправят их в Европу. Однако коммунисты на местах отнюдь не всегда соглашались с центром и

распоряжения не выполняли. Часть чехов доехала до Владивостока, а остальные, примерно 40 тысяч человек, были рассеяны вдоль всей дороги. Стремясь соединиться со своими, чехи неизбежно вступали в конфликты с Красной армией, а там, где это случалось, к ним присоединялись армейские подразделения, настроенные против большевиков. Таким образом, чехи против своей воли оказались втянутыми в Гражданскую войну на стороне белых.

Уфа, находившаяся в руках большевиков, была как раз на пути чехословацких частей, двигавшихся на восток[1].

Запись в папином дневнике 28 апреля 1918 года[2]:

Положение сгущается в связи с чехословаками: вчера ночью[3] в 1 ½ увели из тюрьмы всех уфимцев и чехов, арестованных в последнее время: «Один в белой фуражке (Толстой) шёл бодро, другие парами под ручку» – это впечатление видевших их жён, которые устроили дежурство в ожидании их отправки. Говорят, 120 человек[4]. Куда? Их считают заложниками...

Стало ясно, что красные собираются оставить город и уходить по реке; чехов и других заключённых они взяли в заложники, погрузив в трюм. Всё это при детях, конечно, не обсуждалось. Я так привыкла, что родители переходят на французский или вообще прекращают при нас свои разговоры, что даже и не пыталась выяснять у них, что происходит. Но Маня и няня – совсем другое дело. Они тревожились, тревога переходила к нам.

Город притих и, казалось, чего-то ждал. Через день или два мы услышали звуки военного оркестра и, выбежав из дому, увидели шагающих по улице музыкантов и марширующих следом людей в военной форме. Толпа кричала, приветствуя отряд, и мы поняли, что в город вошло одно из подразделений чешской армии[5].

Их появление стало началом прихода белых к власти в этом регионе. Так, оставаясь в Уфе, мы оказались на «белой» стороне Гражданской войны.

Мне довелось услышать, как один из заложников, о кото-

---

[1] Восстание Чехословацкого корпуса началось 27 мая 1918 г. Уфа оказалась зажата между двумя группами чехословаков в Самаре и Челябинске в середине июня. Тогда же большевиками Уфы было принято решение брать в заложники видных уфимцев.

[2] Ошибочная дата. Возможно, И. Зарудный частично восстанавливал дневник по памяти. Дальше рассказ об уфимских заложников. События происходили во второй половине июня–июле 1918 г.

[3] В ночь с 28 на 29 июня 1918 г.

[4] Было взято 98 человек – 67 чехословаков и 31 уфимец.

[5] Большевики оставили Уфу утром 4 июля 1918 г., на пароходах и баржах ушли вниз по Белой. Чехословаки вступили в город вечером того же дня.

рых писал папа, бежал и спасся[1]. То, что он рассказывал, было ужасно. Их всех держали в трюме. Затем выкликнули одного на палубу, через какое-то время другого, потом ещё одного. Всем стало ясно, что их будут расстреливать по одному. Но этот человек, как только выкликнули его имя, взбежал наверх и тут же бросился в воду. В него стреляли, но не попали. Он спасся, а остальные, по-видимому, погибли[2].

При всех этих волнениях дети жили своей жизнью, со своими радостями и горестями, отражавшими, впрочем, взрослые проблемы. Кирпичный многоэтажный дом № 14 по Александровской улице[3], где родителям удалось снять комнаты, выходил фасадом на главную улицу города; сзади был большой двор. В нижнем этаже располагалась кожевенная мастерская и лавка. Наша квартира была в задней части дома, на втором или третьем этаже. Входили туда со двора, а наверх вела широкая каменная лестница с гладкими деревянными перилами. Я никогда не видала таких перил. Мы, разумеется, были уверены, что их сделали специально для нас, и катались по ним в свое удовольствие.

Двор был заасфальтирован. Асфальта я не видела с тех пор, как мы уехали из Либавы. В таком дворе хорошо получалось играть в мячик и в классики, но если мы падали, то царапали и расшибали себе коленки. В доме жило много детей, и мы с Серёжей сразу завели себе друзей. Считая, что детям нельзя жить без земли, я, как старшая, чувствовала себя ответственной за их благополучие. Мне хотелось обычной мягкой земли, чтобы можно было что-нибудь посадить.

Впрочем, в середине двора был незаасфальтированный кусок земли, но вокруг стоял заборчик, и детям туда ходить не разрешалось: половину участка занимали натянутые веревки, на которых развешивали свежевыделанные кожи, а другую половину – огромный куб аккуратно сложенной поленницы.

Мне надоело смотреть на то, как единственное пригодное для игры место занято какими-то совершенно ненужными вещами. Я была уверена, что дети важнее. В конце концов, я же о

---

[1] Игорь Каргер – молодой (лет 25–27) чехословацкий офицер.

[2] Из заложников были расстреляны девять уфимцев.

[3] По адресу улица Александровская, 14 находился дом С.С. Меклера, который 1 декабря 1917 г. был приобретён татарскими предпринимателями Ишмаевыми, сохранился, находится по совр. ул. К. Маркса за перекрёстком с ул. Коммунистической (бывш. Большой Казанской) и Верхне-Торговой площадью (см.: *Григоренко Л.Ф., Роднов М.И., Тарасова Т.В.* Юридические материалы по истории города Уфы начала XX в. (списки домовладельцев по окладным книгам) // Исторические портреты. Т. 4: Материалы конференции «Символика родного края» и документальные приложения / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019. С. 117).

других заботилась – о младших. Поэтому я не раздумывая отправилась в кожевенную мастерскую и вежливо попросила их поискать другое место для своих кож. Вероятно, кто-то из взрослых поддержал мою просьбу, потому что веревки с кожами вскоре исчезли и нам разрешили играть посреди двора. Содранные об асфальт коленки стали заживать.

Одним из наших занятий было тереть кирпичи – Мане всегда был нужен толчёный кирпич для чистки ножей. Она макала мокрую бутылочную пробку в бурый порошок и начищала потемневшие стальные лезвия, пока они не начинали блестеть. Для порошка мы подбирали два куска кирпича во дворе и терли их друг об друга. Это было важное занятие, я не сомневалась, что запас толчёного кирпича – один из главных домашних запасов. Но тут мне пришло в голову, что тереть их можно так, чтобы получилась форма, какую хочешь. Я собрала остальных детей и сказала, что мы будем так тереть кирпич, чтобы получались маленькие кирпичики, а когда мы сделаем их очень много, можно будет из них построить домик. Чем мы и занялись, и какое-то время все дети дружно сидели и старательно тёрли кирпич о кирпич. Были у нас и другие занятия, и я почти всегда была заводилой.

Всё шло хорошо, пока несколько детей не стали дразнить одного мальчика. Мальчик был слабенький и постоять за себя не мог. По-моему, это был сын наших хозяев. Так или иначе, он был еврей, за это его обзывали, и он плакал. Мы пришли домой, рассказали маме, что его обижают и называют «жид».

– Никогда этого слова не говори, – сказала мама. – Это плохое слово и очень обидное.

– Почему?

– Я тебе расскажу един случай, – сказал папа, который сидел рядом и слышал наш разговор. – Как-то давно я ехал в трамвае. Трамвай был полон, и пожилая женщина, вошедшая вместе со мной, хотела сесть на единственное свободное место. Но тут какой-то здоровый молодой человек, внешне типичный еврей, ринулся туда, оттолкнув её, и уселся сам. «Что за невежа!» – сказал кто-то из пассажиров, на что молодой человек ответил какой-то грубостью. Тут уже я пришел в ярость и закричал на него: «Жид!» В тот же момент сидевший неподалеку достойный пожилой господин спокойно встал, приподнял шляпу, как бы представляясь, и произнес: «И я тоже!» Не могу забыть того стыда, какой я испытал. Выкрикнув это унизительное слово нахальному молодому человеку, я не его оскорбил, а оскорбил всех евреев, не имевших к этому случаю никакого отношения. С тех пор я никогда этого слова не произносил.

Рассказ оказал своё действие: мы с Сережей всё хорошо поняли. Но дети во дворе продолжали обзывать мальчика и сочинять обидные дразнилки. Я никак не могла их остановить, и мальчик каждый день уходил домой в слезах. Я и спорила, и дралась. Сережа помогал мне, но всё оставалось по-прежнему.

Тогда у нас возникла замечательная идея: мы просто не будем с ними играть и придумаем что-нибудь другое, гораздо интереснее. Разгребём дрова наверху поленницы и устроим там себе берлогу. Мы сделали берлогу и никому не разрешали туда залезать, кроме того самого мальчика. Берлога получилась замечательная – мы выстлали её одеялами и подушками, притащенными из дому, закрыли её ветками, так что остался только узкий лаз, принесли печенье и молоко и сидели там на зависть всем остальным. Папа и мама заглянули к нам, но они, конечно, были слишком большими и не влезли. То есть это была наша собственная, «тайная» берлога.

Без меня и Сережи игры во дворе прекратились. Кажется, мы потом помирились со всеми остальными (скорее всего, взрослые как-то вмешались) – я хорошо помню, как мы все, включая нашего нового друга, сидим и строим домик из своих маленьких кирпичиков. Считая себя специалистом, я размешиваю цемент с водой, скрепляю сложенные по всем правилам стенки, и мы оставляем наш домик сохнуть. Оттого ли, что цемент был старым, или оттого, что я забыла положить известку, но на следующий день наш домик рассыпался. Так закончился мой первый опыт строителя и руководителя.

Папе удалось продать две своих «Мечты[1]» близлежащим заводам, и семья могла просуществовать какое-то время. Работы у папы не было, он проводил большую часть времени дома.

В дождливые дни папа замечательно умел нас занимать. Я хорошо помню, как мы сидим вокруг стола и вырезаем из картона нарисованные на нём части моделей замка, миноносца и ещё какие-то. Мы учились оставлять белые краешки для клея, аккуратно складывать и склеивать детали. Модели были очень сложные, настоящие произведения искусства; много лет спустя я нашла у папы в дневнике рисунки для них.

Я учила тогда «Медного всадника», хотела выучить всю по-

[1] В 1915 г. Иван Зарудный изобрёл и запатентовал барабанную тигельную печь «Мечта» для плавильных цехов. Её ёмкость была 250–500 кг руды и использовалась для получения в небольших количествах серого и ковкого чугуна, продолжительность плавки от 30 минут до часа. Печь была проста и неприхотлива в обращении, в качестве топлива использовался мазут. Патент на печь был международным и выплаты по нему, в том числе из СССР, помогали финансово семье Зарудных в эмиграции.

эму целиком, потому что мама рассказывала, как в гимназии в старшем классе, когда они проходили «Евгения Онегина», им задали на дом выучить наизусть начало, а когда она спросила учителя, можно ли выучить весь роман, тот сказал, что «Евгений Онегин» слишком длинный. Раззадорившись, мама решила доказать, что может выучить всё, и выучила. Мне «Евгений Онегин» показался слишком длинным, я решила взять поэму поменьше – «Медного всадника», и хотя не сразу, но выучила его наизусть.

Аша

В июле 1918 года отца назначили членом Временного совета директоров Симского округа сталелитейных заводов. Кроме него в совет входили ещё двое: горный инженер Алексей Иванович Умов, председатель, и Александр Александрович Гаврилов, один из папиных сокамерников в Уфимской тюрьме. Втроём они должны были управлять сталелитейными заводами вместо уехавших владельцев.

Многочисленные уральские заводы стояли без управляющих – одних разогнали большевики, другие сами бежали. Владельцы чаще всего были уже за границей. Белые временно национализировали эти заводы, чтобы они не останавливались, и местное правительство назначало управляющих.

В июле в Уфе состоялось большое государственное совещание, на котором все национализированные заводы были разделены по округам. В Симский округ входил завод в Аше, на Транссибирской магистрали. Туда перевели Умова и нашего отца. Отец, как обычно, поехал вперед, чтобы приготовить нам жилье.

(*Зарудная-Фриман Маргарита.* Мчались годы за годами. История семьи Брюлловых-Зарудных. СПб., 2012. С. 86–103)

(публикация и комментарии А.В. Егорова)

Список сокращений

(кроме статей А.З. Асфандиярова и Я.Г. Солодкина)

ГАПК – Государственный архив Пермского края (Пермь);
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области (Ярославль);
ИИЯЛ БФАН (затем УНЦ, ныне УФИЦ) РАН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала (затем Уфимского научного центра, ныне Уфимского федерального исследовательского центра) Российской академии наук (ранее АН СССР);
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа);
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва);
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва);
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург);
РФ ГАЯО – Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (Рыбинск);
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)

Список авторов

Асфандияров Анвар Закирович (1934–2014) – кандидат исторических наук, выдающийся историк СССР и РФ;

Егоров Андрей Витальевич – независимый исследователь (Московская область);

Зарудная-Фриман Маргарита Ивановна (1908–2008) – автор мемуаров, независимый исследователь (Российская империя, США);

Макарова Вера Николаевна – кандидат исторических наук, Национальный музей РБ (Уфа);

Петров Дмитрий Владимирович – сотрудник Санкт-Петербургской Духовной Академии (Санкт-Петербург)

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа)

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск)

Тарасова Татьяна Викторовна – краевед (Уфа)

Чистяков Олег Вячеславович – кандидат исторических наук, Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

Научное издание

Река времени. 2021

составитель и ответственный редактор
Роднов Михаил Игоревич

Подписано в печать 18.02.2021. Формат 60×84 /16.
Усл. печ. л. 8,62. Уч. изд. л. 8,94.
Тираж 100 экз. Зак. № 22.

Отпечатано с готовых материалов
в авторской редакции
в ООО «КнигаПринт»
450106, РБ, г. Уфа, ул. Рабкоров, д. 2/7,
тел. 8 (347) 266-40-52
E-mail: kniga_print@mail.ru